

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И МЕТОДИКИ
ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ**

**Материалы
XII Студенческой научно-практической
конференции**

Москва, РУДН, 24 апреля 2015 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2015

УДК 372.881.161.1(063)
ББК 81.2Рус-9
А43

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Редакционная коллегия:
В.М. Шаклеин – главный редактор,
Н.В. Рыжова, И.М. Логинова, С.А. Хавронина, О.С. Завьялова

А43 **Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания** : материалы XII Студенческой научно-практической конференции. Москва, РУДН, 24 апреля 2015 г. – Москва : РУДН, 2015. – 169 с.

ISBN 978-5-209-06558-6

В настоящий сборник включены тексты докладов, которые были представлены на XII Студенческую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания», состоявшуюся 24 апреля 2015 г. в Российском университете дружбы народов.

УДК 372.881.161.1(063)
ББК 81.2Рус-9

ISBN 978-5-209-06558-6

© Коллектив авторов, 2015
© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2015

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.Э. Амрахова

(Российский университет дружбы народов)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *ЗНОЙНЫЙ* И *ЖГУЧИЙ* В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье подвергаются анализу прилагательные со значением высокой температуры. Рассматриваемая подгруппа включает следующие слова: *знойный* и *жгучий*. Соответствующие им имена прилагательные азербайджанского языка будут сопоставляться с лексико-семантической группой имен прилагательных русского языка со значением высокой температуры.

При сопоставлении многозначных прилагательных, как русского языка, так и азербайджанского языка необходимо учесть их сочетаемостные возможности с именами существительными, поэтому значения имен прилагательных выявляются в системе состоящей из имени прилагательного и имени существительного: П + С. Основной задачей статьи является выделение и различение значений многозначных прилагательных на основе анализа сочетаемости слов.

Перейдем к анализу прилагательного *знойный*. Сочетаемость первого непроеизводно-номинативного значения 'очень жаркий' выражается существительными, обозначающими промежутки времени. *Знойный день, лето, полдень* и т.д. Второе значение 'пылкий, жгучий' сочетается с существительными, обозначающими страсть, ласки, воспоминания. *Знойные воспоминания. Знойные страсти. Знойные ласки.*

Сочетаемость первого непроизводно-номинативного значения 'имеющий, горячую, обжигающую, палящую температуру' выражается существительными, обозначающими природные явления, такие как *воздух, ветер, вода, мороз* и т. д. *Жгучий ветер. Жгучий воздух. Жгучая вода. Жгучий мороз.* Второе непроизводно-номинативное значение 'вызывающий ощущение жжения, причиняющий острую боль' реализуется с существительными *крапива, вода, мороз, влага. Жгучая крапива. Жгучая вода. Жгучий мороз. Жгучая влага.* Третье переносно-метафорическое значение 'захватывающий, волнуемый' сочетается с существительными *поцелуй, речь, прикосновение. Жгучий поцелуй. Жгучая речь. Жгучее прикосновение.* Четвертое переносно-метафорическое значение 'остро переживаемый' сочетается с существительными, обозначающими отрицательные чувства. *Жгучая боль. Жгучий стыд. Жгучее раскаяние.* Пятое переносно-метафорическое значение 'сильно, глубоко затрагивающий, тревожащий, беспокоящий' сочетается с существительными типа *вопрос, проблема. Жгучий вопрос. Жгучая проблема.*

В семантической структуре прилагательного *жгучий* выделяются непроизводно-номинативное (1), производно-номинативное (2) и переносно-метафорические (3, 4, 5) значения.

Первое значение 'имеющий горячую, обжигающую, палящую температуру' по ассоциации вызывает (3, 4, 5) метафорические значения. Второе производно-номинативное значение включает в себя первое значение и сему 'вызывающий'.

Второе значение включает в себя первое непроизводно-номинативное, тем самым появляется потенциальная сема, которая создает третье метафорически переносное значение.

В азербайджанском языке в составе лексико-семантической группы имен прилагательных со значением температуры, русскому прилагательному *знойный*, соответствуют прилагательные *bürkülü, qizmiş, qizmar, hərarətli*,

coşqun, прилагательному *жгучий* соответствуют прилагательные *yandırıcı, kəskin, təsirli, şiddətli, acı*.

Имена прилагательные азербайджанского языка со значением высокой температуры так же являются многозначными и содержат в составе значений семантические классы существительных, образующие окружение.

Семантическая структура имен прилагательных азербайджанского языка исследовалась так же, как и семантическая структура прилагательных русского языка в конструкции, состоящей из прилагательного и существительного.

В семантическом объеме приведенных синонимических имен прилагательных азербайджанского языка выявлены следующие значения:

Bürkülü :

1. Boğanaq, nəfəsi çətinləşdirəcək dərəcədə isti. *Bürkülü bağa. Bürkülü iyun.*

Qızmış :

1. Od üstündə qalaraq yüksək hərarət almış, yandırıcı dərəcədə istilənmiş. *Qızmış ərsini.*

2. məc. Özündən çıxmış, qızıxmış, coşmuş, azğın. *Qızmış dəvə. Qızmış öküz. Qızmış pələngə.*

Qızmar :

1. Çox qızğın, yandırıcı, qaynar. *Qızmar dişlər. Qızmar günəş. Qızmar dəmir.*

Hərarətli :

1. İsti, qızmar, yandırıcı. *Hərarətli günəş. Hərarətli soba. Hərarətli metal* 2. Hərarəti, istisi olan; qızdırmalı.

3. məc. Qızğın, atəşin, alovlu, ehtiraslı, coşqun. *Hərarətli nitq. Hərarətli salamlar. Hərarətli məhəbbət.*

Coşqun :

1. Coşmuş halda olan; qızıxmış.

2. Bütün gücü, şiddəti ilə təzahür edən; güclü, gur, şiddətli; təlatümlü. *Coşqun sel. Coşqun sular. Coşqun Xəzər.*

3. məc. Qızgın, güclü, şiddətli, hədsiz. // məc. Ehtiraslı, qızgın, atəşin, həyəcanlı. *Coşqun nitq. Coşqun baxışlar.* // məc. Dəliqanlı. *Coşqun gənc.*

Yandırıcı :

1. Yandırmaq xassəsi olan; yandıran, yaxıcı, qızmar. *Yandırıcı şüalar Yandırıcı dağ.* // Məc. mənada. Yandırdı məni yandırıcı firqəti anın. *Yandırıcı atəş.*

Kəskin :

1. İti. *Kəskin qılınc. Kəskin silah.*
2. məc. Şiddətli, güclü, təsiredici. *Kəskin şaxta .*
3. Çox güclü, şiddətli. *Kəskin parıltı.*
4. Hiss orqanlarına güclü təsir edən; qıcıqlandırıcı. *Kəskin qoxu.* Kəskin iyi. Kəskin şüaları. // Güclü, çox bərk. *Kəskin ağrı. Kəskin sızıltı.*

5. məc. Aydın, olduqca yaxşı nəzərə çarpan, görünən. *Kəskin cizgiləri. Kəskin boya. Kəskin nəzərə .* // Birdən-birə baş verən, çox böyük, ciddi. *Kəskin dəyişiklik.*

6. Gərgin, ağır. *Kəskin vəziyyət. Kəskin Münasibət.*

7. məc. Qaba, kobud, nəzakətsiz, incəlikdən məhrum. *Kəskin cavab. Kəskin söz Kəskin danışiq.* // məc. Sərt, amansız, qəti, təsirli. *Kəskin tənqid. Kəskin rəy.*

8. məc. Nüfuzedici, iti. *Kəskin baxış. Kəskin nəzər.*

9. məc. Çox inkişaf etmiş, çox incə, çox həssas; iti (qulaq, göz, hafizə və s. haqqında). *Kəskin hafizə.* // məc. Ağıl, zəka, idrak haqqında. *Kəskin zəka. Kəskin zehni.*

10. məc. Qəti, tərəddüdsüz. *Kəskin məsələ. Kəskin səs. Kəskin söz.*

Təsirli :

1. Təsir edən, təsir göstərən, təsiri olan, təsiredici. *Təsirli musiqi. Təsirli dərman. Təsirli səs.*

Şiddətli :

1. Çox güclü, çox qüvvətli; dəhşətli. *Şiddətli yanğın. Şiddətli vuruşma.* // Eyni mənada təbiət hadisələri haqqında. *Şiddətli küləklər. Şiddətli qış.*

Acı :

1. Dili-ağzı yandırıcı, kinə, xardal və s. dadında olan (şirin ziddi). *Acı dərman. Acı badam. Acı dad. Acı istiot. Acı turp. Acı soğan. Acı çay (dişləmə çay, içinə qənd salınmamış çay).*

2. məc. Fəlakətli, məşəqqətli, əziyyətli, kədərlə dolu. *Acı həyat. Acı tale. Acı günlər.*

3. məc. Xoşa gəlməyən, qəlbə toxunan, ağır, pis, qaba, kobud. *Acı söz. Acı danışiq. Acı xatirələr. Acı dərs. Acı danışı.*

4. məc. İbrətli, nəticəsi pis olan, təəssüf ediləcək. *Acı təcrübə.*

5. Bəzi sözlərin qabağında, onların ifadə etdikləri şeyin təsirini, dərəcəsini, qüvvəsini şiddətləndirir. *Acı ruzgar. Acı gülüş.*

6. Nifrətlə, acıqla, ələ salarcasına, istehza ilə, başqasına toxunacaq, təhqir edəcək bir tərzdə. *Acı-acı gülmək. Acı-acı danışmaq. Acı-acı baxmaq.*

В основе семантики имен прилагательных лежит понятие непроцессуального признака, свойства. Так, прилагательные анализируемой лексико-семантической группы (*знойный и жгучий*) выражают понятие температуры. С одной стороны, значения прилагательных данной лексико-семантической группы определяются наличием этих признаков (жары, тепла) в реальной действительности, с другой стороны, лексическое значение каждого из прилагательных складывается в сети противопоставлений значениям других прилагательных этой же лексико-семантической группы в системе.

Итак, семантическая структура имени прилагательного *bürküli* состоит из одного значения, *qızmış* из двух значений, *qızmar* из одного значения, *hərarətli* из трех значений, *coşqun* из трех значений, *kəskin* из десяти значений, *təsirli* из одного значения, *şiddətli* из одного значения, *acı* из шести значений, *yandırıcı* из одного значения. Двум значениям русского имени прилагательного *знойный* соответствует 1 значение азербайджанского прилагательного *bürküli*, прилагательное *qızmış* соответствует в одном значении, *qızmar* – в двух значениях, *hərarətli* – в двух значениях, *coşqun* соответствует в одном зна-

чении. Пяти значениям русского имени прилагательного *жгучий* соответствует два значения азербайджанского прилагательного *yandırıcı*, четыре значения прилагательного *kəskin*, два значения прилагательного *təsirli*, два значения прилагательного *şiddətli*, четыре значения прилагательного *acı*.

Именам прилагательным азербайджанского языка *bürkülü, qizmiş, qizmar, hərarətli, coşqun, yandırıcı, kəskin, təsirli, şiddətli, acı*, так же как и русским прилагательным не свойственно употребление с одушевленными существительными в основном номинативном значении (нельзя: *yandıran adam, acı adam, şiddətli adam*; жгучий человек, палящий человек; знойный человек). Прилагательное *şiddətli* служит для характеристики не просто жгучего, а очень трудного, сильного и ужасного, сочетаясь с отвлечёнными существительными обозначающими пожар (*yanğın*), битва (*vuruşma*), ветер (*külək*), зима (*qış*). С которыми ни один из его синонимов не употребляется. Как видно, каждое прилагательное азербайджанского языка несет в свою смысловую нагрузку, дополняя друг друга.

Таким образом, семантическая структура прилагательных *знойный и жгучий* и их сочетаемостные возможности передаются в азербайджанском языке прилагательными *bürkülü, qizmiş, qizmar, hərarətli, coşqun, yandırıcı, kəskin, təsirli, şiddətli, acı*.

Сходство и различия семантической структуры имен прилагательных *знойный и жгучий* и семантическая структура имен прилагательных *soyuq, nazik, təsirsiz, ifadəsiz, laqeyd*¹ отражены в следующей таблице:

¹ Сходства значений прилагательных русского и азербайджанского языка не означает полного совпадения употребления прилагательных в данных значениях.

Имя прилагательное Семемы (значения)	<i>знойный</i>	<i>bürkülü</i>	<i>qızmış</i>	<i>qızmar</i>	<i>hərarətli</i>	<i>coşqun</i>
1. Очень жаркий.	+ ²	+	+	+	+	-
2. <i>перен.</i> Пыльный, жгучий.	+	-	-	+	+	+

Имя прилагательное Семемы (значения)	<i>жгучий</i>	<i>yandırıcı</i>	<i>kəskin</i>	<i>təsirli</i>	<i>şiddətli</i>	<i>acı</i>
1. Имеющий горячую, обжигающую, палящую температуру.	+	+	-	-	-	-
2. Вызывающий ощущение жжения, причиняющий острую боль.	+	+	+	-	-	+
3. <i>перен.</i> Захватывающий, страстный, волнующий	+	-	+	+	-	+
4. <i>перен.</i> Остро переживаемый	+	-	+	-	+	+
5. <i>перен.</i> Сильно, глубоко затрагивающий, тревожащий, беспокоящий.	+	-	+	+	+	+

Полученные результаты могут быть использованы при составлении русско-азербайджанских и азербайджанско-русских словарей.

² Знак «+» означает наличие значений в семантической структуре имен прилагательных, знак «-» – их отсутствие.

Литература

1. Гак. В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1971.
2. Денисенко В.Н. Теория семантического поля: тексты, вопросы, комментарии. – М., 2006.
3. Новиков Л.А. Избранные труды. Проблемы языкового значения. Т. 1. – М., 2001.
4. Иса-заде В.Д. Семантическая структура слова. – Баку, 1998.
5. Словарь современного литературного языка в 17-ти томах. – М.-Л., 1950-1965.
6. Словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985-1988.
7. Ruscs-Azerbaydcanca lüğət. 3 cilddə. Red. A. Orucov. – Bakı, 2005.
8. Azerbaydcan dilinin izahlı lüğəti. 4cilddə.red. A. Orrucov. – Bakı, 2006.

К.В. Ахнина

(Российский университет дружбы народов)

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ СЕТЕВОЙ МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС

Деятельность врача сегодня не мыслима без обращения к ресурсам Интернета, в котором реализуются значимые аспекты профессиональной деятельности: в интернет-формате производится запись больных на прием к врачу, традиционные медицинские карты больных постепенно уступают место электронной документации, важнейшие медицинские проблемы разрешаются в процессе делового интернет-взаимодействия врачей из разных уголков мира.

В настоящее время профессионально-ориентированный сетевой дискурс пока не стал предметом широкого изучения специалистов-филологов, лингводидактов, методистов. В научной литературе фиксируются единичные работы, посвященные анализу характеристик инженерного, делового и некоторых других типов дискурсивного интернет-взаимодействия. Работ, в которых рассматриваются коммуникативно-речевые, социо- и этнокультурные особенности сетевого медицинского дискурса в настоящее время практически нет.

Под сетевым медицинским дискурсом (СМД) мы понимаем общение, которое формируется в Интернете между людьми, имеющими опыт работы в медицинской сфере; между специалистами или теми, кто к ним обращается для получения консультации либо профессиональной помощи.

Сетевой медицинский дискурс можно подразделить на следующие типы: образовательный сетевой медицинский дискурс (порталы/ сайты медицинских учебных учреждений, сетевые медицинские библиотеки и т. д.); профессионально-деловой СМД (информационно-правовые сайты / порталы); документный (электронная медицинская карта, электронная запись и др.); организационно-корпоративный (сайты / порталы департаментов здравоохранения, лечебных учреждений); профессионально-практический (виртуальные консультации, онлайн-консультации, интернет-каталоги медицинских учреждений и др.); сетевой медицинский медиа-дискурс (медицинские интернет-газеты, научно-популярные журналы и т.д.); коммерческий СМД, который реализуется посредством таких жанров, как интернет-магазин, сетевая аптека или интернет-аптека и др.; к рекламному сетевому медицинскому дискурсу относятся такие жанры, как рекламный сайт, рекламное сообщение, статья и т.д.; межличностный СМД реализуется в таких жанрах и жанровых разновидностях, как форумы, блоги, блог-ленты социальных сетей и др. Жанры этой разновидности СМД разграничиваются на форумы вра-

чей скорой помощи, паразитологов, терапевтов, врачей УЗИ, гинекологов, неврологов, педиатров, гастроэнтерологов, инфекционистов и др.

В работе дается краткая языковая характеристика одного из наиболее интересных типов сетевого медицинского дискурса (СМД) – межличностного. В центре внимания – основные жанры межличностного СМД: медицинские блоги врачей, интернет-сайты и медицинские форумы, их дискурсивные, лингвистические и экстралингвистические особенности.

К лингвистическим характеристикам мы относим широкий круг коммуникативных ролей, которые имеют многочисленные смысловые позиции, несколько видов адресации, разные типы речевого взаимодействия и “политематичность”.

Пример полилога между врачами и участниками форума показывает нам многообразие смысловых позиций. Пример взят с медицинского форума врачей, где обсуждалась тема “Последствие прививок” (<http://medscape.ru/topic/>).

Tvikss (пациент): *После второй прививки в ножки у малыша 6 месяцев, на левой ноге на расстоянии двух см от укола появилась шишка. С каждым днем немного увеличивается в размере. Это так должно быть? Место шишки немного покраснело. Мажем ногу троксевазином.*

amragat: *Покажите ребенка сначала педиатру. Иногда после прививки, как и после любой инъекции, возможно развитие постинъекционного абсцесса. Это редкость, чаще возникают простые инфильтраты (уплотнения), которые рассасываются в течение месяца. Нужно наблюдать за ребенком.*

пацак с Земли: *Поствакцинальный инфильтрат. Рассосётся.*

Liz: *На прививку может быть как местная аллергия, так и высыпания на коже как реакция на аллергены. Есть смысл до прививки принимать сорбенты (Полисорб). Они вроде снижают аллергизацию.*

malWINa: *мы делали йодовую сеточку. Все прошло!*

Kosh: родители тоже должны думать головой и понимать, что детей до 2 лет вакцинировать не надо, и не надо вакцинировать вакцинами прошлого века, как делают в поликлиниках....

Из этого отрывка разговора на форуме видно, что первые участники сформировали следующие смысловые позиции: а) поствакцинальный инфильтрат рассосется; б) аллергия; в) показаться врачу; г) народные средства против аллергии (йодовая сеточка); д) не делать прививки детям до 2-х лет.

Во время разговора на форуме формируется несколько смысловых позиций, которые развиваются и пополняются на протяжении всего общения.

Компьютерный и профессиональный жаргон можно наблюдать практически в каждом акте коммуникации:

User: dok_zlo

До завтра 07.01. 15 строго до 19-00 по мск пишете мне в личку что бы Вы хотели спросить по дерматовенерологии. На вопросы типа "дайте волшебную пилюлю что бы раз и навсегда вылечит мою кожную хворь", или я "я лечусь уже пять лет у разных докторов, ничего не помогает, вылечите меня за пять минут" отвечать буду, но ответ Вас не обрадует (<http://dok-zlo.livejournal.com>).

Основными элементами коммуникативного кода являются графические, лексические и стилистические средства. Графические средства на форумах используются для выражения эмоций с помощью различных смайлов:

Lex: *Если вы считаете, что можно сутками сидеть. скрючившись за компом, а потом что-нить съесть или уколоть - и спина болеть не будет- то вам с вашим оптимизмом только ВВП в РФ удваивать 😊 ...*

Аббревиатуры и сокращения встречаются в каждом коммуникативном акте и употребляются в качестве экономии времени. В статье мы анализируем в основном профес-

сиональную медицинскую лексику. Следовательно, на форумах в процессе общения врачи и пациенты используют узкоспециализированные сокращения препаратов, названия болезней, органов, генов, анализов, медицинского оборудования, например:

***Liva:** Год назад обнаружили диффузный токсичный зоб 2 степени. + АИТ. Был тиреотоксикоз. Лечение тирозолом 30 мг, далее уменьшение дозы. Через 7 мес. отмена лекарств, т. к. и УЗИ щитовидки хорошее, и антител к рецепторам ТТГ нет, и гормоны в норме.*

Анализ дискурсивных характеристик анализируемой разновидности медицинского дискурса позволил выделить основные коммуникативные роли партнеров по общению, их смысловые, социальные позиции. Особый интерес вызывает описание способов представления адресата, способов речевого взаимодействия. Рассмотрена также специфика представления категории темы, выявлено, что политематичность, взаимопересечение и взаимовлияние типовых тематических зон – отличительная характеристика межличностного сетевого медицинского дискурса.

В работе приводятся примеры общения на медицинских форумах, которые свидетельствуют о специфике коммуникативных ролей общающихся, о формировании определенного коммуникативного кода, который реализуется посредством специальных языковых средств.

В.В. Бондарева

(Российский университет дружбы народов)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОКАЛИЗМА

В истории лингвистической науки изучению фонетики, а именно вокализму, уделяется недостаточно внимания. Однако накопление знаний о звуковом строе языка началось ещё с античных времён; эти знания служат прочной основой современных фонетических теорий [Гордина 2006; 3-4].

Анализ звуковой стороны языка осуществляли ещё античные авторы. Так греческие и латинские мыслители проводили чёткую границу между алфавитным знаком и звуком и разделяли звуки на гласные и безгласные. Гласные описывались как звуки, образующиеся только с помощью голоса, их артикуляционная характеристика опирается на осязаемый и видимый признак – раствор рта. Таким образом, уже в работах античных авторов отражены некоторые ключевые вопросы изучения гласных звуков. Однако тот анализ, который был проведён античными авторами, основывается на интуитивно-фонологическом подходе [Фрейденберг 1936].

Главной целью средневековых исследователей было создание новых алфавитов, которые удовлетворили бы потребности стремительно развивающегося общества. Большинство таких новых алфавитов основывались на принципе фонемографии, когда идеальным считался такой алфавит, в котором каждому отдельному звуку соответствует одна буква. Поэтому в их работах отсутствует описание фонетического качества звуков как такового, они опираются на тот же интуитивно-фонологический подход, который лежал в основе античных описаний гласных звуков. Некоторые авторы предпринимали попытки добавить в алфавиты новые знаки и буквы для того, чтобы показать всё разнообразие гласных звуков, однако эти попытки не были удачными [Зиндер 1987].

Начиная с XVII проблемами артикуляции звуков начинают интересоваться учёные-физиологи; они классифицируют гласные в соответствии с положением губ и положением языка в полости рта, разделяя все гласные на три типа по степени раствора рта. Эти классификации являются первыми попытками создать универсальную систему описания вокализма, которая бы была применима ко всем существующим языкам. Таким образом, на протяжении XVIII века учёные начинают неосознанно отказываться от интуитивного метода описания гласных звуков, развивается собственно фонетический подход [Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975].

Теоретические и практические описания русского вокализма появляются в России начиная с XVIII века. Такие первые описания не содержали артикуляторных характеристик вокализма и опирались на тот же фонемографический подход [Катков 1845].

На рубеже XVIII-XIX веков развивается новое направление – общая фонетика: учёные начинают описывать не только вокалическую систему своих языков, но и сравнивать вокалические системы разных языков. Это послужило толчком к созданию универсального подхода к описанию вокалических систем.

Впервые в начале XIX века вокалическая система была представлена в виде треугольника, в зависимости от формы ротового отверстия при произнесении того или иного гласного. Такие треугольные вокалические системы начали появляться в очерках по общей фонетике и содержали три ряда гласных. Теперь при составлении вокалических систем учитывались возможные сочетания действий губ и языка. В это же время авторы грамматик начинают делить гласные звуки на носовые и неносовые, что также отражалось при описании системы вокализма. Всё чаще и чаще речь шла о различении активных и пассивных органов, треугольники вокалических систем строились так, что наверху оказывались звуки более высокого тембра, а внизу, соответственно, более низкого.

Наиболее существенный вклад в описание вокалических систем внёс Александр Мелвилл Белл. В своих работах он предложил новую систему классификации гласных: положение языка в передней, средней и задней части полости рта, три степени подъёма спинки языка и наличие или отсутствие лабиализации. Таким образом, Белл выделяет 18 гласных звуков. Однако эти 18 гласных звуков Белл называл *первичными* и выделял также *широкие*, при которых глотка расширялась. Таким образом, количество гласных в этой классификации увеличивалось до 36. Позже класс *широких* гласных был признан несущественным, и от него отказались, но несомненным прорывом в области классификации гласных звуков было выделение Беллом *смешанных* гласных [Bell 1894].

Классификацию гласных, разработанную Беллом, использовали и другие лингвисты, например, Генри Суит. Он переименовал оппозицию Белла *первичные / широкие* на *узкие / широкие* и стал основоположником *теории глайдов*, с помощью которой он описывал дифтонги [Sweet 1890].

Описание русского вокализма было отражено в работах многих лингвистов, однако только Василий Алексеевич Богородицкий впервые начал учитывать в классификации гласных словесное ударение и предпринял попытку описать безударный русский вокализм [Богородицкий 1884].

В конце XIX – начале XX в. наблюдается абсолютно новый подход к изучению вокализма, поскольку учёные-лингвисты начали ориентироваться, прежде всего, на системные отношения между звуками. В это же время некоторыми лингвистами высказываются идея противопоставления звуков (опозиции). Однако часто за основу всё ещё берётся система вокализма, разработанная Беллом. Одним из вариантов вокалической системы стала крестообразная таблица, в которую включались промежуточные гласные звуки.

Совершенствованию подходов к составлению вокалической классификации способствовало возникновение методов экспериментальной фонетики. Теперь для изучения во-

кализма стало возможным использовать специальные инструментальные средства, которые позволяют фиксировать речевые параметры в соответствующих единицах измерения [Ершов 1903].

С развитием технологий и, опираясь на все исследования, которые были проведены ранее, лингвисты возвращаются к традиционной треугольной системе гласных звуков в её различных модификациях.

В 1886 году в Париже была основана Международная фонетическая ассоциация, главной целью которой было развитие фонетики. Членами этой организации был разработан международный фонетический алфавит, который на сегодняшний день считается универсальным и может быть применен к любому языку.

Следующий важный этап в развитии вокализма и фонетики в целом связан с деятельностью Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, который разработал теорию фонемы и предложил три понимания фонемы: психологической фонемы (психофонемы), фонемы как “подвижного компонента морфемы”, фонемы как “пучка различительных признаков” [Бодуэн де Куртенэ 1963, 1: 253-361]. Понимание фонемы И.А. Бодуэном де Куртенэ как подвижного компонента морфемы легло в основу теории Московской фонологической школы (МФШ). Понимание фонемы И.А. Бодуэном де Куртенэ как пучка различительных признаков легло в основу фонологической теории Пражской лингвистической школы (ПЛШ).

Свою теорию фонемы предложил Лев Владимирович Щерба. Он первый определил функции фонемы: способность различать звуковые оболочки слов. Щерба сближает понятие фонемы с воспринимаемым звуком, способным выполнять смыслоразличительную функцию [Зиндер 1951].

Таким образом, в истории развития описания вокализма условно можно выделить три этапа:

1) первый этап опирается на интуитивно-фонологический подход, поскольку первые древние и средневековые алфавиты создавались на основе фонемографического подхода;

2) второй этап проявляется в конце XVIII – начале XIX века. Учёные начинают сравнивать вокалические системы разных языков, при этом они постепенно отказываются от фонемографического подхода, артикуляторные описания становятся всё более точными. Учёные начинают замечать и исследовать системные отношения между гласными звуками и их взаимоотношения с согласными, результаты этих исследований отражаются в транскрипции. Таким образом, обозначаются два основных аспекта изучения звуков – функциональный (фонологический) и собственно фонетический;

3) в XX веке развиваются теории фонемы, это позволило провести более чёткую границу между фонологическим и собственно фонетическим описанием вокализма [Гордина 2006].

Литература

1. *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* Очерки по истории лингвистики. – М., 1975.
2. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Фонология / И.А.Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т.1.
3. *Богородицкий В.А.* Гласные без ударения в русском языке. – Казань, 1884.
4. *Гордина М.В.* История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории). – СПб., 2006.
5. *Ершов С.* Экспериментальная фонетика. – Казань, 1903.
6. *Зиндер Л.Р.* Л.В. Щерба и фонология // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л., 1951.
7. *Зиндер Л.Р.* Очерк общей теории письма. – Л., 1987.
8. *Катков М.* Об элементах и формах славяно-русского языка. – М., 1845.

9. *Фрейденберг О.М. (ред.)* Античные теории языка и стиля. – Л., 1936.

10. *Bell A.M.* Sounds and their relations. A complete manual of universal alphabets illustrated by means of visible speech and exhibiting the pronunciation of English, in various styles, and of other languages and dialects. – London, 1882.

11. *Sweet H.* A primer of phonetics. – Oxford, 1890.

А.В. Воронова

(Российский университет дружбы народов)

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ

При обучении русскому языку иностранных студентов немаловажным является культуроведческий аспект, “...который вполне соответствует господствующей ныне в образовании идее о диалоге культур и исходит из социальной природы языка, его коммуникативного предназначения, социологизации языковой личности, логически вытекающей из социальной концепции личности самого человека” [Митрофанова 2000; 30].

Культуроведческая ориентация предполагает не только поиск новых методических приемов, иных способов презентации и усвоения культуроведческих знаний, но и порождает новые критерии отбора учебного материала, которые ориентируются на формирование коммуникативной деятельности по усвоению элементов культуры изучаемого языка.

Это означает, что при отборе учебных материалов особое внимание уделяется коммуникативно-прагматической направленности текста, учитывающей особенности реальной

коммуникации и национально предопределенное речевое поведение российских граждан.

Опираясь на коммуникативную направленность методики РКИ, особое внимание необходимо уделять тексту как средству развития речи и проблеме его лингвострановедческого рассмотрения. В начале 80-х гг. самостоятельно развивается лингвистика текста, и в центре внимания исследователей оказываются вопросы смысловой и структурной организации текста и их информативного содержания [Зарубина; 1981]. Наибольший интерес представляют тексты с информационной нагрузкой, включающей описание культурных особенностей, исторических и национальных традиций.

В свете такой культуроведческой парадигмы преподавания русского языка как иностранного газета является одним из важнейших источников социокультурной информации.

Газетные тексты рассматриваются как источник социокультурной информации, имплицитно содержащий по возможности общенациональную культуру с ее морально-этическими, эстетическими ценностями и традициями, что способствует созданию прочной мотивационной базы обучения иностранных студентов на основе языка прессы, а также определяет коммуникативно-прагматическую направленность образовательного процесса.

В настоящее время понимание данного аспекта газетной информации для иностранных студентов затрудняется из-за неоднородного стиля газетно-публицистической речи. Думается, что обучение студентов пониманию языка газетных текстов будет эффективнее, если оно будет опираться на стилистическую дифференциацию языка газетных текстов в зависимости от жанра публикации.

Функционально-стилистические разновидности русского языка подвержены наиболее заметным изменениям, поэтому важным является создание учебных пособий, отражающих эти изменения. Нередко слово высокого стиля приобретает в современной речи отрицательные коннотации и вытесняется дру-

гим вариантом книжного или разговорного языка. Так вместо слова *вождь* сейчас чаще используется слово *лидер*. Особенно сильно изменился газетно-публицистический стиль, так как именно пресса перестройки подготовила революционные изменения в российском обществе.

При чтении современной русской прессы преподаватель должен учитывать, что современные газеты и журналы значительно в большей степени, чем прежде, отражают ориентацию на разную аудиторию. У каждого издания – своя стилистика, своя палитра речевых средств. Массовые и молодежные газеты охотно используют жаргон и просторечия (*тусовка, кайф*), оппозиционные имеют много книжной и отрицательно-оценочной лексики. Сравнение заметок на одну тему, опубликованных в разных газетах, активизирует внимание учащихся и увеличивает мотивацию усвоения стилистических вариантов, так как ни что не свидетельствует о состоянии общества полнее, чем слово, “населенное интенциями поколения, дня, часа” [Бахтин 1975;106].

Иностранному читателю гораздо легче было освоить язык нашего прошлого, чем многостилье современной прессы. Демократизация общественной жизни разрушила старую систему газет, а новые газеты отказались от стереотипов прошлого и нередко поражают своей речевой эксцентричностью. Умение отобрать тексты, соответствующие стилистике жанра и типологическим признакам издания - одна из главных задач преподавателя русского языка в иностранной аудитории. Чтение прессы в иностранной аудитории требует раскрытия экстралингвистических факторов, формирующих стилистическое лицо издания.

В работе В.М. Богуславского предложена классификация, согласно которой выделяются три группы газетно-публицистических текстов [Богуславский 1968; 80-83].

Первая группа – информационные жанры. Они, как правило, близки к научному стилю речи, имеют строго определенную структуру, легко воспроизводятся. В эту группу

входят передовые статьи, отчеты, интервью, официальные сообщения, экономические и политические статьи и доклады.

Вторая группа отличается большим разнообразием структур построения, повышенной в сравнении с первой эмоциональностью. К ней относятся очерки, исследования, репортажи, заметки, проблемные очерки, обзоры, статьи.

Третью группу составляют жанры, близкие по языку к произведениям художественной литературы: литературные очерки, фельетоны, памфлеты.

Методическая интерпретация указанной классификации дает возможность весьма эффективно подключать сферы общения: учебно-профессиональная сочетается с общественно-политической (информационные жанры), общественно-политическая (критические статьи и др.) – с социально-культурной (художественная литература). Последовательное подключение сфер общения с учетом типов и разновидностей речи позволяет минимизировать или, по крайней мере, ограничить языковые средства, необходимые при устном и письменном общении, что приводит к улучшению учебного процесса.

В настоящее время понимание газетного текста иностранными студентами затруднено дестандартизацией, многофункциональностью и многожанровостью языка прессы, которые выражаются в широком использовании стилистических вариантов, в большом количестве тем и жанров газетных публикаций, а также в неоднородном стиле газетной речи. Газетно-публицистическому стилю свойственны все языковые функции за исключением эстетической и контактоустанавливающей. Следует заметить, что это справедливо не ко всем газетным текстам. Статьи и публицистика могут в большей и меньшей степени приближаться то к научному, то к художественному тексту и иметь соответствующий набор функций.

Поиск методических приемов и способов подачи этого учебного материала, отраженный в научно-методических и

лингвистических исследованиях настоящего времени, позволяет говорить о развитии стилистически ориентированного коммуникативно-прагматического подхода в методике преподавания русского языка как иностранного и о некоторых достижениях в плане жанрово-стилистической интерпретации газетных текстов. Однако ощущается дефицит в методических разработках, отражающих ориентацию на определенные жанрово-стилистические особенности текстов.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет, – М., 1975.
2. *Богуславский В.М.* О некоторых особенностях языка газеты // Русский язык за рубежом. – 1968. – №4.
3. *Васильева А.Н.* Работа над языком газеты (методический и страноведческий аспекты) // Русский язык за рубежом. – М., 1975. – №4.
4. *Зарубина Н.Д.* Текст: лингвистические и методические аспекты. – М., 1981.
5. *Митрофанова О.Д.* В поисках новой парадигмы методики преподавания русского языка как иностранного // Русский язык в центре Европы. – Банска Бистрица, 2000.

М.А. Карелова

(Российский университет дружбы народов)

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТАЛИ С ЛЕКСЕМОЙ
ДОЖДЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
1943-1945 гг.**

Как известно, проблема взаимосвязи языка и культуры в современной филологии является приоритетной. В рамках исследования этой проблемы интерес представляет методика лингвокультурной ситуации (далее – ЛКС), разработанная В.М. Шаклеиным и представляющая собой взаимосвязь языка и культуры в их социально-территориальном взаимодействии в определенный временной срез. В анализируемых текстах, принадлежащих той или иной ЛКС, принято выделять лингвокультурные универсалии, лингвокультурные детали, а также культурно-тематические поля [Шаклеин 1997; 19].

В данной статье рассмотрена ЛКС 1941-1945 гг., еще не становившаяся объектом научного исследования. Безусловно, основной лингвокультурной универсалией этой ЛКС является Великая Отечественная война, оказавшая особое влияние на осмысление различных концептов, в частности, в рамках культурно-тематическое поле “Явления природы”. Лингвокультурные детали с лексемами, называющими явления природы, отражают специфику ЛКС этого периода. Так, слово *дождь*, а также сочетания с ним становятся важными лингвокультурными деталями в вербализации концептов “победа”, “радость”/ “грусть”, “родина”, “вера”, “равнодушные”, “смерть”, “время” в составе универсалии “Война”. Материалом для анализа послужили художественные произведения, датированные 1943-1945 гг., отличающиеся иным, особым восприятием явлений природы по сравнению с начальным периодом войны – 1941-1942 гг. Безусловно, это обусловлено тем, что в ходе войны оборона сменилась наступлением. Лингвокультурные детали с лексемой *дождь*,

присущие данной ЛКС, в большей степени связаны с вербализацией концептов “победа”, “родина”, “вера”, “радость”. Далее рассмотрим нетипичные концепты, выделенные в структуре универсалии “Война”: “победа”, “родина”, “смерть”, а также концепт “время”.

В ходе исследования было обнаружено большое количество лингвокультурных деталей с лексемой *дождь*, вербализующих концепт “победа”: *майский дождь, дождь-награда, дождь не знал идти ему иль нет (от счастья осознания того, что пришла победа)* и многие другие: *И белый флаг вывешивают вражеские гарнизоны. Складывают оружие, в сторону отходя, И на мое плечо, на погон полевой зеленый, Падают первые капли, майские капли дождя* (А.П. Межиров. Воспоминание о пехоте (1945)); *А дождь не знал, идти ему иль нет, Выглядывало солнце на минуту, И ветки плакали – за много лет, И было в этом счастье столько смуты, Что всех пугал и скрип, и смех, и шаг...* (И.Г. Эренбург. В феврале 1945 (Мне снился мир, и я не мог понять...) (1943-1945)). Лингвокультурные детали, вербализующие концепт “победа” в литературных произведениях 1943-1945 гг. выражены как эксплицитно (напр.: *майский дождь, замечательный дождик, спасибо ливням* и т.д.), так и имплицитно, посредством контекстуальных связей со словами, связанными с темой победы. Так, например, весна для русских – долгожданная и любимая пора года вне зависимости от лингвокультурной ситуации. Весна – символ перемен в жизни, символ нового начала. Нередко приход весны сопровождается дождями, но не холодными и тоскливыми, как осенью, а теплыми и радостными. На наш взгляд, весна в проанализированных нами произведениях зачастую символизирует победу. Безусловно, большинство таких текстов относятся к 1945 – победному году, в котором весна – абсолютно особенная, а дожди, ливни являются ее предвестниками: *Хочешь мне сказать по секрету, Что уже миновала Лету И иною дышишь весной. Не диктуй мне, сама я слышу: Теп-*

лый ливень уперся в крышу, Шепоточек слышу в плюще (А.А. Ахматова. Поэма без героя (1945.05.25)); Меж тем откуда ни возьмись, как ливень *Внезапных слез*, восторженно честна, *Явилась в тихий пригород весна* (П.Г. Антокольский. Заключение (1945.01.10)). Интересно, что среди поэтических текстов, написанных в период 1943-1945 гг. нами было обнаружено несколько стихотворений, датированных 9 мая 1945 года. Одно из них, “Утро мира” Маргариты Алигер, буквально “пронизано” светлым дождем: *Победа – хозяйка на пире, так вот ты какая собой!* Так вот ты какая! А мы-то представить тебя не могли. *Дождем, как слезами, омыто победное утро земли* (М. Алигер. Утро мира (9 мая 1945 г.)). Такая лингвокультурная деталь, как *дождь – светлые слезы земли* бесспорно вербализует концепт “победа”, а также позволяет утверждать, что в день победы погода была теплой, дождливой, радостно-дождливой: *Победа!.. Начав, как положено, с левой к походам приученный шаг, по теплой дождливой погодке, под музыку труб и сердец... победа идет по дороге в сиянии майского дня* (М. Алигер. Утро мира (9 мая 1945 г.)). Концепт “победа” также вербализуется такими яркими лингвокультурными деталями с лексемой *дождь*, как *дождь-подспорье, дождь-помощник: Спасибо ливням, что смывали пот, И родникам, что утоляли жажду, Всему, что, несмотря на бой, цветет, Любому стебельку и ветке каждой* (Яков Хелемский. Спасибо той земле, что столько раз... (1944)); Здесь говорят даже, что туман и *дождь – не помеха, а скорее подспорье* (Б.Л. Горбатов. Чувство движения (1944)); *Ветру молюсь и дождю, Встречным безыменным водам: “Помощи вашей я жду, Вечные силы природы!”* (Е.Г. Полонская. Дорога (1943-1944)). Как видим, последняя деталь находится на стыке двух концептов: “вера” и “победа”. В особой лингвокультурной ситуации тех лет человек нередко взывает саму природу о помощи.

Наряду с концептом “победа” нами был выделен концепт “родина” в структуре универсалии “Война”. Следую-

щие лингвокультурные детали с лексемой *дождь* представляют данный концепт: *русский дождь*, дорогой автору до горечи: *И был до горечи дорог ему этот русский мокрый ветер в черных тополях, и запах русской земли, покрытой жухлой листвой, и русские заплаканные крыши, и русский осенний дождь, падающий над городом* (Б.Л. Горбатов. *Непокоренные* (1943)), *русский дождь – русская погода: Я узнаю и солнце, и дожди В твоём лице – всю русскую погоду, И, что бы ни случилось впереди, Люблю его всё больше год от году...* (Вс.А. Рождественский. *Когда слова случайны и просты...* (1943.09.11)); *переменчивая русская погода: Переменчиво северное лето: пасмурное утро закончилось дождем* (И.А. Ефремов. *Тень минувшего* (1944)); *наслаждение родными местами и летним дождем: Простор широк и дивен Родных и вольных мест. Лепечет летний ливень – И хорошо окрест* (Е.Л. Кропивницкий. *Деревни и проселки...* (1945)).

Центральное место в универсалии “Война” в произведениях 1943-1945 гг. занимает концепт “победа”, однако концепт “смерть” все же выделяется в структуре исследуемой универсалии, вербализуясь следующими лингвокультурными деталями с лексемой *дождь*: *смертный дождь*: *Захочу рассказать о смертном дожде, как горела трава, а ты – и ты жила в беде, тебе не нужны слова...* (М. Луконин. *Приду к тебе* (1944. Фронт)). Интересно отметить, что в данном контексте речь идет о прошедшем времени, это воспоминания автора, не настоящее. Такая яркая деталь, как *дождь моет кости умерших* также отнесена нами к концепту “смерть”: *Вымоет старательно дождик кости белые И засыплет медленно мать сыра-земля Так погибли юные, так погибли смелые, Что дрались за родину, жизни не щадя* (Б.Л. Горбатов. *Непокоренные* (1943)); *А кости немца пожелтели, Их моет дождь, их сушит зной. Давно земля набилась в щели Его гармоника губной...* (Д.Б. Кедрин. *Враг* (1944.07.20)). Как видим из примеров, данная деталь, верба-

лизирующая концепт “смерть”, соотносится и с “нашим” и с “чужими” солдатами.

Следующей лингвокультурной деталью, вербализующей данный концепт, является деталь *последний дождь* (последний в жизни): Они не знают и не верят, что это их последний день, последний час, последний туман над городом, *последний дождь на крышах* (Б.Л. Горбатов. Непокоренные (1943)). Интересна такая деталь, как *клочья размытых дождем паспортов* – нам представляется этот образ как оборванные человеческие жизни, таким образом, мы отнесли эту деталь к концепту “смерть”: *Клочья размытых дождем паспортов!* Черный – лобный – запекшийся крест! Страшное место из страшных мест! (О.Н. Анстей. Кирилловские яры (1943)). Наличие большого количество сочетаний с исследуемой нами лексемой с глаголами, основной семой которых является сема агрессивности, разрушения, позволили отнести эти сочетания к концепту “смерть” и выделить такие лингвокультурные детали, как *дождь ударяет, хлещет, треплет, сечет, пробивает* и др.: Темно... *По крыше дождь сечет...* И вдруг, тихонько напевая, На стул комэска вспрыгнет кот. (Д.Б. Кедрин. Кот (1943); Ночь была чёрная, непроглядная. *Хлестал холодный дождь*. На западном горизонте мелькали отражения далёкого артиллерийского боя (В.П. Катаев. Сын полка (1944)); *И ливень осенний Ударит* о крыши, железо дробя (Л.Н. Мартынов. Правда (1945)).

В произведениях, относящихся к лингвокультурной ситуации 1943-1945 гг., нами было встречено большое количество примеров употребления лексемы *дождь* (в переносном значении множества чего-л. падающего) со словами-реалиями военного времени, так или иначе относящимися к оружейной тематике: *свинцовый дождь, дожди стрел, дождь бомбежек, артиллерийский дождь* и др. Это позволили нам выделить в структуре универсалии “Война” культурно-тематическое поле “оружие”, которое нередко соприкасается с исследуемым нами культурно-тематическим по-

лем “явления природы”: Нас расстрелял фашистский ас *Дождем своим свинцовым* (П.Г. Антокольский. Баллада о том, как спасся Жан Лекок (1943.01.07)); В годину бед, *сквозь вражеских стрел дожди*, Здесь вечевое сердце всей России Набатом пело в каменной груди (Вс.А. Рождественский. Господин Великий Новгород (1944)); *Артиллерийский дождь*, как летний ливень, *уже много суток...* (Б.Л. Горбатов. Дорога на Берлин (1945)).

Многократное обращение авторов к образу дождя как воплощению изображения необратимости и равнодушия времени позволило выделить концепт “время”. Необходимо уточнить, что данный концепт не является нейтральным, он входит в универсалию “Война”, так как дождь в исследуемой нами лингвокультурной ситуации 1943-1945 гг. символизирует бесконечность войны, что подчеркивается такими лингвокультурными деталями, как *нескончаемый, беспрерывный, бесконечный дождь*: На первый раз десятка мин хватит. Вперед! *Падает дождь. Холодный, непрерывный* (Б.Л. Горбатов. Солдатский труд (1944)); Встретил его Боржом неприветливо: это было в мае – и *шел непрерывный дождь* (З.Н. Гиппиус. Он и мы (1943)). На продолжительность дождя указывают и такие сочетания, как *моросит который день подряд, всю ночь стучит о крышу, насквозь дождем промытый ящик, дождями истертые буквы, головной убор, обношенный под дождем*: Над терриконом шахты темно-серым *дождь моросит который день подряд* (Я.В. Смеляков. Индустриальный пейзаж (1944)); А береза, оживая, напомнила мне самое простое... *и тот насквозь дождем промытый ящик*, который я на дерево приладил... (В. Жуков. Березовая веточка (1944)).

Итак, исходя из результатов проведенного анализа, можно утверждать, что лексема *дождь* и лингвокультурные детали, связанные с ней, в особой лингвокультурной ситуации 1943-1945 гг. вербализуют нетипичные для подобных сочетаний концепты “победа”, “родина” и “смерть”. Цен-

тральными лингвокультурными деталями в структуре концепта “победа” являются детали *дождем омыто победное утро земли, майский дождь, замечательный дождь, благодарность дождю, молитва дождю* и многие другие. Яркими деталями, вербализующими концепт “родина”, представляются детали *русский дождь, дождь – русская погода*. В структуре нетипичного концепта “смерть” интересными видятся такие детали: *смертный дождь, последний в жизни дождь, дождь, моющий кости* и другие. Наряду с вышеперечисленными нетипичными концептами был выделен нейтральный концепт “время”. Этот концепт не связан с войной напрямую, однако все же испытывает влияние универсалии “война”, так как лингвокультурные детали, вербализующие его, указывают на бесконечность войны. В структуре универсалии “война” было выделено смежное культурно-тематическое поле “оружие”, которое нередко соприкасается с исследуемым культурно-тематическим полем “явления природы”, в частности, с дождем: *свинцовый дождь, дождь бомбежек* и другие важные лингвокультурные детали.

Литература

1. Лирика военных лет. Стихи советских поэтов (1941-1945). – М., 1985. – 320 с.
2. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. – М., 1997.
3. Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.

М.В. Киприянова
(*Российский университет дружбы народов*)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Изучению возможностей использования юмористического текста как учебного материала в методике преподавания иностранных языков до сих пор, к сожалению, не уделялось достаточного внимания. Хотя в последние годы текстовый материал учебников и учебных пособий по РКИ стал заметно интереснее и разнообразнее в стилистическом и жанровом отношении. Отметим, что все чаще в них используются и тексты юмористического характера. Это, несомненно, положительно влияет на активизацию познавательного интереса учащихся, создание положительного настроения на занятиях и повышение мотивации изучения русского языка.

В данной статье мы доказываем целесообразность использования юмористических текстов на занятиях по русскому языку как иностранному, а также проводим анализ учебников и учебных пособий, использующих в качестве учебного материала вышеуказанные тексты. Обращение к юмористическим текстам не только способствует развитию и совершенствованию навыков и умений чтения иноязычной литературы, а также оправданно:

- знакомством с русской классической литературой;
- представленностью национального образа мира во всей парадигме его составляющих: пейзаж, быт, основные занятия и т.д.;
- инвариантностью системы художественных образов;
- естественным включением принципа педагогического сопряжения двух культур и положительной окрашенности процесса формирования биэтнокультурализма иностранных учащихся.

Говоря о проблеме восприятия и понимания художественного текста, необходимо заметить, что единства среди исследователей в операциональном (рабочем) и научном толковании терминов нет в силу широкой распространенности этих понятий в разных науках (психология, философия, литературоведение) и разных подходов к определению.

Обозначая процесс чтения как “активный мыслительный процесс”, психологи сходятся во мнении о том, что он складывается из “техники чтения и понимания текста,... техники и смыслового восприятия” [Жинкин 1982], [Рубинштейн 1989]. Таким образом, при различных трактовках чтения учитываются два феномена: восприятие и понимание.

Понимание текста на иностранном языке тесно связано с общей теорией уровней понимания. Психологи в этом вопросе выделяют два момента: 1) уровни понимания, которые характеризуют развивающуюся психику человека, 2) уровни понимания, которые могут иметь место по отношению к познаваемому объекту в каждый данный момент [Смирнов 1966]. Переход от одного уровня понимания к другому обусловлен качественно усложняющейся мыслью по мере ее развития.

В качестве объекта чтения текст характеризуется психологами как “многоуровневое образование, включающее предметно-денотативный, смысловой и уровень средств и способов выражения его предмета, распредмечивание которого преломляется “через языковое сознание” чтеца в процессе осмысления (установления или воссоздания заложенных создателем (автором) текста смыслового содержания, смысловых связей). Положительный результат такого осмысления есть понимание, а отрицательный – непонимание” [Зимняя 1989; 68-69].

При чтении иноязычного текста различаются два аспекта понимания – понимание языка и содержания текста с одной стороны, и понимание смысла в тексте в плане понимания мотивации описываемых в тексте поступков, речи и

действий персонажей с другой стороны. Выделяя в тексте “план значения” и “план смысла”, психологи по-разному их конкретизируют. Так, Л.П. Добраев, выделяя три ступени понимания текста. А.А. Смирнов предлагает качественную характеристику уровней понимания, выделяя его глубину, отчетливость и полноту [Смирнов 1966]. З.И. Клычникова в понимании иноязычного текста устанавливает семь уровней. При этом текст, на последнем, седьмом уровне, понимается столь глубоко, что чтец из лица воспринимающего превращается в лицо переживающее. Волевая, побудительная направленность текста превращается в стимул для его деятельности [Клычникова 1983; 98-101]. И.А. Зимняя сводит количество уровней понимания текста к четырем, выделяя:

1 уровень – понимание общего содержания (о чем говорится в тексте);

2 уровень – понимание смысловых связей между основными блоками информации, раскрывающие основное содержание (что говорится в тексте);

3 уровень – понимание языковых средств выражения (как постигается суть авторской мысли);

4 уровень – понимание идеи текста.

Итак, говоря о понимании художественного текста, в статье вслед за И.А. Зимней этот термин трактуется как положительный результат осмысления текста, а восприятием считается конечный этап интегрального процесса, включающего в себя первичную рецепцию текста, чтение текста и понимание его.

Известно, что на понимание текста влияют объективные, т.е. связанные с текстом факторы, и субъективные, которые характеризуют личность читающего и его отношение к предмету деятельности. Факторы взаимосвязаны и во многом определяют друг друга. К объективным факторам относятся: наличие в тексте большого количества новых лексических единиц и слов с национально-культурным компонентом семантики, отсутствие единой сюжетной линии.

К субъективным факторам исследователи относят: характер национально-художественного осмысления мира, доминирующий в сознании иностранного учащегося; жизненный опыт читателя; характер мотивации; познавательный интерес, цель чтения; способность к большой и легкой обобщаемости материала.

Опустим субъективные факторы, характеризующие личностные особенности интересующего нас контингента учащихся, обратимся к содержательной стороне предлагаемого нами для чтения в иностранной аудитории учебного материала.

Решая проблемы использования юмористических текстов на занятия по РКИ, основное внимание уделяется умениям, связанным со смысловой переработкой информации, а также умениям, связанным в первую очередь, с функционированием психических и психофизических механизмов личности:

- умения сопоставлять образно-эстетическое и эмоционально-экспрессивное содержание различных категорий родной культуры и русской;
- умение находить общие черты в нравственно-эстетическом кодексе культур разных цивилизаций;
- умения смысловой догадки;
- умения устанавливать логические связи между смысловыми частями текста.

Первостепенный интерес представляют описанные в русле структурно-семиотического подхода постоянные элементы юмористического текста: композиционную структуру, систему персонажей и банк языковых клише. Данные элементы снимают ряд трудностей, присутствующих при чтении вышеуказанных текстов (имплицитность идейно-художественного содержания, подтекст).

Многие исследователи отмечают интернациональность юмора. Инвариантность затрагиваемых тем, клишированность художественных образов, обеспечивают доступ-

ность понимания содержания; возможности проведения параллели между образами, присущими родной культуры и образами, встречающимися в юмористических текстах. При чтении таких текстов работает принцип педагогического сопряжения двух культур, когда учащиеся, отталкиваясь от общего, похожего, не так болезненно воспринимают различия так или иначе сопоставляемых культур, что способствует положительной окрашенности постижения национальной специфики русской культуры. Таким образом, юмористические тексты способствуют формированию биэтнокультурализма у иностранных учащихся.

Заключительная часть статьи посвящена анализу учебников и учебных пособий, содержащих юмористические тексты. Учебники и пособия для начинающих изучать русский язык содержат, как правило, несложные по лексическому и грамматическому составу короткие тексты-шутки и анекдоты, не содержащие национально-культурной информации. Среди них можно назвать: “60 lessons of Russian” [Vasilenko, Lamm 1993] и “Поехали!” [Чернышев 2001]. В учебнике “Путь к общению. Интенсивный курс речевой адаптации” в конце каждого урока в рубрике “калейдоскоп” представлен занимательный материал по лексической теме урока, в том числе и короткие несложные анекдоты [Труфанова 2002]. В учебнике “Жили-были. 28 уроков русского языка для начинающих” в каждом уроке присутствует текст-шутка, не содержащий игры слов или национально-культурной информации. Анекдоты, связанные с грамматической темой учебника, даются в конце каждого урока в качестве разрядки [Миллер, Политова, Рыбакова 2002].

Отдельно следует отметить пособие Г.М. Левиной и Т.В. Васильевой “Грамматика в анекдотах для начинающих” (1997). В пособии собран богатый материал анекдотов, которые распределены в разделы по грамматическим темам: падежи имен существительных, виды глаголов, глаголы движения и прочие слова, не входящие в словарный запас начи-

нающих изучать русский язык, даны с переводом на английский язык. Такой способ подачи материала позволяет преподавателю уже на начальном этапе использовать юмористические тексты и тем самым активизировать познавательный интерес, создать веселую атмосферу на уроке, разрядить скучное заучивание грамматических парадигм, не тратя много времени на объяснение новой лексики.

В пособиях для среднего и продвинутого этапа обучения используются в качестве дополнительных текстов более или менее продолжительные фрагменты из художественных текстов юмористического характера таких писателей, как Ильф и Петров, Аверченко, Гоголь или литературные анекдоты. Так сделано, например, в пособии А.А. Максимовой “Месяц в России” (2002). Среди пособий такого рода можно назвать также пособие по русскому языку для продвинутого этапа “Разговоры по душам” [Жаркова, Кутукова, Ольхова 2000]; пособие по разговорной речи “Начинаем разговор” [Лобова, Плотникова, Жорова 2000]; а также пособие “Россия: Характеры. Мнения. Ситуации” (2002).

Конечно, это не полный список всех учебников, в которых используется юмористический текст как учебный материал. Однако проведенный анализ учебников и учебных пособий по РКИ выявил, что обучающий потенциал вышеуказанных текстов задействован в них далеко не полностью. Незаработанность этой темы в методике преподавания иностранных языков приводит к тому, что в практике обучения мало используется потенциал юмористических текстов как, богатейший источник лингвострановедческой, страноведческой и этносоциокультурной информации о стране изучаемого языка.

Литература

1. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – Л., 1982.

2. *Зимняя И.А.* О слуховой и зрительной наглядности в обучении иностранному языку. – М., 1970.
3. *Зимняя И.А.* Внешняя и внутренняя наглядность в обучении говорению. – М., 1975.
4. *Клычникова З.И.* Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. – М., 1983.
5. *Леонтьев А.А.* Психологические основы наглядности в учебнике русского языка для иностранцев. – М., 1973.
6. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1969.
7. *Смирнов А.А.* Проблемы психологии памяти. – М., 1966.
8. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – М., 1989.
9. *Якобсон П.М.* Психология художественного восприятия. – М., 1964.

Учебники и учебные пособия

1. *Жаркова Е.Х., Кутукова Н.Л., Ольхова Л.Н.* Разговоры по душам: Пособие по русскому языку для продвинутого этапа. – М., 2000.
2. *Зиетая Гжегож.* Деловой Русский. – М., 1994.
3. *Левина Г.М., Васильева Т.В.* Грамматика в анекдотах для начинающих. – СПб., 1997.
4. *Левина Г.М., Васильева Т.В.* Русская грамматика в анекдотах для начинающих. – СПб., 1997.
5. *Лобова Т.Н., Плотникова Н.Н., Жорова А.Г.* Начинаем разговор: Пособие по разговорной речи. – М., 2000.
6. *Максимова А.А.* Месяц в России. – СПб., 2002.
7. *Миллер Л.В., Политова Л.В., Рыбакова И.Я.* Жили-были: 28 уроков русского языка для начинающих. – М., 2002.
8. *Труфанова В.Я.* Путь к общению: Интенсивный курс речевой адаптации. – М., 2002.
9. *Чернышев С.* Поехали! – СПб., 2001.
10. *Vasilenko E., Lamm E.* 60 Lessons of Russian. – М., 1993.

Файе Фату Диоп

(Российский университет дружбы народов)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Лингвокультурологический аспект описания языка во взаимодействии с культурой по своей концептуальной сути выходит за рамки традиционного лингвометодологического подхода, так как в нем заложена новая парадигма, затрагивающая различные направления языкового культурологического образования. Она базируется на том, что каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит.

Общественная природа языка, как известно, реализуется в трех функциях: коммуникативной, кумулятивной и директивной [Верещагин, Костомаров 1990]. Являясь важнейшим средством общения, передачи мысли, язык выступает хранителем национальной культуры, которая благодаря его кумулятивной функции передается из поколения в поколение. Он участвует в формировании личности, в том числе и личности языковой, а также национального характера, этнической общности народа, нации.

В идиоматике языка, то есть в том слое, который по определению национально специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, людям, другим народам. Национально-культурная семантика, заключенная в безэквивалентной лексике, словах-реалиях, фразеологизмах, пословицах, поговорках, наиболее наглядно иллюстрирует образ жизни, географическое положение, историю, традиции той или иной общности, объединенной одной культурой.

Язык – зеркало культуры: в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, тради-

ции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира, – языковая картина мира в целом.

Как известно, язык является орудием, инструментом культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через посредство языка и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т. п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения.

Итак, язык не существует вне культуры как “социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни” [Сепир 1993; 185]. Будучи одним из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой в данном случае как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования мышления и, главное, как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой.

Если же рассматривать язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им (как родным, так и иностранным), то социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка или фоном его реального бытия.

В то же время компонент культуры – не просто некая культурная информация, сообщаемая языком. Это неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям.

Можно утверждать, что язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива.

Современный язык находится в постоянном движении и развитии. Каждый человек, говорящий или пишущий на родном языке, повторяет уже готовые структуры, подражая

миллионам его носителей (если это развитый язык большого народа), черпая из языковой сокровищницы апробированные в неисчислимом количестве речевых актов, признанные и регулярно употребляемые слова, словосочетания, и одновременно творит язык. Это творчество идет двумя противоположными путями: стимулом может быть как талант художника слова, так и ошибки, оговорки, случайности. Возможно, даже ошибки иностранцев, изучающих язык, могут послужить стимулом к языковому творчеству.

Культура создана человеком и для человека, для его потребления, т.е. культура функционирует в коммуникации. Если такого контекста не существует, коммуникация не достигает цели, что приводит к столкновению, конфликту культур. Так, например, О.С. Ахманова отмечает, что непременным условием реализации любого коммуникативного акта должно быть “обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основной языкового общения” [Ахманова 1957; 78].

Язык – одна из самобытных семиотических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых она оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т.п. Это исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе. Это важнейшее средство, помогающее человеку членить материальный и духовный, включая культурные ценности, и общественно-исторический опыт его носителей.

Очевидно, что язык как зеркало культуры отражает и все наиболее важные и устойчивые изменения в образе жизни и менталитете народа.

Нагляднее всего изменения и в жизни и, соответственно, в языке видны на примере реалий, то есть разного рода фактов внеязыкового реального мира.

В. фон Гумбольдт говорил, что в языке воплощается и проявляется дух народа, его миропонимание и менталитет, поэтому исследование языка должно стать средством познания самого человека. “Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир, и свое воображение... через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нём; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых действительных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии” [Гумбольдт 1984; 349].

Например, в Сенегале официальным языком является французский. Помимо него, существуют национальный язык диалекты. У каждого этноса есть свой родной язык, своя культура, свои традиции и т.д., но все эти языки отражают в целом культуру Сенегала.

В Сенегале не существует особой языковой проблемы. Поскольку язык волоф родствен языкам серер и лебу и говорящие на этих трех языках люди понимают друг друга, волоф все больше используется как язык межэтнического общения. Серер, как известно, является архаичной формой языка фула, который также широко распространен в стране.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что язык – это зеркало, показывающее не мир вообще, а мир в восприятии отдельной языковой личности. Мир в данном случае – это окружающая человека реальность. Одновременно в зеркале языка отражается и сама личность, ее образ жизни, поведение, взаимоотношения с другими языковыми личностями, система ценностей, культура – мир в человеке. Язык как зер-

кало отражает оба мира: вне человека – тот, который его окружает, и внутри человека – тот, который создан им самим.

Вместе с тем язык – это еще и инструмент, формирующий языковую личность. Все мы как личности созданы языком и заложенной в нем культурой, унаследованной нами от многих поколений предков. Мы не выбираем ни родной язык, ни родную культуру, ни место, ни время рождения. Мы входим в мир людей, и язык немедленно начинает свою работу, формируя наше представление о мире (языковую картину мира), создавая моральные ценности. У нас, вероятно, даже нет выбора. Мы, наверное, заложники своего языка. Он как умелый и опытный мастер, “инженер человеческих душ”, уже сотворил миллионы своих подданных и творит новых.

Таким образом, лингвокультурологический аспект описания взаимосвязи языка и культуры – вопрос сложный и многоаспектный. Это один из вопросов, изучение которого имеет действительно не только теоретическую, но и практическую ценность.

Литература

1. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957.
2. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культуры. Изд.4-е, перераб.и доп. – М., 1990.
3. *Гумбольдт В. фон* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт. Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
4. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
4. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.

Цуй Ливэй

(Российский университет дружбы народов)

**ТОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА КИТАЯ:
НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДАЛЬНЕВО-
СТОЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ**

Октябрьская революция 1917 года разделила советскую лингвокультуру на официальную и эмигрантскую, развивавшуюся в странах, куда вынуждены были уехать многие писатели и поэты. Как правило, выделяют западную и восточную ветви эмиграции, и если западное наследие исследовано достаточно хорошо, то творчество представителей дальневосточной эмиграции еще не получило детального освещения в научной литературе. Поэтому актуальность данной статьи видится в том, что в ней дается характеристика одному из важнейших средств создания центрального в произведениях дальневосточников образа Китая – топонимам.

Топонимы – названия географических объектов – в плане передачи культурной информации значимы тем, что “совокупность географических названий (топонимия) народа на протяжении веков накапливает такие сведения, которые крайне нужны изучающим язык, историю, географию, этнографию, уклад жизни народа” [Коков, Кокова 2002]. Топонимы как самая многочисленная группа онимов неоднородны по своему составу, среди них можно выделить:

- оронимы – названия гор, хребтов и других элементов рельефа;
- гидронимы – названия морей, озер, рек и т.п.;
- ойконимы – названия различных населенных пунктов (городов, сел, поселков и т.п.);
- урбанонимы – названия внутригородских объектов: улиц, площадей, переулков и т. д.

Созданию реалистичного образа Китая в произведениях представителей дальневосточной эмиграции способствуют многочисленные имена собственные, прежде всего, топонимы, как бы переносящие читателя в новый для него мир, создающие новое пространство.

Среди топонимов можно выделить именованья более мелких, менее известных русскому читателю географических объектов - микропонимов, которые, как правило, сопровождаются родовыми именами типа *село, речка, город* и т.п.: *В селе Зо-Сэ, у вод канала* (Л. Гроссе. Два храма); *Мы подплываем к Хусиньтину, // Где сердце озера Сиху* (В. Перелешин. Хусиньтин); *Вновь Наньчицца передо мной: // Это улица или лес?* (В. Перелешин. Пекин); *Эту ночь в порту Симоносэк* (М. Визи. Белая апрельская луна).

Впрочем, некоторые из таких мелких названий употребляются без родового наименования, что свидетельствует об их значимости для поэтов дальневосточной эмиграции. Чаще всего это названия районов Шанхая и Харбина: *И Фудзядана смрадный запах // От опия и от богов* (В. Логинов. На Сунгари); *У Фудзядана*³ (стихотворение В. Марта).

Названия более крупных географических объектов не требуют пояснений, используются без родовых наименований, как, например, гидроним *Хуанхэ: ... паренья, // Которые струит весною Хуанхэ* (В. Иванов. Казнь). Также распространенным является гидроним *Сунгари* – река, на которой стоят города Гирин, Цзямусы и центр дальневосточной эмиграции Харбин: *На Сунгари* (название стихотворения В. Логинова); *Сунгари, сердитая красавица...* (А. Паркау. На шаланде); *Тихо Сунгари воды катит // В гаолянах чужих равнин* (А. Паркау. Воспоминание). Без пояснений используется название большой пустыни, занимающей обширную площадь на севере Китая: *Дыханье далекое Гоби* (А. Ачаир. Оттепель).

³ Фудзядан – китайская часть Харбина.

Особую группу топонимов образуют названия географических объектов, связанных с историческими событиями, например, с восстанием против императора Танской династии Сюань Цзюна: *У подножья высокой Омэ // Император как в тесной тюрьме. // Даже здесь, далеко в Сычуане* (М. Коростовец. Ян Гуэй-фей).

Самыми распространенными, безусловно, являются названия центров русской дальневосточной эмиграции, прежде всего, Шанхая и Харбина, а также столицы Китая – Пекина: *На севере горит Харбин, // Блестя в огне зарниц* (А. Ачаир. Барабанная дробь); *И дальше слезные и бледные страницы: // Гензан... Гири... Сумбурность Харбина* (М. Колосова. Все о том же); *Город, с глазами раскосыми, // В дальней китайской стране...* (Е. Влади. Воспоминание о Харбине).

Эти города часто воспринимаются в составе образа “чужого”. Определения, связанные с ними, указывают на восприятие этих городов эмигрантами как чужих, вызывающих недоумение, чем объясняется частотность определений *странный, бессмысленный* по отношению к этим городам: *Странный город блеска, денег и наживы, // Город над степной песчаной рекой, // Может быть, преступный, может быть, красивый, // Яркий и безличный, шумный и чуждой. // Город, где цветы не знают аромата, // Город странных мыслей и дурманских снов...* (В. Иевлева. Город Харбин); *Самый странный город на свете, // Город ярких крыши* (М. Коростовец. Пекин); *Вы знаете шанхайской ночи пьяной // Бессмысленный угар и дикий чад* (А. Паркау. Кельнерше).

С этими образами также связаны метафоры болезни, призрачности, игры, сна: *Город, где сквозь маску пестрого наряда // Смотрит полудикий сумрачный Восток, // ... Весь в больном стремлении, весь в больной тревоге, // Ты сжигаешь силы в призрачной борьбе...* (В. Иевлева. Город Харбин); *Мелькнул вдали, как призрак, Порт-Артур...* (А. Паркау. Серебряный Дайрен).

С городами Китая связаны мотивы враждебности, жестокости, ненависти, гибели: *Город жестокий украсит они не посмели, // Он ненавидит все чистое, не таясь ... // Тянет в болото безжалостный город-садист* (стихотворение Н. Крук “Белые, чистые хлопья на этой панели...” о Шанхае); *И Шанхай большой // Меня ко дну огнями баров манит* (Н. Светлов. Весной); *В смятенном городе зловецкий маскарад ... Дуэт безумных дум с безумною весной. // В разгуле общей пляски // Кружится дико жизнь в бесправьи и чад* (А. Паркау. Харбинская весна).

Важно, что такое восприятие китайских городов характерно, прежде всего, для представителей первой послереволюционной волны дальневосточной эмиграции, которые еще не успели привыкнуть к изменившимся условиям жизни, считали свою эмиграцию временной. Так, процитированное выше стихотворение В. Иевлевой было написано в 1929 году.

В образах городов Китая и связанных с ними урбанонимами подчеркивается их древность, старость, связанная с древностью мудрость: *Императорский мост хранит // Легенды тысячелетий* (К. Батулин. В пути). С Пекином связываются образы старости – *старик, морщины, морщинистая рука*, древности – *шепот столетий: Зажги, Пекин, вечерние огни // Морщинистой рукой, // От шепота столетий отдохни, // Глаза на миг закрой. // Пусть вновь нарушат старика покой // Слепой судьбы шаги...* (Е. Яшнов. Зажги, Пекин, вечерние огни...); *Но наивному людскому чванству // Улыбалась мудрая страна* (Л. Андерсен. В пути). Мудрость переносится и на самих жителей страны: *Все видели, все знают, мудры китайцы, воспитанные своими тысячелетиями... Они утонченно образованны, широко учены...* (В. Иванов. Пекин).

В образе Китая настолько выделяются черты консерватизма, неизменности, неподвижности, что даже революция, которая традиционно связывается с коренными изменениями в жизни народа и страны, изображается как традиция, нечто постоянное: *Она [революция 1911 года] разыгрывалась*

по **старым** образцам...; Те же группы ... долго не могли побороть надежности этих **старых, бытовых** революционных и консервативных навыков; Восстания против христианских миссионеров в Китае становятся все чаще и чаще, они отмечаются в 1782, 1786, 1870, 1872 гг. Несомненно, что причина этой **перманентной** трагедии китайского народа – присутствие в Китае массы грубых и невежественных миссионеров...; ... китайские восстания ... имели **долговременную** практику в Тайных обществах... (В.Иванов. Мир ничего не знает о Китае).

В поле “Чужой”, безусловно, входят топонимы “двойники” – китайские названия русских городов, рек: *Поет тягуче за веслом китаец // Про Хай-шин-вей*⁴ (В. Март. На Амурском заливе); *Китайцы же называют его [Хинган] Хэйлушань – “гора черного дракона”, как и Амур, соответственно – Хэйлуцзян* (Л. Кравченко. Харбин изначальный); ... *бурые камни над Баримом – словно женщина-гигант, с высокой грудью и прической, в мантии орехового леса – “гора Екатерина”, как назовут ее русские...* (Л. Кравченко Харбин изначальный).

На существование таких топонимов как на яркую особенность дальневосточного региолекта русского языка указывают исследователи: “... в дальневосточном региолекте русского национального языка присутствуют заимствованные из китайского языка и из языков коренных народов топонимы, частично имеющие “двойник” славянского происхождения” [Оглезнева 2008; 121].

Во многих подобных, “двойных” и даже “тройных”, названиях заключены исторические сведения: некоторые города в Китае были построены как русские, имели русские названия, затем стали японскими колониями, уже потом становились китайскими. Например, город Дальний был по-

⁴ **Хай-шин-вей** – “Залив великих трепангов” – китайское название Владивостока.

строен русскими, история его тесно связана с Китайской восточной железной дорогой. Потом около 50 лет он являлся японской колонией, с чем связано его японское название *Дайрен*. Сейчас это китайский город *Далянь*: *Там, позади, – серебряный Дайрен* (А. Паркау. Серебряный Дайрен); *Издали виден Дайрен* (О. Скопиченко. Дайрен и ... Волга).

Топоним *Китай*, безусловно, один из наиболее частотных. Понятно его ассоциативное употребление со странами, которые так же, как и Китай, приняли русских эмигрантов после революции 1917 года: *Мы – умрем, а молодяк поделят // Франция, Америка, Китай* (А. Несмелов. Пять рукопожатий). Те же ассоциации связывают и топонимы в следующих примерах: *Париж – Харбин. Две доли эмигранта, // Часовни наших похорон* (А. Паркау. Под сиренью); *Шанхай. Сан-Франциско. Харбин* (А. Ачаир. Эмигрантка). Все эти топонимы входят в лингвокультурное поле “Эмиграция”.

Китай – это синоним потерь, лишений, изгнания: *Но когда бы ведать, что с детства // Я Китаю был обручен, // Что для этого и наследства, // И семьи, и дома лишен...* (В. Перелешин. Заблудившийся аргонавт).

Будучи благодарными принявшей их стране, некоторые эмигранты, тем не менее, не могут считать ее родной, и если Россия в терминах родства – мать, то Китай поэты нередко называют, хоть и ласковой, но мачехой: *У мачехи ласковой – в желтой я вырос стране...* (В. Перелешин. Ностальгия). С этим же связана лексема пасынок: Пасынок китайской деревушки, // Сын горчайшей беженской беды! (А. Несмелов. Ламоза).

Урбанонимы, встречающиеся в произведениях дальневосточных авторов, называют достопримечательности Пекина и других китайских городов, а также названия мест, наиболее тесно связанных с жизнью русских эмигрантов:

*Или это сторож ночью // Обошел **Бэйхай**?⁵* (М. Коростовец. Пекин); *У **Фудзядана*** (название стихотворения В. Марта); *Из всех садов я полюбил **Чжунхай*** (В. Перелешин. Чжунхай); *Вечерняя заря // Горит в садах **Бэйхая**⁶* (В. Перелешин. Последний лотос); *Кружится птица над **Вампу**⁷, // Бледнеет черствый **Банд*** (А. Ачаир. Барабанная дробь).

Таким образом, в составе лингвокультурного образа Китая встречаются разнообразные топонимы – оронимы; гидронимы; ойконимы; урбанонимы. Среди топонимов есть как микротопонимы – обозначения мало известных географических реалий, так и широко известные, распространенные. Топонимы создают образ Китая как географического пространства, а также выделяют внутри этого пространства пространство русской дальневосточной эмиграции, в центре которого находятся китайские города Харбин и Шанхай. Топонимы и связанные с ними лингвокультурные детали позволяют подчеркнуть в образе Китая черты “своего” и “чужого”.

Литература

1. *Коков Д.Н., Кокова Л.Д.* Культурно-историческая информация топонима. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://crimean-titles.org/extra/extra_04.htm]. Дата обращения: 01.03.2015.

2. *Оглезнева Е.А.* Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. – М., 2008. – № 2 (16).

3. *Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич.* – М., 2001.

4. *Харбин. Ветка русского дерева. – Проза, стихи. / Сост. Селькина Д.Г., Таскина Е.П.* – Новосибирск, 1991.

⁵ **Бэйхай** – императорский сад к северо-западу от Запретного города в Пекине.

⁶ **Чжунхай** и **Бэйхай** – сады вокруг искусственных озер в Пекине.

⁷ **Вампу** – река в Китае, **Банд** – набережная Вампу в центре Шанхая.

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

Ал Фалки Сара Карим

*(Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого)*

АРАБСКИЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лексический состав любого живого языка находится в непрерывном изменении и обновлении. Уходят из активного употребления одни слова, появляются другие, которые отражают развитие общественной жизни, науки и культуры. Общеизвестно, что в разные периоды своего развития русский язык заимствовал слова как из европейских, так и из восточных языков.

Несмотря на то, что Россия всегда находилось в тесных взаимоотношениях с Востоком, проблема взаимодействия русского и арабского языков до сих пор не получила достойного освещения в науке.

Арабский язык оказал значительное влияние на русский язык. Арабские слова входили в русский язык, главным образом, при посредстве тюркских языков, но были и прямые заимствования. Влияние арабского языка на русский было разновременным, начавшись в древнейшие времена; влияние (в слабой степени) продолжалось и в новое время, через европейские языки, например через испанский, на который арабский язык оказал в свое время большое влияние.

Начиная с VIII в. восточные славяне также вели транзитно-посредническую торговлю между арабским Востоком (через ближайших своих соседей – хазар) и Византией, а также между Востоком и европейским Северо-Западом.

Контакты арабов с Россией в древности были оживленными, а раз это так, то, конечно, должно быть и влияние культурное и влияние языковое.

Арабский путешественник Ибн-Фадлан оставил яркое описание погребения варяжского (русского) вождя, которое он наблюдал на Волге в начале X в.

Обращение к заимствованиям из арабского обусловлено прежде всего, отсутствием систематических исследований в этой области. Кроме того, арабизмы представляют немалый интерес не только для лингвистов, занимающихся вопросами языковых контактов, но и для историков, этнографов, так как примеры взаимодействия отражают исторические контакты народов и их культуру.

Первые арабизмы могли появиться в IX – X вв. К этому периоду относятся первые сведения о булгарах и славянах в трудах арабских географов-путешественников Ибн-Фадлана, Ибн-Русте.

Возможно, что определённый пласт арабизмов проник в русский язык во время паломничества и путешествия славян в Палестину. К XIII веку усилился приток восточных слов, среди которых были и арабизмы. К XVI веку в Московской Руси прослеживается интерес к Османской империи, сюда относятся вопросы религии, быта и обычаев народов, проживающих на её территории. С конца XVII века начался приток арабских слов в русский язык через Запад, преимущественно через английский, немецкий, французский и др. языки. В XIX веке начинается новая волна заимствований через язык русских переселенцев и через литературу.

В отношении арабизмов существует достаточно много спорных моментов, начиная с их количества в русском языке: разными учёными фиксируется от 193 до 235 лексем арабского происхождения.

Многие арабские слова стали настолько привычными, что русские даже не подозревают об их арабском происхож-

дении. Данные толковых и этимологических словарей позволяют классифицировать арабизмы по группам:

1) Растительный и животный мир: *газель, хна, шафран, эстрагон* и др.;

2) Географические объекты и природно-климатические явления: *авария, азимут, муссон, самум*;

3) Социальное положение: *адмирал, султан, халиф, шейх, шериф, эмир* и др.;

4) Наименование тканей и одежды из них: *атлас, бахрома, бисер, кумач, мохер, халат, шуба* и др.;

5) Научная терминология: *азимут, алгебра, алгоритм, алкоголь, цифра, шифр* и др.;

6) Религиозная лексика: *Аллах, Коран, имам, ислам, сура, хадж, шариат* и др.;

7) Политико-экономические наименования: *кабала, меджлис, халифат, эмират* и др.;

8) Названия драгоценных камней: *алмаз, лазурит, яшма*;

9) Строительные сооружения и их части: *альков, арсенал, бакалея, магазин*;

10) Литература и язык: *альманах, касыд, суахили* и др.;

11) Военная тематика: *газават, джихад, кинжал, шахид*;

12) Мера массы и денежные единицы: *тара, цехин*;

13) Музыкальные инструменты: *лютня, тамбурин*;

14) Качества человека: *набоб, ханжа*.

Рассмотрим некоторые русские слова арабского происхождения подробнее:

Адмирал – أمير amīr, командующий. Amīr al-bihār – командующий морей. Впервые этот титул присвоили и начали употреблять в тогда еще арабской Сицилии. После того, как остров был захвачен норманами, слово перекочевало в средневековые французский и галуэзский языки. Короля Эдварда III в XIV веке называли “Amurel”. Буква “д” появилась значительно позже, создав иллюзию

чительно позже, создав иллюзию заимствования слова из латыни⁸.

Алхимия, химия – الكيمياء al-kīmiyā. Это слово впервые употребил в 1140 году Платон Тивольский, итальянский математик и астроном, побуквенно перенеся его из арабского в латынь. Часто употребляемое в средневековой Европе слово *алхимия*, впоследствии преобразовалось просто в *химию*, точную и вовсе не волшебную науку.

Алкоголь – الكحل al-kohl. Слово первоначально обозначало тонко перемолотую в порошок сурьму для век. В таком значении оно и вошло в латинский язык в XIII веке. В XIV веке стало означать просто нечто, хорошо перемолотое и растертое. В средневековой литературе означало очищенный материал или некую “квинтэссенцию”, полученную методом дистилляции. Парацельс в XVI веке употребил слово *алкоголь* в значении ‘квинтэссенция вина’. Но только в XVIII веке в английском словаре Бэйли его значение было описано как “очень чистый ректифицированный спирт”.

Алгебра – الجبر al-jabr, восстановление сломанных частей. Математическое значение слово получило от названия книги, написанной в IX веке математиком Аль-Харезмом “Al-kitāb al-mukhtaṣar fī ḥisāb al-jabr wa al-muqābala” (“Краткая книга сложения, заполнения и подсчета”). В средневековом арабском al-jabr и al-muqābala означало ‘метод решения уравнений’.

Арсенал – دار الصناعة dār aṣ-ṣinā‘a, производственное здание. Слово пришло в остальные языки из итальянского, а точнее, из средневекового венецианского наречия. В раннем английском его стали употреблять для обозначения портовых доков (XVI век) – построек, где проходил ремонт военных

⁸ Информация взята из статьи “Арабские слова, используемые повседневно” // Lingvoblog [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.lingvoblog.com/j-note268/]. Дата обращения: 23.03.2015.

кораблей. И лишь позже получило свое окончательное значение – “место для хранения оружия и боеприпасов”.

Азимут – السموت al-sumūt | as-sumūt, путь, направление. Изначально так называли арабскую версию астролябии, инструмента для навигации. Но в “Трактате об Астролябии” 1390 года Джоффри Чоссер так часто употреблял это слово, что оно приобрело несколько иное значение.

Гитара – قيثارة qīṭāra. Современная форма слова, обозначающего этот музыкальный инструмент, появилась в русском языке от испанского guitarra, модификации арабского qīṭar. Между тем, есть мнение, ничем не подкрепленное, что арабы заимствовали слово у древних греков: kithara – кифара, струнный щипковый инструмент вроде мини-арфы.

Кроме приведённых выше слов, отдельно стоит упомянуть слово *изба*. В этимологических словарях указано, что оно по происхождению исконно русское. Однако в арабском языке есть слово *изба*, которое означает большой дом. Можно предположить, что *изба* имеет арабское происхождение.

Благодаря сотрудничеству России с арабскими странами, процесс взаимовлияния и взаимообогащения русского и арабского языков не прекращается.

Литература

1. *Александрова О.И.* Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка. – М., 2010.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
3. *Баранов Х.К.* Большой арабско-русский словарь. – М., 2000.
4. *Валуллина Л.К.* Лексика арабского происхождения в русском и татарском языках. – М., 2004.
5. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иностранных слов. – М., 1998.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1986.

Аль Анбаги Шайма Тамер Хасан
(Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого)

**ЗНАЧЕНИЕ ПРЕФИКСА *ПРО-* НА ПРИМЕРЕ
ГЛАГОЛОВ ИЗ РОМАНА
А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

Новые слова в русском языке образуются на основе слов, словосочетаний, предложений, которые для нового слова являются исходными [Виноградов 1981; 38]. Слова в русском языке образуются следующими основными способами: приставочным, суффиксальным, приставочно-суффиксальными, бессуффиксным, сложением, переходом одной части речи в другую [Бондарко 1976; 224]. При образовании слов приставочным способом приставка присоединяется к исходному, уже готовому слову. При этом новое слово относится к той же части речи, что и исходное слово. Этот способ словообразования является основным при образовании глаголов. Приставки у глаголов дают возможность выразить разнообразные оттенки действий. Глаголы с префиксом **про-** делятся на восемь типов. [Назарова 2013; 200]. Покажем значения префикса *про-* на примере глаголов из романа А.С.Пушкина “Евгений Онегин”.

1) Глаголы со значением ‘действие, названное мотивирующим глаголом, направить сквозь что-нибудь, через что-нибудь, вглубь’. Например: И *промотался* наконец (I, 3).

2) Глаголы со значением ‘действие, названное мотивирующим глаголом, направить мимо чего-нибудь’. Например: *Проходит* время; между тем (II, 5).

3) Глаголы со значением ‘с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, переместит(ся), продвинуть(ся) вперед, преодолеть какое-нибудь расстояние’. Например: *Произведут* в груди моей (II, 26)

4) Глаголы со значением ‘интенсивно и тщательно со-

вершить действие, названное мотивирующим глаголом'. Например: И *прояснился* темны ум (II, 19).

5) Глаголы со значением 'израсходовать, истратить что-нибудь на действие, названное мотивирующим глаголом'. Например: Свои *проводишь* вечер (III, 5).

6) Глаголы со значением 'упустить, пропустить что-нибудь, совершая действия, названное мотивирующим глаголом'. Например: *Проснется* за полдень, и снова (III, 5).

7) Глаголы со значением 'совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом': *проветилировать* – совершить, довести до результата действия по глаголу вентилировать. Например: *Прогнали* со двора (III, 5).

8) Глаголы со значением 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение какого-нибудь времени, (чаще – длительного)'. Например: Чтоб только время *проводить* (II, 5).

Таким образом, вопрос о значении префикса *про-* становится ясным при помощи примеров в романе А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Заметим, что при употреблении префиксов образуются новые глаголы с новыми значениями.

Литература

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л., 1976.
2. Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. – М., 1981.
3. Назарова А.В. Глагольные приставки. – М., 2013.

В.Г. Венгерова, В.А. Головки
(Кубанский государственный университет)

**ЛЕКСЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В СКАЗКЕ
С.Т. АКСАКОВА «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК»**

Известно, что цветовые ощущения почти всегда носят ментальный характер. Традиционный пример: англичане различают множество оттенков серого, что не характерно для русского человека. По словам Н.В. Серова, “символика цвета опирается на объективные особенности психики, на всевозможные ассоциации, нередко довольно простые: зеленое – пробуждение, надежда; синее – небо, чистота; красное – огонь и кровь. Такая мотивировка имеет в своей основе обыденный опыт, который дополняется мифологическими, религиозными и эстетическими воззрениями” [Серов 1997; 17].

При столкновении с произведением, где цвет употребляется автором в названии, а значит, явно занимает сильную позицию – интересно разобраться, какую смысловую нагрузку несут в себе свето- и цветообозначения. Когда читаешь сказку, создаётся впечатление, что вся она насыщена цветами и узорами, но при внимательном обращении мы сталкиваемся с такой картиной. Множество раз встречаются прилагательные *золотой* и *серебряный*, относящиеся к разным убранствам и материалам. Частое упоминание о самоцветных камнях, палатах изукрашенных, всякими красками, расписанных, и материалах (например, камка – шёлковая цветная ткань с узорами) – создает полицветовой фон сказки. Трижды встречается черный цвет в троичном повторении сестер о подарке: *Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни мехов чёрного соболя*. Также однажды упоминается *чернильница*. Дважды серый цвет знаменует сумерки. Особняком в сказке стоят два цвета – красный и зелёный. Но в то же время конкретно названных цветов в произведении не так много.

Автор предсказуемо раскрашивает в зелёный лишь убранства и окружение дома чудища морского:

*... сходит он по лестнице из мрамора **зелёного**, из малахита медного, с перилами позолоченными, сходит прямо в зеленые сады;*

*И вдруг видит он, на пригорочке **зелёном** цветёт цветок цвету алого.*

Нигде более этот цвет не появляется. Зелёный цвет будто “выстилает” дорогу к желанному цветку. Оттенком зеленого в контексте можно считать прилагательное *муравчатый*, при посредстве которого автор описывает пригорок, на котором сорвал честный купец цветочек аленький. Кроме общеизвестных значений зеленого цвета – объединение с природой и успокоение, упоминание этого цвета в художественном произведении вселяет в читателя надежду на счастливый конец, выход из сложной ситуации. Нам думается, что автор, используя в сказке определенные цвета, вкладывает в их значение только положительные коннотации.

Самое большое количество оттенков в сказке имеет красный цвет:

*золотой венец, как от солнца **красного**;*

*привези ты мне **аленький** цветочек;*

*входит он во дворец по лестнице, устланной **кармазинным** (пр. автора – ярко-красным) сукном;*

*Гуляет он и любит: на деревьях висят плоды спелые, **румяные**, сами в рот так и просятся;*

*...птицы летают невиданные: словно по бархату зеленому и **пунцовому** золотом и серебром выложенные, песни поют райские – здесь мы видим связь двух центральных цветов);*

*...а дворец королевский или царский, весь в огне, в серебре и золоте и в камнях самоцветных, весь **горит и светит**, а огня не видеть; ровно солнышко **красное**, инда тяжело на него глазам смотреть – из контекста видно, что*

красный цвет – свет – огонь и освещение находятся в одном семантическом поле.

Прилагательное *светлый* часто употребляется для обозначения чего-либо прекрасного, величественного, возвышенного [Каравашкин 1995; 41]. Например, светлым величается солнце. По сравнению с другими цветами, красный (червлёный) цвет (*червлёное и богатое одеяние*) в летописании имеет систему оттенков, где кроме кровавого зафиксированы упоминавшийся нами выше медный, рыжий, багряный, что свидетельствует о его особом эстетическом весе в колористической картине мира Древней Руси. Ведь “сами слова красота, красный первоначально означали светлый, яркий, блестящий, огненный и были родственны словам кресс, огонь” [Каравашкин 1995, 67]. Мы видим взаимосвязь понятий *светлый* и *огонь, красота*, что даёт возможность предполагать синонимичность этих лексических средств. *Чем дальше идёт, тем светлее становится, и стало, почитай, как белый день*, – читаем в сказке. То есть, возможно, что аленький цветок светлый, потому-то и светло у самого Чудища: цветок его. В тексте переплетаются значения света и красоты, красного. Таким образом, ядерную часть семантического поля цвета в тексте сказки С.Т. Аксакова образуют лексемы красный и зелёный, остальные цветообозначения являются периферийными и составляют фоновую часть.

Литература

1. Аксаков С.Т. Аленький цветочек. – М., 1989.
2. Каравашкин А.В. Философия прекрасного в Древней Руси // Человек. – 1995. – № 5.
3. Серов Н.В. Эстетика цвета. Методологические аспекты хроматизма / Н. В.Серов. – СПб., 1997.

Ву Ван Куен
(Российский университет дружбы народов)

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЯ «РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ»

В условиях расширения межкультурной коммуникации, её участники должны овладеть не только иностранным языком, но и речевыми культурными нормами. Это имеет больше значение для студентов-филологов, которые интересуются именно языком. Практика показывает, что владение культурой поведения, особенно культурой речи позволяет человеку более четко и ясно выразить свои мысли, привлечь внимание собеседника своей речью, не испытывать неловкости, неадекватной реакции, и избегать тех или иных реплик со стороны окружающих.

Известно, что правила этикета, в частности, речевого этикета помимо общих особенностей имеют в каждой лингвокультуре свои национальные черты, в том числе в разных речевых ситуациях общения: социально-коммуникативная гендерная принадлежность (мужчина – женщина), разница в возрасте (взрослый – ребенок), конвенциональный фактор и т.д. В русской лингвокультуре этикету издавна придавалось большое значение. Об этом, например, говорится уже в поучении Владимира Мономаха.

Можно сказать, что возникновение этикета тесно связывается с возникновением и развитием государства как главной регулирующей системы общества. Государство, подразумевающее по своей природе иерархическое строение власти и её институтов, различные формы социальной стратификации, подчинения, нуждается в нормах и правилах поведения, которые бы на практике служили средствами дифференциации и распознавания различных социальных групп, слоев, институтов. Итак, можно считать именно эту точку в развитии государства и общества рождением системы норм и правил, регламентирующих и нормирующих поведение че-

ловека в обществе, т.е. этикета.

Авторы дают разные определения речевого этикета. Например, Л.А. Введенская под речевым этикетом понимает “разработанные правила речевого поведения, система речевых формул” [Введенская 2006; 140].

У Л.П. Ступина и К.С. Игнатьева мы находим другое определение: “В широком его значении речевой этикет следует понимать как форму нормативного речевого поведения в обществе между представителями единой нации. В более узком значении под речевым этикетом подразумевается совокупность типовых высказываний, закрепленных национально-культурными и языковыми традициями в данном языковом коллективе для использования в конкретных социально-коммуникативных ситуациях” [Ступин, Игнатьев 1980; 6].

Некоторые ученые указывают, что понятие *речевой этикет* имеет двойственное толкование, и под речевым этикетом также понимается микросистема национально-специфических устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности. В узком смысле – это специфические формулы, принятые для поддержания общения. А в широком смысле – это все правила речевого поведения, все установленные обществом разрешения и запреты, связанные с речью.

Мы же придерживаемся определения речевого этикета, данного Н.И. Формановской: “Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфических стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности” [Формановская 2014; 9]. На наш взгляд, такое определение является наиболее точным и всеобъемлющим. Более того, нужно отметить, что речевой этикет – это система правил речевого поведения и устойчивых формул вежливого общения. Не-

укоснительное соблюдение речевого этикета оставляет у собеседников хорошее впечатление, благодаря которому разговор будет происходить в приятной для обеих сторон атмосфере. На самом деле каждый народ создал свою систему правил речевого поведения. В российском обществе особую ценность представляют такие качества как *тактичность, терпимость, предупредительность, доброжелательность*.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: речевой этикет – это понятие многогранное и широкое, он представляет собой совокупность словесных форм учтивости, доброжелательности, вежливости, без которых невозможно обойтись в обществе. Этикет является одним из главных условий самоидентификации человека в обществе. Поэтому общество выработало особую систему ритуалов и соответствующих словесных формул, которые обслуживают его потребности. В настоящее время в каждом обществе этикет постепенно развивается как система правил поведения, система запретов и разрешений, организующих в целом нравственные нормы. Степень владения речевым этикетом определяет степень профессиональной пригодности человека, а также способствует приобретению авторитета, порождает доверие и уважение.

Литература

1. *Введенская Л.А.* Культура речи. – Ростов-на-Дону, 2002.
2. *Ступин Л.П., Игнатьев К.С.* Современный английский речевой этикет. – Л., 1980.
3. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет. – М., 2014.
4. *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. – М., 1989.

Д.Е. Гаткина

(Российский университет дружбы народов)

СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПЬЕСЕ И. БРОДСКОГО «ДЕМОКРАТИЯ!»

Произведения Иосифа Бродского неоднократно становились объектами научного исследования, в том числе в аспекте их языкового оформления. Достаточно отметить работы М.С. Халимбековой [Халимбекова 2004]; А.С. Усачёвой [Усачёва 2007], М.А. Кашиной [Кашина 2000]. Тем не менее, пьеса “Демократия” не получила еще детального рассмотрения в плане языковых особенностей и связанной с ними информации культурного характера. Между тем эти особенности представляются достаточно интересными.

Хотелось бы начать статью с замечания литературного критика Я.А. Гардина: “Бродский делает все, чтобы сбить с толку читателя, вздумавшего бы точно идентифицировать место действия. С одной стороны, за окнами правительственного здания шпили лютеранских кирх – что на Россию непохоже. С другой, речь идет о стране, которая в первой ремарке хоть и названа “небольшим государством”, но в которой до западной границы “тыща км болотом”, а до восточной “три года скачи – не доскачешь”. В то же время говорится о Центральной или Восточной Европе и положении “между двумя великими державами”. Имена всех главных героев имеют немецкое происхождение (имя министра внутренних дел Петровича не является исключением, так как впоследствии сам герой представляется Яном Петерсом). Таким образом, пытаться вычислить название страны, в которой происходит действие, страны, производящей копченых угрей, бекон и газировку, – дело бессмысленное. Это – условное пространство, в котором моделируется вся пошлость неорганичной демократии, неожиданно пришедшей на смену социализму” [Гардин 2001].

Однако в тексте присутствуют лексические единицы с национально-культурным компонентом, ассоциирующиеся с Литвой: лютеранские кирхи, Балтийское море, янтарные ожерелья, Витольд Великий: *А нам – что учреждать, если надавят? Потомка Витольда Великого, что ли, из Воркуты выписывать и на престол сажать?* Время действия – после распада СССР, когда бывшие республики меняют устройство на демократическое. Еще одна интересная деталь – чучело медведя, на которое постоянно кивают. Медведь – намек на Россию, за которой остались главенствующие позиции. Нацменьшинства, говоря о которых кивают на медведя – тоже указание на Прибалтику, где русские в меньшинстве.

Также в пьесе довольно часто упоминается имя реального исторического персонажа Сталина. По контексту ясно, что о нем говорят в связи с прошлым страны, например: *На этом все империи держатся. Вспомним цезарей, в худшем случае Сталина.* Описываемое время – не сталинское, а как раз период после распада СССР, когда союзные республики начали обретать независимость.

Следующим моментом, на который, стоит обратить внимание, является факт присутствия в кабинете главы государства большого чучела медведя. Самая стойкая ассоциация всех иностранцев с Россией, наравне с водкой и балалайкой. Герои, по примечанию автора, *кивают или поглядывают* (в сторону медведя) всякий раз, когда употребляется местоимение *они*. Это символ жесткой иерархичности, символ “старшего брата”, который не исчезает и во втором акте пьесы, когда, казалось бы, демократия и независимость провозглашена.

Приступая непосредственно к чтению и анализу текста пьесы, было замечено, что демократия стоит в одном ряду с едой. Умы власти государства заняты пищей, а не политикой. Также можно интерпретировать это так, что И. Бродский заявляет, что демократия подобна рынку. Она может

быть продана и куплена. Во 2 акте эта мысль подтверждается еще раз фразой *гастрономический вариант демократии*.

В разговоре про иностранные товары в какой-то момент речь заходит об американских наручниках. Здесь интересна реплика: ... *одно слово – капитализм. У нас таких не делают. Валюту тратить приходится*. Вот он, девиз российского производителя. Это российская действительность, в которую с созданием Советского Союза были втянуты и республики. От этой действительности практически никогда не удавалось избавиться.

В подтверждение выше сказанного стоит вспомнить, что СССР по своей сути был сельскохозяйственной страной. Конкурентноспособная промышленность того времени работала на иностранном сырье. Большой процент ВВП приходился на сельское хозяйство. Балтийский регион, о котором, как мы выяснили, идет речь в пьесе, специализировался на рыболовном промысле, на добыче янтаря и на производстве электроэнергии. Следует отметить, что разговор про производство различных благ сводится к размышлению о былом величии страны, когда экспорт угрей и янтарных ожерелий помогал независимой стране жить.

Также примечательно то, что в исторически не совсем дружественной Советскому Союзу стране Америке закупаются именно наручники.

Далее в тексте заходит речь о митинге, где звучит фраза: *независимость – тоже защита*. Это чисто русский подход к организации жизни. Жесткая тоталитарная система управления государством толкает людей к мнению, что свободный человек постоянно должен защищать и отстаивать свое право на эту самую свободу. *Да какие они демонстранты? Так, толпа*, – фраза, отражающая отношение высших правящих кругов к простым людям.

Далее употреблено знакомое каждому слово очередь. Да, очереди могут образоваться где угодно, в любой стране

мира, но только в Советском Союзе очереди – это образ жизни людей. Если сейчас спросить человека, жившего в советской действительности, какие ассоциации есть с тем временем, первым будет дан ответ: очереди.

В середине первого акта главой государства произносится фраза: *Господа министры. Я должен сообщить вам (Петрович и Цецилия понимающе улыбаются) приятное известие. У нас учреждена демократия!* Это явление интертекстуальности, здесь содержится явная отсылка к комедии Н.В. Гоголя “Ревизор”. При этом текст “Ревизора” признается прецедентным, то есть известным среднему участнику рассматриваемой лингвокультурной общности.

После этого заявления и следующей немой сцены господина министры сходятся на том, что демократия это очень даже не плохо, но нужно придумать, что сказать журналистам. Вообще внешнее словесное оформление действительности в “Демократии!” занимают важное место.

В процессе анализа пьесы непосредственно с лингвистической, а точнее, с лингвострановедческой точки зрения, встречающиеся “интересные слова” были разделены на несколько категорий. О них ниже.

Во-первых, в тексте многократно используются фамилий и имена реальных исторических персонажей, как то: Эйзенштейн, Берия, Иосиф Виссарионович, Маркс, Гейгер, Фидель (Кастро), Станиславский, Дарвин и так далее. Они служат для некой ориентации читателя во времени и пространстве действия. Так же имена личностей использованы в качестве фоновой лексики (например: *Гейгер зашкаливает*. Ясно, что имеется в виду счётчик Гейгера).

Далее следует отметить слова-реалии иностранного происхождения и слова-кальки. Так, например, слово *контрамарка* – исторически заимствование из французского языка, а на данный момент – слово, относящееся к безэквивалентной лексике русского языка. Единожды употребленное в

тексте слово *форин* – просторечная калька с английского слова *foreign*. Два раза встречается слово *макабр* без какого-либо адекватно объясняющего его контекста. Обратившись к “словарю иностранных слов, вошедших в состав русского языка” А.Н. Чудинова, находим определение этому слову. *Макабр* – танец смерти, средневековый обычай, состоящий в пляске, которая происходила на кладбище и заключалась в подражании воображаемой пояски мертвых. По моему мнению, автор использует данную, не совсем привычную русскому уху лексику для подчеркивания инородности, чуждости истинной, возвышенной демократии волн (по меткому выражению И. Бродского из стихотворения “Подражание Горацию”, написанному в одно время с пьесой “Демократия!”) существующей грубой, невежественной почве социализма.

В поддержку этой мысли приведем еще один пример: Бродский обильно использует в тексте просторечную лексику: *не разоряйся ты, кончай лаяться, гуторю, допекли, шляться, ты что, спятил* и так далее. Вспомним, что диалог ведется людьми, стоящими у власти государства. Люди, использующие в официальном разговоре стилистически сниженные, фамильярные слова, хотя бы в силу своей грубости не воспримут исходных идеалов пропагандируемой им демократии.

Самый большой пласт лексики, несущей культурную информацию читателям, – это слова-реалии разных классов. В основном, Бродский использует советизмы, в данный момент уже переходящие в раздел историзмов: *Не 17-й год* – здесь речь идет о большевистских революционных движениях 1915 – 1917 годов. В контексте употреблено слово *меньшевик*. *Интернациональный долг* – советский термин, в данный момент перешедший в раздел историзмов. *Молоко за вредность* – термин введен в 1918 году, означает бесплатную выдачу молока работникам вредных для здоровья производств. *Кулацкий сынок* – выражение с негативной оценочностью, находящееся в классе историзмов. *Политбюро* – высший орган власти в СССР. *Пере-*

ворот сверху. Дворцовый – отсылка к событиям истории России. *Пятилетний план, фининспектор* – классические советизмы, слово *прокламация* относится к разделу переосмысленных в советское время слов нового быта.

Интересно заметить, что рядом со словом *демократия* употребляется целый ряд соотносящихся терминов: суверенитет, государственная монополия, хозрасчет, частники, капиталовложения, концессии, профсоюз, свободные выборы, капитализм, совет министров.

С лингвистической точки зрения также примечательно то, что секретарша Матильда называет главу государства *товарищ президент*. Со словом *товарищ* можно было обратиться к любому человеку в социалистическом союзе республик. Слово президент же относится к демократическому строю. Этот спор-договор об именовании иллюстрирует изменение делового этикета под влиянием социальных изменений.

Употребляются и языковые афоризмы: *кто старое помянет, тому глаз вон, за что боролись, на то и напоролись, и волки сыты, и овцы целы, потом суп с котом!*, *сказка про белого бычка, копейка рубль бережет, кто был ничем, тот станет всем, не бей лежачего*.

Таким образом, к наиболее значимым словам, связанным с передачей культурной информации, относятся личные имена собственные, слова-реалии (слова иностранного происхождения, слова-кальки, просторечия, неологизмы, советизмы, историзмы). Их назначение в тексте – помощь в определении места и времени действия, на которые в тексте нет прямого указания.

Литература

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка. – М., 1990.
2. *Гардин Я.А.* Когда кончается история, начинается зоология // Звезда. – 2001. – № 5.

3. *Кашина М.А* “Вещный мир” И. Бродского (на материале сборника “Часть речи”: к вопросу о языковом мире поэта) / Автореферат дисс... канд. филол. наук. – Череповец, 2000.

4. *Усачева А.С.* Класс глаголов интеллектуальной деятельности как формально-содержательный элемент идиостиля (на материале русскоязычных стихотворений И. Бродского). – Саратов, 2007.

5. *Халимбекова М.С.* Образы времени и пространства в поэтическом сборнике Иосифа Бродского “Остановка в пустыне”. – Махачкала, 2004.

Д.Д. Горбунова

(Ивановский государственный химико-технологический университет)

ЯЗЫКОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ “НЕФТЬ”

Нефть известна людям с древних времен. Еще во времена Византийской империи эта зажигательная смесь была грозным оружием, так как попытки потушить ее водой только усиливали горение.

На вопрос: “Что же такое нефть?” – можно получить разные ответы. Теплотехник ответит, что это прекрасное, высококалорийное топливо. Химик скажет: “Нефть – это сложная смесь жидких углеводородов, в которых растворены газообразные и другие вещества”.

Следует отметить, что слово *нефть* живет в русском языке уже давно. Пришедшее из турецкого (от слова *neft*), оно происходит от семитского глагольного корня *npt* с первоначальным значением ‘извергать, исторгать’. Однако помимо своего основного значения это слово имеет и другие коннотации:

- черное золото

Все чаще нефть называют “черным золотом”, потому что для современной экономики она имеет такое же значение, что и золото в прошлом.

Неспециалисты привыкли считать, что нефть бывает только черной. Однако это не совсем так. Нефть может быть бесцветной, зеленой, коричневой, желтой, красной, к тому же каждый цвет имеет свои оттенки.

- земляная смола

Так называют нефть, потому что она извергается из земли. В боях с половецким князем Кончаком русские воины, как свидетельствует Ипатьевская летопись, имели стрелы с пучком тряпья, смоченным земляной смолой.

- греческий огонь

Состав “греческого огня” хранился в глубокой тайне. Лишь спустя 400 лет после поражения у стен Константинополя арабским алхимикам удалось установить, что основу “греческого огня” составляет смесь нефти с серой и селитрой.

Следует добавить, что китайцы, первые пробурившие нефтяную скважину еще в 347 году н.э., называют нефть “ши йоу”, что буквально означает ‘горное масло’.

Это же значение отмечает в своем словаре и В.И. Даль: “Нефть – горное масло, земляной деготь, ископаемая жидкая смола”.

Интересным является тот факт, что нефти посвящены стихи и романы на русском языке. В одном из таких стихотворений нефть рассматривается как *королева всех королей* и *земная кровь густая*.

*В гриб смерти вырастая,
Войною зажжена,
Горит земная кровь густая (Н. Михин).*

От слова *нефть* в русском языке образовались такие слова, как *нефтяной* – *нефтяник* – *нефтепровод*. Наиболее употребительным является прилагательное *нефтяной*, кото-

рое употребляется в своем основном значении. Например, *нефтяная добыча, нефтяная скважина, нефтяная вышка, нефтяное месторождение, нефтяные колодцы, нефтяной рынок, нефтяная промышленность, нефтяная компания, нефтяная платформа и др.*

Таким образом, на уровне лексики и словообразования мы попытались провести языковой анализ понятия “нефть”.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // [Электронный ресурс] – Режим доступа: [<http://slovardalja.net>]. Дата обращения: 30.03.2015.

Е.О. Грунина

(Российский университет дружбы народов)

СПЕЦИФИКА ДЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В научный оборот термин *языковая личность* был введен в 1930-х гг. В.В. Виноградовым в книге “О языке художественной прозы”. Исследовав две ипостаси художественной языковой личности – личность автора и личность персонажа, В.В. Виноградов пришел к выводу, что “памятник – не только одно из произведений коллективного языка творчества, но и отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действительного выражения замкнутого круга представлений и эмоций” [Виноградов 1930; 3].

В лингвистике под языковой личностью понимается речевая личность, рассматриваемая со стороны ее способности к речевой деятельности, как некий комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения [Богин 1984; 3].

В отечественной лингвистике под языковой личностью понимается “совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью” [Караулов 2002; 38]

Таким образом, языковой личностью мы будем считать человека – носителя языка, способного с помощью определенных процессов мышления воспринимать и воспроизводить текст, отражающий действительность и обладающий определенными функциями.

При рассмотрении языковой личности, ученые (Ю.Н.Караулов и др.) выделяют несколько уровней в ее структуре:

- **вербально-семантический** (проявляется в умениях, обеспечивающих лексическую и грамматическую точность и правильность текстовой деятельности);
- **тезаурусный уровень** (проявляется в умениях, обеспечивающих концептуальную составляющую текстовой деятельности – отражение в ней определенной языковой картины мира);
- **мотивационно-прагматический уровень** (проявляется в умениях, обеспечивающих жанровую составляющую текстовой деятельности).

При сопоставлении данных характеристик становится возможным выявление некоторых специфических особенностей языковой личности.

Стоит отметить, что особенности языковой личности зависят и от возраста носителя языка. Таким образом, языковая личность ребенка имеет некие специфические особенности, отличающие ее от взрослой языковой личности.

Для определения специфики языковой личности ребенка важным является положение С.Н. Цейтлин о том, что “независимо от индивидуальных различий между детьми, независимо от речевой среды, в которой они воспитываются, независимо даже от особенностей постигаемого ими языка, общая стратегия усвоения правил является для всех единой: сначала постигаются самые основные языковые модели и основанные на них языковые правила” [Цейтлин 2000; 12].

Рассмотрим детские языковые особенности на материале автобиографической повести С.Т. Аксакова “Детские годы Багрова-внука”.

При изучении текста произведения были выявлены следующие особенности:

1) Высокая степень экспрессивности текста:

И наконец пришел этот желанный день и час! Торопливо заглянул Евсеич в мою детскую и тревожно-радостным голосом сказал: “Белая тронулась!” Мать позволила, и в одну минуту, тепло одетый, я уже стоял на крыльце и жадно следил глазами, как шла между неподвижных берегов огромная полоса синего, темного, а иногда и желтого льда. Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая-то несчастная черная корова бегала по ней как безумная от одного берега до другого.

2) Выражение своего отношения через языковые средства:

Противный Мироныч; огромная саблицца; маленький огонек; странная нянька; добрая няня; слепой щеночек, кутенок; тепленькое молочко; мельничная амбарушка; милая сестрица и т.д.

3) Лингвокреативность, выраженная в детских речевых инновациях и языковой игре:

*В одном находилось множество молодых лошадок всяких возрастов и матерей с жеребятками, которые несколько отвлекли меня от картины **жнитва** и развеселили своими прыжками и ласками к матерям.*

*Я увидел около себя большие **суеты, хлопоты и сборы**. Гнев и ненависть, к какой только может быть способно сердце дитяти, почувствовал я к Волкову, которого и прежде **неподлюбливал**.*

*Вдруг как-то начинал верить, **оскорбляться насмешками, разгорячался**, выходил из себя и дерзкими бранными словами, как умел, отплачивал моим противникам.*

*Я очнулся или **очувствовался** уже на коленях матери. Да еще в соединении с **мушкарюю**...*

4) Анимизм как проявление когнитивной функции языка (наделение неживых предметов свойствами живых):

*Амбарушка была наполнена хлебной пылью и вся **дрожала, даже припрыгивала**.*

5) Неустойчивость языковой системы ребенка, использование слов, услышанных у взрослых:

*К чуркам и камешкам с реки Белой, которые я всегда называл **“штуфами”** (это слово я перенял у старика Аничкова).*

6) Попытка давать толкование незнакомым словам:

*Вся эта трава подрежется сохами и больше не **отрыгнет, то есть не вырастет**.*

*Потом изумили меня огромная изба, закопченная дымом и покрытая лоснящейся сажей с потолка до самых лавок, – **широкие, устланные поперек досками лавки, называющиеся “наррами”**, печь без трубы и, наконец, горящая лучина вместо свечи, ущемленная в так называемый **светец**, который есть не что иное, как железная полоска, разрубленная сверху натрое и воткнутая в деревянную палку с подножкой, так что она может стоять где угодно.*

Степь, то есть безлесная и волнообразная бесконечная равнина...

Подводя итог, стоит отметить, что изучение детской языковой личности актуально, так как языковая личность ребенка является основой для понимания процессов, формирующих языковую личность взрослого человека.

Литература

1. *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова-внука: Повесть. – СПб., 2012.
2. *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. докт. филол. наук. – Л., 1984.
3. *Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протоппа Аввакума // Виноградов В.В. Избранные произведения. О языке художественной прозы. – М., 1980.
4. *Десяева Н.Д.* Языковая личность и пути ее формирования в начальной школе // Коммуникативный подход в преподавании русского языка в вузе и в школе. – М., 2014.
5. *Добря М.Я.* Специфика языковой личности ребенка: К постановке проблемы системного описания // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. № 29 (320).
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2002.
7. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М., 2004.

Гюиссе Калиду

(Российский университет дружбы народов)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ РКИ

Артикуляционной базой принято называть совокупность привычных для данного языка положений и движений

органов речи. Обычно черты артикуляционной базы проявляются как в гласных, так и в согласных. Это характерно и для французского языка.

Л.В. Щерба, М.В. Гордина и многие другие специалисты отмечают, что во французском языке вся артикуляция четкая и напряженная, при этом французские согласные имеют огласовку на /œ/.

Н.А. Шигаревская вслед за Л.В.Щербой отмечает, что французские согласные обладают еще одной характеристикой, зависящей от места звука и от его артикуляционной силы: согласные могут быть сильноначальными, сильноконечными или геминированными (удвоенными, двухвершинными). Последняя характеристика зависит от распределения согласных в слоге. Французские согласные являются сильноконечными, что также объясняется их напряженной артикуляцией. Артикуляционная сила и интенсивность произнесения французских звуков влияют на характер и степень ассимиляции: сильная глухая согласная, озвончаясь, не утрачивает своей силы.

Для согласных характерно сильное напряжение активного органа, образующего преграду, а также энергичное и полное смыкание органов речи при смычных. М.В. Гордина указывает, что при произнесении французских согласных смыкание активных речевых органов с пассивными происходит гораздо быстрее, чем в русском языке. При энергичной и плотной смычке на всем протяжении преграды выдержка согласных затягивается несколько дольше, чем в русском, затем следует третья фаза – быстрый и четкий взрыв, в том числе и у носовых смычных в конце. Для французских согласных характерны быстрые экскурсии и рекурсии и отсутствие аффрикации.

Все французские звуки артикулируются преимущественно в передней части полости рта. Из 15 гласных и 20 согласных – 9 передних гласных, 15 губных и переднеязычных согласных; остальные гласные, 2 среднеязычных согласных

/ʒ, j/ и 2 заднеязычных согласных /k, g/ выдвинуты вперед и лишь 1 глубокий согласный (увулярное /r/)

Французский язык обладает сильной губной артикуляцией. Движения языка сопровождаются энергичным выдвиганием губ вперед и их округлением. Половина французских гласных является губными. И среди согласных есть также лабиализованные: /ɥ, w, ʃ, ʒ/. В потоке речи согласные артикулируются с округленными или растянутыми губами в зависимости от следующего гласного. Для всех звуков характерна энергичная работа губ сильное округление губ при губных гласных и энергичное их растягивание при негубных. Конечные согласные имеют губную окраску на с.

Активные движения небной занавески создают носовой резонанс. Ввиду частотности носовых гласных в языке, формирование носового резонатора имеет большое значение для французской артикуляционной базы.

Ярко выраженная тенденция французского языка к артикуляции в передней части рта объясняется исторически: первые следы этой тенденции появляются еще в дороманскую эпоху: в результате “передней” артикуляции латинского /a/ смычные заднеязычные /k/, /g/ развились в переднеязычные /tʃ/, /dʒ/ благодаря явлению аккомодации. Развитие латинского /u/ во французское /y/ также произошло вследствие тенденции к переднему артикулированию.

Сведения об артикуляционной базе французского языка очень важны при постановке русского произношения франкофонам: как носителям французского языка, живущим во Франции, так и студентам из тех стран, где французский язык выступает как язык-посредник наряду с родными языками.

Литература

1. Гордина М.В. Фонетика французского языка. – Л., 1973.

2. Шигаревская Н.А. Теоретическая фонетика французского языка. – М., 1982.
3. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М., 1963.

А.Ю. Гуляева

(Российский университет дружбы народов)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ

Изучением интонации в разное время занимались актеры, режиссеры, литераторы, даже математики. Но, несмотря на достаточно высокий интерес к этой теме, она все еще остается наименее изученной областью лингвистики. Если фонетику как самостоятельную часть языкознания лингвисты стали выделять еще в XIX веке, то интонация начала изучаться только в конце XX столетия. К концу XX она была так мало изучена, что А. Шарп назвал ее “Синдереллой лингвистики”. Что касается изучения интонации русского языка, в ходе своего формирования оно прошло несколько этапов.

Дисциплина, которая занимается изучением интонации в речи, называется интонологией.

Первый этап приходится на 40-е годы XX столетия. В это время происходит ознакомление с явлениями, на которые влияет изменение частоты основного тона, интенсивности, длительности, спектра, а также происходит поиск наиболее верного пути лингвистического анализа этих явлений.

Следующий этап – исследование роли интонации в дифференцировании типов высказываний (вопрос, побуждение и т.п.). Также внимание ученых было обращено на соотношение синтаксиса и интонации.

По мнению В.В. Виноградова, интонация является фактором, который помогает объединять слова в предложения, членить предложения на синтагмы, обнаруживать предикат мысли и выражать отношение говорящего [Виноградов, 1950; 44]. Также вопросом соотношения интонации и синтаксиса занимался А.М. Пешковский [Пешковский, 1959; 152]. Кроме синтаксического подхода к изучению интонации, существовал и фонетический. Интонация воспринималась как средство, с помощью которого оформлялось высказывание.

Фонологического подхода придерживалась Московская лингвистическая школа (А.А. Реформатский, Е.А. Брызгунова). Здесь интонация – это система оппозиций, а ее единицы дополняют список фонологических единиц на суперсегментном уровне. Такой подход наиболее удобен при изучении методики преподавания интонации. Расцвет изучения интонации в России пришелся на 60-е годы XX века, когда исследования были посвящены выявлению единиц интонации. Одно из самых выдающихся исследований – интонационные конструкции Е.А. Брызгуновой. Это – одна из основополагающих теорий в изучении русской интонации.

По Е.А. Брызгуновой, сравнение звучащих предложений различной синтаксической структуры показывает, что в русском языке можно выделить семь типов интонационных конструкций (ИК). Интонационная конструкция – тип соотношения тона, тембра, интенсивности и длительности звучащей речи, способный противопоставить несовместимые в одном контексте смысловые различия высказываний.

Далее, в 1970 – 1980-е годы идет упор на изучение интонации текста, ее организующей функции в нем. В 1990-е годы начинает воплощаться в жизнь такой проект, как вопросы о 13 функциях интонации. В наше время проблема изучения интонационно-просодических средств также актуальна. Интонологические исследования последних десятилетий посвящены соотношению интонации и семантики, интонации и

прагматики, рассматривают диахронический и синхронический аспекты интонации. Также разработан ряд функций интонации и высказываний в тексте, выделены единицы интонации и началось ее типологическое изучение, спланирован системный подход изучения просодии и интонации.

Однако не все проблемы, касающиеся интонации, решены: не до конца изученным остался социолингвистический и региональный аспекты интонации. До сих пор не выведен ни общепринятый термин, ни единое определение интонационной единицы. Интонационную единицу называют интонационной конструкцией, интонационным контуром, интономой, мелодемой, просодемой, фонемой тона и т.д. На основе экспериментально-фонетических исследований были определены многогранные функции интонации. Однако единообразия в определении функций, выполняемых интонацией, среди ученых нет. Функциональный характер интонации в настоящее время носит аксиоматический характер.

Таким образом, изучение интонации в русском языке – долгий, но стабильно развивающийся процесс. Несмотря на то, что интонация – не отдельная область лингвистики, а часть фонетики, в языкознании достаточно работ, которые позволяют отождествить ее с самостоятельными его частями.

Литература

1. *Артемов В.А.* О некоторых правилах взаимоотношения интонации и синтаксиса. – М., 1953.
2. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. – Казань, 1930.
3. *Брызгунова Е.А.* Интонация // Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1980. – Т. 1.
4. *Виноградов В.В.* Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. – М., 1950.
5. *Пешковский А.М.* Интонация и грамматика. – М., 1959.

6. Щерба Л.В. Очерк французского предложения в сравнении с русским. Изд. 3-е. – М., 1948.

7. Черемисина-Ениколопова Н.В. Законы и правила русской интонации. – М., 1999.

Д.Д. Долгова

(Российский университет дружбы народов)

СЛОВА-ПАРАЗИТЫ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАНЦЕВ

В современном обществе правильная и чистая речь имеет огромное значение. И все же, ведя диалог, человек не задумывается над тем, как он говорит. Его речь естественна и непринужденна. Однако стоит отметить, что в последнее время все чаще можно услышать, проскальзывающие в речи, лишние слова. Мы употребляем их, сами того не подозревая. Это те самые “слова-паразиты”. Обратимся к этимологии. Заменители пауз (“слова-паразиты”) – это вставки в речь, но в отличие от характеристикаторов вполне языковые, фонетические [Романова, Филиппов 2009; 57] Откуда они появились? Существует много разных мнений на этот счет.

М.А. Кронгауз в статье “Типа на фиг” отмечает, что “слова-паразиты” имеют свою определенную функцию, а пользуются ими как грамотные носители языка, так и неграмотные. В.И. Подлеская в работе “Почему мы используем слова-паразиты?” пишет, что “говорящий может быть более умелым или менее умелым, но и самые красноречивые далеко не всегда справляются со всем комплексом необходимых для говорения операций. Чтобы помочь говорящему преодолеть эти трудности и помочь слушающему правильно понять говорящего, в языке имеются специальные средства. Чаще

всего это особые слова, которые не входят в структуру предложения, не передают собственно содержания, а помогают, как говорят лингвисты, регулировать речевой поток” [Подлесская]. Огромной проблемой на данный момент является то, что “слова-паразиты” имеют широкое распространение в обществе. Многие используют их, иногда даже не понимая, насколько от этого загрязняется речь, и слушать ее становится невозможно. И хотя значение “слов-паразитов” чаще негативное, среди высокопоставленных лиц становится достаточно популярным использование данных слов для того, чтобы казаться приближенными к народу. Также отмечается, что эти слова могут быть помощниками при возникновении трудностей, например, волнение. Нередко явление, когда человек не может подобрать верные слова для объяснения того или иного явления, начинает нервничать, и тогда на помощь ему приходят так называемые “заменители пауз”. Если говорить о конкретных “словах-паразитах”, то наиболее используемые это *ну..., так сказать...,* долгое и тянущееся *э-э-э, как бы, короче, в общем, типа* и другие.

В иностранной аудитории вопрос стоит по-другому. Иностранцу гораздо труднее подбирать слова. Поэтому в речи иностранца “слова-паразиты” действительно могут выступать как вспомогательный материал. Стоит также отметить, что в иностранной аудитории по-разному воспринимаются и понимаются те или иные “слова-паразиты”. А также не стоит забывать, что иностранец в первую очередь слушает нашу речь и перенимает многие слова именно из нашей речи, используя их потом в своей. Мы провели исследование, чтобы выявить наиболее распространенные “слова-паразиты” среди представителей иностранной аудитории. Нами были произведены наблюдения за коммуникативным поведением иностранцев, владеющих русским языком. Исследование заключалось в том, чтобы в неформальной обстановке поговорить с иностранными студентами и выявить слова-паразиты, которые они используют, а также понять, с какой целью та-

кие слова используются и как от них избавиться. На данный момент двадцать ребят согласились помочь нам и поучаствовать в опросе. Дана была статья, с которой они должны были ознакомиться и пересказать, выразив свое мнение касательно прочитанного. Самым популярным и чаще всего используемым оказалось слово *ну*, с которого почти каждый начинал свой ответ. Все его использовали. Очень характерно то, что это *ну* было для участников эксперимента своего образа толчком для того, чтобы развить дальнейшую мысль. Частые э-э-э (не у всех, чаще у тех, кто хуже владеет языком) показали, насколько сложно приходится иностранцу, когда он изъясняется не на родном языке. У гагаузов прослеживается растягивание слов, вставка слова *вот*. Это растягивание является их вспомогательным материалом. Испанцы при поиске нужных слов использовали *как бы*. В числе опрошенных нашлись и те, кто нередко повторял слово *типа*. Объяснялось это тем, что это слово было услышано от носителя языка. Китайские студенты почти после каждого слова вставляли э-э-э. У греков прослеживается частое прибавление вопросительного *да* в конце предложения: они как бы спрашивают, верно ли была усвоена информация. Проведя данное исследование, мы пришли к выводу, что изначально иностранцы, как и мы, не задумывались над тем, что они произносят. В ходе опроса выяснилось, что многие из них даже не знали, что используют “слова-паразиты”, значение этих слов. Примечательно и то, что некоторые из опрошенных старались после всего этого следить за своей речью и не употреблять данные слова.

Таким образом, можно сказать, что в иностранной аудитории использование “слов-паразитов” связано с нехваткой словарного запаса, а также трудностями, возникающими при говорении. Анализируя результаты проведенного нами исследования, мы пришли к выводу, что в первую очередь носители русского языка должны контролировать свою речь, заменяя “слова-паразиты” близкими по значению словами.

(Допустим, слово *наверное* можно заменить на *возможно*, *вероятно* и т.д.) Ведь, общаясь с нами, иностранцы также пополняют свой словарный запас тем, что слышат от нас. В заключение стоит добавить, что нужно изначально знакомить граждан других стран с этимологией “слов-паразитов” и с ними в целом, чтобы в дальнейшем пресечь возможное их употребление в иностранной аудитории.

Литература

1. *Кронгауз М.А.* Типа на фиг // Esquire [Электронный ресурс] – Режим доступа: [<http://esquire.ru/maxim-kronhaus>]. Дата обращения: 21.03.2015.

2. *Подлеская В.И.* Почему мы используем слова-паразиты? // Постнаука [Электронный ресурс] – Режим доступа: [<http://postnauka.ru/faq/21777>]. Дата обращения: 21.03.2015.

3. *Романова Н.И., Филиппов А.В.* Словарь. Культура речевого общения: Этика. Прагматика. Психология. – М. 2009.

Е.А. Кострова

(*Ивановский государственный химико-технологический университет*)

О СОЗДАНИИ СЛОВАРЯ АГАФОНСКОГО ГОВОРА (ИЗ ЛИЧНОГО ОПЫТА)

В XX веке в России из-за влияния образования, свободного (а некогда и принудительного) перемещения людей, повсеместного обезлюдения сельской местности, влияния средств массовой информации и по многим другим причинам на смену колоритным местным говорам пришел “усредненный русский язык”.

Столетие назад (до середины XX века) на территории Костромской области Парфеньевского района существовал говор, называвшийся агафонским. В настоящее время сохранились только некоторые элементы этого говора. Чтобы оставить будущим поколениям память об агафонском говоре, который присутствовал в речи наших предков, уроженец села Матвеева Парфеньевского района Костромской области Александр Владимирович Костров (мой дедушка) решил создать словарь. Он начал его составлять примерно 20 лет назад. На сегодняшний день словарь содержит более 3000 слов и выражений из повседневного общения людей, занятых привычными делами в устоявшемся деревенском жизненном укладе.

В качестве примера приведем некоторые слова в том виде, в котором они представлены в словаре:

ГАЙБАТЬ (св. сгайбать, загайбать)

1. Собрать, сгрести кое-как, наспех.

Еле успели до дождя загайбать (т.е. сгрести, убрать сено).

2. Грубо поймать, изловить.

Тут она его и сгайбала (о собаке, поймавшей зайца-подранка).

РЁВОСЬКИ

Горько, навзрыд плакать.

Рёвоськи реветь. Ревит рёвоськи, а ничего не рассказывает.

Помимо слов и выражений в словаре детально описываются особенности агафонского говора. Назовем некоторые из них:

– аканье, но весьма умеренное (возможно, что оно послужило основной причиной для возникновения названия “агафонский говор”);

– <л> в окончаниях слов и перед согласными реализуется как [ў]: *пришо[ў]*, *увиде[ў]*, *победи[ў]*, *во[ў]ки*, *то[ў]чая*, *ма[ў]чи* и т.п.;

– <е> в позиции первого предударного слога после мягких согласных реализуется как [а]: [л'а]пёшка, [с'а]мья, [л'а]жать;

– <а> в первом предударном слоге после мягких согласных реализуется как [е]: [р'э]бина.

– в ударной позиции между мягкими согласными <е> может реализоваться как [и]: [с'им']я, на [с'ин']е, [п'ил']и;

– имеются особенности в звуковой реализации долгих шипящих <ш'>, <ж'>, а именно произношение сложных звуков со смычным элементом между двумя фрикациями: [шч], [ждж]. Например: е[шч]о, ви[ждж]ать.

В произношение сложных звуков из трех элементов вовлекаются и исконные сочетания [шт], [жд]: [шч]о [ждж]ать.

– на месте [шс'] и [сц] произносится [с'с']: обрешетает[с'с']я, пода[с'с']я.

Есть еще множество других особенностей, которые заключаются в произношении имён, отчеств и фамилий, не совсем привычных чередованиях согласных и ударениях в словах и оборотах речи, отличиях в порядке слов в предложениях, своеобразном склонении существительных и прилагательных, спряжении глаголов.

Словарь еще будет подвергаться обработке. Как считает его создатель, необходимо определиться с правильной постановкой ударения, подбором примеров и детальной характеристикой тех или иных слов и выражений. Но основная задача уже решена: словарь собран, в нем сохранена память об уникальном говоре агафонцев, жителей Костромской области Парфеньевского района начала XX века.

Литература

1. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М., 1999.

2. *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. – М., 2005.

Т.В. Котлярова

(Российский университет дружбы народов)

РЕЧЕВЫЕ РЕАКЦИИ КОММУНИКАНТОВ В ЖАНРЕ ИНТЕРВЬЮ

С конца XX века диалогическое общение вызывает большой интерес у исследователей многих научных дисциплин, так как в современном коммуникативном пространстве роль диалога становится все более значимой. Традиционно диалог определяется как особый вид речевой деятельности, «функции которого реализуются в процессе непосредственного общения между собеседниками в результате последовательного чередования стимулирующих и реагирующих реплик» [Якубинский 1986; 62]. Так, структура диалога выстраивается из обмена репликами, которые являются компонентами диалогического единства. У разных авторов можно найти их разные номинации: первая реплика – вторая реплика (Шведова), управляющая реплика – зависимая реплика (Леонова, Шубин), стимул – реакция (Арутюнова) и т.д. Однако семантическое наполнение данных определений не требует принципиального разграничения – все они представляют собой речевые высказывания.

В работах лингвистов Н.И.Голубевой-Монаткиной, Н.Д. Арутюновой, А.Н. Баранова и др., посвященных изучению диалогической речи, основное внимание акцентируется именно на репликах-стимулах, так как они программируют и структурируют реплики-реакции. Для данного исследования

особый интерес представляют ответные речевые реакции в диалогических текстах интервью.

Интервью представляет собой полифункциональный жанр, отличительной чертой которого является форма диалога. Как правило, журналист задает вопросы по интересующей теме, а собеседник отвечает. Активная роль интервьюера объясняется его главной целью – получить как можно больше необходимой информации (детали, суть, причины и т.д.), поэтому он на протяжении всего процесса общения следит за ответами и реакцией партнера, может уточнить, переспросить, вернуть к теме беседы, высказать собственное мнение и т.п. Так, речь журналиста представляет собой с одной стороны заготовленные шаблоны фраз и вопросов, но с другой стороны – спонтанные, возникающее в процессе самого разговора выражения, речевые реакции и стимулы.

Наиболее частыми реакциями адресата в интервью являются реакции согласия, несогласия и уклонения. Так, реакция согласия может быть выражена с помощью слов *да, конечно, безусловно* и т.д.: *“Но за ребят из сборной все равно будете переживать?” – “Конечно. Обязательно буду смотреть матчи”* (Российская газета, 14.12.12), или, например, положительной оценкой высказывания журналиста: *“Массовый спрос на высшее образование по-прежнему имеет место быть. Может, пора уменьшить число вузов, чтобы повысилось качество обучения?” – “Это разумно, но здесь опять же не надо перегибать палку. Подходить взвешенно...”* (Московский Комсомолец, 11.03.15).

Несогласие респондента может быть реализовано с помощью коммуникатива *нет*, отрицательной частицы *не*: *“Главный тренер Олег Знарок сильно изменился после победы в Кубке Гагарина? Может, стал более властным?” – “Я не замечал ничего такого. Да и смысла показывать что-то такое, наверное, нет”* (Российская газета, 14.12.12).

В случаях уклонения от ответа коммуниканты прибегают к различным способам. Это может быть краткий ответ: *“Какое наказание ждет этих чиновников?” – “Вскрытие покажет”* (Российская газета, 01.10.13), косвенный ответ обобщающего характера: *“Сегодняшнюю Россию часто сравнивают с СССР. Справедливо ли это, и чего в этом сравнении больше – хорошего или плохого?” – “В СССР было много чего хорошего и много чего плохого”* (Российская газета, 01.10.13) и т.д.

Бывают случаи, когда адресат пытается уклониться от еще только намечающегося вопроса. В интервью с главой кремлевской администрации С. Ивановым журналист собирается задать вопрос о карьере собеседника: *“Вопрос о личной карьере”*. Респондент реагирует следующим образом: *“О личной карьере?! У меня давно нет карьеры. Она закончилась”* (Российская газета, 01.10.13). Несогласие с высказыванием и уклонение от ответа на возможный следующий вопрос проявляется в цитатном вопросе, в использовании коммуникатива нет, что заставляет интервьюера изменить ход беседы и не задавать вопросы подобного типа.

Таким образом, несмотря на то, что ведущая роль принадлежит интервьюеру и его реплики являются стимулирующими, речевые реакции интервьюируемого могут так же содержать инициативу и влиять на ход беседы. Как правило, это обусловлено реализацией коммуникативных интенций респондента.

Литература

Якубинский Л.П. О диалогической речи // *Якубинский Л.П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986.

Ли Илэй

(Российский университет дружбы народов)

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В процессе развития общества неизбежно происходят языковые контакты, которые приводят к взаимовлиянию и взаимопроникновению разных языков. В результате языковых контактов между народами заимствуются новые понятия и реалии. В различные исторические периоды заимствованные слова из разных языков по-разному влияют на пополнение словарного запаса.

Самые ранние заимствованные слова проникли в русский язык в VIII-XII веках из скандинавских (норвежского, шведского, финно-угорского) языков в результате торговых связей. Например, *ихеры*, *якорь*, *крюк*, *багор* и т.д.

Греческий язык сыграл огромную роль в становлении старославянского языка. Принятие христианства способствовало дальнейшему развитию славянской письменности, просвещения. Многочисленные религиозные тексты были переведены с греческого и латыни на древнерусский язык.

Татаро-монгольское иго, которое продолжалось двести с лишним лет, оказало влияние и на язык. Из тюркских языков были заимствованы слова, которые связаны с разными сферами повседневной жизни: *арбуз*, *башмак*, *бирюза*, *бязь*, *войлок*, *жемчуг* и др.

В петровские времена начался период активного заимствования иноязычных слов в русский язык. Заимствования из голландского языка в это время связаны с мореходством: *балласт*, *буер*, *ватерпас*, *верфь* и т.д. Английские слова главным образом связаны с морским делом. Позднее с XIX века английский язык оказывает устойчивое влияние на лексику русского языка. Речь идет о политических, технических, спортивных терминах: *баскетбол*, *бокс*, *парламент*, *пудинг*, *лифт* и

т.д. Французские слова оказали значительную роль на пополнение лексики русского языка. К французским заимствованиям относятся, прежде всего, слова, именующие предметы быта: *афиша, абазур, блуза, костюм, котлета, корсаж, комод, крем, лакей, люстра; термины искусства: актер, ампула, антракт, балет, бельэтаж, фарс, жанр, эстрада.*

Несмотря на близкое географическое соседство России и Китая, китайских слов, которые заимствованы русским языком, достаточно очень мало. В четвертом томе этимологического словаря русского языка М.Фасмера зафиксировано всего только восемь иностранных слов китайского происхождения. Обобщив данные всех словарей, мы рассмотрели более 80 единиц китайских заимствований в русском языке. Например, *дацзыбао, хунвэйбин, гаолян, байховый чай, женьшень, фанза, хунхуз, дао, ушу, цигун, книга, инь, ян, кунфу, фэньшуй* и т.д.

Китайские заимствования поддаются адаптации в принимающем языке, показывая различную степень грамматической и словообразовательной адаптации.

В русском языке большая часть китайских заимствованных слов относится к категории имен существительных: *личжи, гаолян, доуфу, гохуа, гучжэн, пиньинь, чесуча, шелк*, – что демонстрирует потребность в наименовании новых понятий и явлений в русском языке.

По степени грамматической адаптации мы можем разделить заимствования из китайского на следующие группы:

1) Слова, основы которых оканчиваются на гласные (-а, -у, -о, -ы, -и, -э, -я, -ю, -ё, -е), не подвергаются грамматической адаптации, т.е. они не изменяются по родам, числам и падежам. К ним относятся слова *женьминьби, ушу, кунг-фу, пунтунхуа, гохуа, дацзыбао, цзаофани, Синьхуа* и т.д.

2) В остальных случаях слова склоняются по общим правилам русского языка.

В русском языке также активизируются процессы **словообразовательной адаптации**, в том числе с помощью суф-

фиксальных моделей русского языка создаются новые производные слова. Среди зафиксированных заимствований мы можем выделить группу с суффиксом на *-ист*: *фэниуист* – человек, который занимается учением фэншуй; *ушуист* – тот, кто владеет приемами ушу.

Широкое словообразовательное гнездо образовалось на основе заимствованного слова *чай*. Оно трансформировалось в производные существительные *чайвник, чаевод, чаепитие, чаеоторговля, чаёк, чаинка, чайник, чайхана, чайная*; производные прилагательные *чайный, чаеразвесочный*. На основе *чайвник* образуется слово *чайвничать* и т.д. Слово *чай* уже полностью утратило экзотическую окраску.

От лексемы *шелк* образованы такие производные слова, как *шелковина, шелковица, шелкопряд, шелкопрядение, прилагательные шелковый, шелковистый* и т.д.

По степени словообразовательной адаптации в языке заимствованные слова, которые имеют китайское происхождение, разделяются на две группы.

К первой группе относятся слова, которые не имеют русских производных слов, что показывает слабую словообразовательную адаптацию. Такие слова, как правило, обладают общественно-политической семантикой. Например, *дацзыбао* (настенный рукописный плакат или листовка в Китае 1950 – 1970-х гг.), *хунвэйбин* (участник молодежных отрядов, сформированных в Китае в 1966 г. для проведения Культурной революции).

Заимствованные слова из второй группы оказываются производящими для новых русских однокоренных слов, что свидетельствует об активной словообразовательной адаптации. К данной группе относятся слова, которые описывают явления, реалии и предметы быта китайцев. Например, *женьшень* – *женьшеневый, женьшеник* (сборщик женьшеня); *фанза* – *фанзовый, фанзёшка* (избушка); *фэниуй* – *фэниуист*; *ушу* – *ушуист*; *кунфу* – *кунфуист*; *дао* – *даосизм*; *гаолян* – *гаоляновый*; *книга* – *книжный* – *книжник*, *чай* – *чайник* – *чайный*.

О.Н. Сычева предложила другую классификацию заимствований – по сфере употребления слов:

1) слова, которые используются только в письменной речи, так как с течением времени они больше не употребляются в устной речи и мы только можем найти их в словарях. Например, *хунвэйбин* – участник молодежных отрядов в годы Культурной революции.

2) слова, которые употребляются как в письменной, так и в устной речи. К этому разряду относятся слова, которые давно стали употребляться в русском литературном языке и их значения уже зафиксированы в словарях русского языка. Например, *женьшень* – многолетнее лекарственное растение.

3) слова, которые употребляются только в разговорной речи. Это, как правило, слова, которые появились недавно и употребляются ограниченно, на определенной территории. Например, *борокулаожо* – мясо в кисло-сладком соусе (блюдо, распространенное в последнее время в приграничных районах) [Сычева].

Таким образом, несмотря на то, что все китайские заимствования, рассмотренные нами, уже зафиксированы или фиксируются в разных словарях русского языка, в том числе словарях иностранных языков, энциклопедических словарях и терминологических словарях, в русском литературном языке полной адаптации китайских заимствований не происходит. Большинство носителей русского языка считают их экзотизмами. По мере развития международного сотрудничества двух стран в различных областях количество заимствованных слов из китайского языка в современном русском языке, несомненно, будет увеличиваться.

Литература

1. *Касимова Е.В.* Адаптация китайских заимствований дальневосточном региолекте русского языка в конце XIX – начале

XX вв. // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 66.

2. Сычева О.Н. Русские слова китайского происхождения. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://pandia.org/text/77/473/25282.php]. Дата обращения: 31.03.2015.

3. Ю Ботао. Заимствования в русском языке с точки зрения переводчика. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.un.org/staffdevelopment/pdf/Loanwords%2002.2.pdf]. Дата обращения: 31.03.2015.

Ли Хуэйчао

(Российский университет дружбы народов)

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (на примере слова *конь*)

Символика животных разных в разных культурах разнообразна, есть сходства и различия. В данной статье рассматривается символика животных в русской и китайской лингвокультуре на примере слова *конь*. Цель данной статьи – познакомить читателей с символикой животных, с фразеологизмами, пословицами и поговорками со словом *конь* в китайском и русском языках.

В русской сказке лошадь является чудесным животным. *Конь бежит – земля дрожит*. Он не только может говорить, но и предусмотреть будущее. Еще есть такое положение: *Споткнувшийся конь предвещает беду*.

В русском языке конь символизирует честность и трудолюбие. Например, *рабочая лошадь; ломовая лошадь. Старый конь борозды не испортит* (кстати, в китайском

языке тоже есть аналогический фразеологизм, обозначающий опытного коня). В русской традиционной культуре конь связывается с богатырем, победителем и полководцем, например: *Кто смел, тот на коня сел; Счастливым на коне, несчастным под конем.*

Конь – это символ воинской славы, символ войны и победы полководца. Войти в город *на белом коне* значит ‘одержать победу в войне’.

В китайской культуре конь тоже занимает важное место. Существует много слов, включающих в себя иероглиф со значением ‘конь’. В китайском языке существуют фразеологизмы, в которых дается высокая оценка коня. Например: 一马当先 (дословно: служить примером, словно конь, ведущий весь табун). 君子一言驷马难追 (дословно: если слово сказано – его не догнать и на четвёрке коней). 龙马精神 (дословно: душа дракона и коня) – фразеологизм означает, что у кого-то необычайная энергия.

В старые времена конь был самым важным помощником человека на войне, это отражается и во фразеологии, например: 单枪匹马 (дословно: при одной пике и одном коне) – фразеологизм означает, что у человека имеется уверенность, порождаемая опытом и знаниями.

Отметим, что в китайском языке имеются фразеологизмы с отрицательной оценкой коня. Например, 害群之马 (дословно: конь, который приносит ущерб табуну) – используется для характеристики человека, который вредит коллективу.

Таким образом, в обеих культурах слово *конь* имеет положительные коннотации. Конь символизирует интеллект, мудрость, знатность, свет, трудолюбие, победу, динамичную силу, проворство, бег времени, быстроту мысли и т.д. Через сопоставление символики животных (в этой статье на примере слова *конь*) иностранные учащиеся могут глубже понять сходства и различия двух стран и в то же время узнать особенности двух языков.

Литература

1. Брагина А. А. Мир животных в мире слов. – М., , 1995.
2. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. – М., 1986
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. –М., 1990.
4. Ван Фусян, Ву Ханин. Культура и язык. – Пекин, 1994.

Лыу Тху Чанг

*(Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА (НА МАТЕРИАЛЕ СМИ И ИНТЕРНЕТА)

Изучение языка в его взаимосвязи и взаимодействии с культурой, рассмотрение этого процесса как целостной структуры единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания с ориентацией на культурные установки (система норм и общечеловеческих ценностей) обусловило развитие нового направления лингвистических исследований – лингвокультурологии, сформировавшегося на стыке языкознания со смежными дисциплинами.

Появление в 90-е годы прошлого столетия термина *лингвокультурология* связывают с работами Н.Д. Аругюновой, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, В.М. Шаклеина.

Социальные диалекты и молодежный сленг в частности несут в себе языковые коды, позволяющие охарактеризо-

вать культурную составляющую определенных субкультур, противопоставить те или иные социальные группы.

Молодежная культура воспринимается как образ альтернативной реальности, своими целостностью и единством противостоящей культурному контексту. Психология возраста определяет жизненные предпочтения. Молодое поколение не приемлет устойчивых традиций, поскольку традиционализм не удовлетворяет установке на уникальность мироощущений.

Изучение молодежного сленга в русле лингвокультурологии позволяет путем анализа его лексико-семантической составляющей получить информацию о системе ценностей молодого поколения, об особенностях мировосприятия молодыми людьми.

В сленге отражается образ жизни речевого коллектива, который его породил. Наиболее развиты в данном социолекте определённые семантические поля:

“Человек” (с дифференциацией по полу, родственным отношениям, по профессии, по национальности): *байкер* – мотоциклист; *братва* – члены криминальных структур; *диджей* – диск-жокей; *кекс* – юноша; *тин* – подросток; *шнурки* – родители;

“Внешность”: *локаторы* – уши; *ирокез* – причёска в виде гребня на голове (у панков); *хайр* – длинные волосы;

“Одежда”: *косуха* – кожаная куртка с застёжкой-молнией по диагонали; *бандана* – косынка небольшого размера, особым образом повязываемая вокруг головы.

Фразеологические единицы-характеристики могут обозначать человека по его внешним признакам, внутренним данным, а также действиям.

Фразеологические единицы, содержащие указания на внешность человека: *держать стиль* – одеваться и вести себя соответственно имиджу, *аэродром для мух* – лысый человек, *белый человек* – аккуратный, хорошо одетый чело-

век, боевая раскраска – макияж, косметика на лице. Анализируя эти фразеологические сочетания, можно отметить, что положительных характеристик среди них очень мало, практически всё воспринимается как недостаток и высмеивается.

Фразеологические единицы, содержащие указание на внутренние качества человека: *бывает, но не у всех проходит* – о глупом человеке или поступке; *доходит, как до жирафа* – о том, кто очень медленно соображает, *мастер-ломастер* – о неумелом человеке, *наглость – второе счастье* – о наглом человеке, *чудо в перьях* – о странном человеке, *весь на понтах* – о человеке с завышенной самооценкой. Из приведённых примеров мы видим, что глупость и странность – самые распространённые внутренние качества, употребляемые в речи молодёжи. Они вызывают неприятие, так как с таким человеком невозможно общаться на равных, и это приносит некий дискомфорт в процесс коммуникации.

Фразеологические единицы, содержащие указания на действия человека: *выкидывать фишки* – о человеке, совершающем проделки, *вызывать огонь на себя* – об ученике, вызвавшемся отвечать на уроке, *выехать на козе* – о студенте, который сдал экзамен, благодаря везению, удаче.

Данные сленговые фразеологические единицы отражают мировоззрение современной молодёжи и служат материалом для лингвокультурологического анализа.

Д.В. Маркус

(Ивановский государственный химико-технологический университет)

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО (НА ПРИМЕРЕ МАКСИМА КАММЕРА ИЗ ЦИКЛА РОМАНОВ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ)

В предлагаемом докладе представлена попытка создания речевого портрета Максима Каммерера. Он является вымышленным героем цикла романов братьев Стругацких “Обитаемый остров”, “Жук в муравейнике”, “Волны гасят ветер”.

Это очень интересный персонаж, обитатель Земли, человек будущего. Максим обладает сверхнормальными способностями: замедляет восприятие времени, выдерживает огнестрельные ранения в жизненно важные органы, видит в темноте, переносит радиацию. В тоже время он живет на чужой планете и становится прогрессором для ее жителей, т.е. человеком, продвигающим вперед другие гуманоидные расы по пути технического или духовного развития.

Под влиянием незаурядных способностей, активной и деятельной жизни формируется личность героя, сильная и смелая, талантливая и неординарная.

Речевой портрет, который мы попытались составить, получился весьма привлекательным. Были проанализированы “определенные языковые единицы и особенности в речевом поведении” героя [Крысин 2001; 23]. В итоге получилась следующая речевая характеристика героя.

Максим Каммерер имеет четкую и ясную речь, что позволяет ему принимать активное участие во многих политических событиях. Все слова он произносит правильно, в соответствии с принятыми нормами и демонстрирует высокий уровень своей речевой культуры.

С точки зрения фонетических норм, его речь безупречна.

Лексический запас настолько богат, что в нем находят отражение различные слои лексики. С одной стороны, персонаж владеет научными понятиями и терминами (*нуль-Т связь, теоретическая ксенология, флюктуации нейтринного поля*), употребляет множество неологизмов (*голованы, унионист, людены*). С другой стороны, использует иностранные слова, демонстрируя свой интеллект (*о темпора, о морес*). Не избегает, а при необходимости даже акцентирует внимание на сленге, который помогает Максиму в выражении собственных эмоций (*сопляк, ввалились, сгинуть, ёлки-палки, нужник*). Иногда в его речи присутствуют просторечные слова и выражения (*мало-мальски*).

С точки зрения грамматики, его речь представляет собой правильно построенные предложения. Они имеют простую, но в тоже время лаконичную форму. Например, *|Наука может все*.

Следует отметить, что герой общителен, легко контактирует с другими персонажами вне зависимости от их статуса: учёными, военными, простыми людьми. У него нет затруднений с объяснением своих мыслей, его слушают, ему внемлют.

Таким образом, речевой портрет Максима Каммерера позволяет нам предположить, что человек будущего – это сильная и волевая личность, стремящаяся к изучению наук, активной политической деятельности и главное – владению языком на достаточно высоком уровне.

Литература

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытки речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1.

Д. Марьянович
(Российский университет дружбы народов)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ДУХОВНОГО СТИХА

“Что такое духовные стихи?” – такой вопрос мог задать ученый, но никак не обыватель. Сейчас это вовсе не так очевидно. Во-первых, потому, что духовные стихи почти исчезли из обихода, многие никогда даже не слышали словосочетания *духовные стихи*. А во-вторых, стало понятно, что духовные стихи – неоднозначное и малоизученное явление.

Духовные стихи были популярным жанром в дореволюционной России. Их пели во время постов, на церковные праздники, их пели в благочестивых семьях в деревне и в городе. Их пели бродячие певцы, их мелодии и тексты служили материалом для творчества поэтов и композиторов. Одни из первых духовных стихов были написаны в монастырях, пелись на церковно-славянском языке и на знаменитые древние гласы. Специалисты датируют такие рукописи XV – XVII вв.

История исследования духовного стиха начинается с первых публикаций в середине XIX века. В это время появляются сборники П.В. Киреевского, В. Варенцова, П.А. Бессонова, которые стали основными источниками для исследователей духовного стиха. Первым собранием и фактически первой публикацией духовных стихов (если не считать фрагментарного текста, напечатанного без подписи в журнале “Москвитянин” в 1841 году) стал сборник “Русские народные стихи” П.В. Киреевского, изданный в 1848 году отдельной книгой и в “Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете”.

С точки зрения фольклористики, духовные стихи можно было бы рассматривать как своеобразную хрестома-

тию, каталог народной музыкальной культуры, представляющий самые разнообразные жанры.

Сами источники духовных стихов изначально литературные. Это книги Ветхого и Нового Завета, Жития Святых, богослужebные книги, патристическая литература и апокрифы, которые также стали активно распространяться вскоре после крещения Руси в конце X века.

С другой стороны, духовные стихи нельзя рассматривать как нечто привнесенное извне. Само появление духовных стихов свидетельствует о воцерковленности народного быта и является творческим откликом на Божий призыв, отраженным светом вышнего Света, желанием продлить Литургию в своем сердце после того, как закончилась служба в церкви.

В точности нельзя сказать, каким образом рождались и развивались духовные стихи в православной среде.

Духовный стих как часть русской культуры являет собой своеобразный парадокс: чем больше он изучается, тем больше вопросов и проблем вокруг него возникает.

В изучении языка, стиля и поэтики русских духовных стихов русская лингвофольклористика делает пока лишь первые шаги.

Исследователи духовных стихов – фольклористы, музыковеды, историки, лингвисты – констатируют, что произведения этого жанра поражают стилистической и языковой пестротой: здесь можно найти тексты на любой вкус: от классических “старин” былинного типа до позднейших силлаботонических ямбов и хореев с отчетливо выраженной литературной основой. В свое время эта особенность дала основание исследователям отказать духовным стихам в праве называться отдельным, самостоятельным жанром со своими специфическими и жанровыми признаками [Петров 2012; 5].

Обрыв традиции изучения духовных стихов в русской фольклористике не позволил исследователям разработать более подробные и детализированные классификации.

“Русские и сербы – это самые близкие народы”, – сказал в своем обращении патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Поэтому неудивительна связь между русскими и сербскими произведениями фольклора.

Духовный стих обладает рядом уникальных свойств, включающих в себя религиозную и национально-героическую тематику произведений, их тексто-музыкальную форму бытования, эмоциональность, субъективность, воспитательную направленность и позволяющих ему выступать в качестве единого жанра и целостного явления в культуре. Эти свойства дают духовному стиху возможность выполнять важные просветительские и воспитательные функции. Путем информирования и убеждения слушателей эмоционально-психологическими, лирико-субъективными и другими средствами создаются необходимые условия для внутреннего духовного саморазвития человека, его нравственного начала. Духовный стих играет важную роль в продвижении и сохранении основ христианства в русской культуре.

Понятие “духовный стих славянских народов” требует осмысления как сложное образование, состоящее из разновременных и разностильных произведений и сохраняющее в этом единстве национальную специфику христианского эпоса каждого из славянских народов. Необходимость такого осмысления диктуется реально сложившейся научной ситуацией. Довольно спорадическое изучение жанра стиха в дореволюционной науке было на многие десятилетия прервано не только в России, но и в Сербии. Естественно, эта задача требует усилий ряда исследователей в разных направлениях [Петров 2012; 10].

Духовный стих представляет собой уникальное и чрезвычайно сложное явление. Сохранение и тщательное изучение этого богатейшего наследия – одна из важнейших задач современной науки.

Цель нашего исследования – рассмотреть структурно-семантические схождения при переводе русского и сербского духовного стиха на основе общеславянских корней русской и сербской духовной поэзии.

Чтобы реализовать цель исследования, нам необходимо сравнить русскую и сербскую духовную поэзию, прежде всего, лексику. Для этого используется сравнительный метод. Мы сопоставили сербский вариант духовного стиха, посвященного Богородице (он является одним из самых важных в духовной поэзии славян), и дословный перевод сербского текста на русский язык.

Сербский текст:	Дословный перевод на русский язык:
<i>Јер си пуна благодати, О, Богомати. Радуј се Невесто Невестна. Ти изведи из дубине, Мене грешна, из тамнине. Радуј се Невесто Невестна. И дај сваком ко те моли Злу да одоли. Радуј се Невесто Невестна.</i>	<i>Ты источник благодати, О, Богоматерь! Радуйся, Невесто Невестная! Ты изведи из глубины Меня, грешного, из темницы! Радуйся, Невесто Невестная! Помоги всем, кто тебе молится, Противостоять злу. Радуйся, Невесто Невестная!</i>

Если внимательно прочитать и сравнить тексты стихов, то можно заметить сходства как фонетические, так и семантические. Одно из отличий заключается в том, что сербский язык в большей степени сохранил черты старославянского языка (неполногласие, например: *град, город*). Семантика и структура текста духовного стиха при переводе не нарушается [Кравцова 2013], что является доказательством общеславянских корней русского и сербского языков.

Литература

1. *Кравцова Т.В.* Древо, давшее обильные и яркие плоды: Россия и Сербия. – М., 2013.

2. *Петров А.М.* Синтаксис русских духовных стихов. – Петрозаводск, 2012.

Н.Р. Назарова

(Российский университет дружбы народов)

РОЛЬ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Возникновение этикета и речевого этикета в частности прочно связывается с развитием государства как основной регулирующей и управляющей системы общества. Государство, подразумевающее по своей природе иерархическое строение власти и институтов власти, различные формы социальной стратификации, различные формы подчинения, нуждается в нормах и правилах поведения, которые бы на практике служили средствами дифференциации и распознавания различных социальных групп, слоёв, институтов. Система чинов, рангов, титулов, званий и прочих атрибутов иерархической системы власти в обязательном порядке требует инструментария, который будет сопровождать общение представителей разных слоёв и групп.

“Словарь по этике” определяет этикет как “совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий поведения в общественных местах, манеры и одежда)” [Ниссен, Карасева 2011; 16].

Выделяются следующие функции этикета (речевого этикета):

1. Речевой этикет помогает избежать конфликтных ситуаций. Говоря собеседнику: “Извините”, “Прошу прощения”, мы снимаем возникшую напряженность в общении.

2. Речевой этикет способен показать уровень близости собеседников. Приветствуя людей, к которым относимся с большим уважением, мы говорим: “Здравствуйте!”, “Мое почтение!”. Другим и близким адресуем слова “Привет! Кого я вижу!”

3. Речевой этикет способен установить социальные рамки между людьми, разделяясь на официальный речевой этикет и неофициальный, с официальным этикетом соотносятся фразы “Разрешите вас поприветствовать!”, “Добрый день!”, “Здравствуйте!”, с неофициальным “Здравствуй!” или “Здорово!”.

Главная функция речевого этикета – это правильное вступление в контакт, грамотное его поддержание и умение правильно из него выйти. Овладев правилами речевого этикета, вы адаптируетесь в любом социальном коллективе, что является необходимым условием для успешной карьеры [Максимова 2006; 83, 86].

Речевое поведение представителей разных социальных групп несколько отличается: более образованные люди предпочитают употреблять в речи местоимение *Вы*, а не *ты* по отношению к собеседнику. А женщины общаются более вежливо, чем мужчины, так как не склонны употреблять бранную лексику в разговоре.

Речевой этикет имеет национальную специфику, которая наиболее ярко проявляется в приветствиях, которыми обмениваются люди при встрече. Обычай приветствовать друг друга имеет глубокие исторические корни и отражает особенности быта конкретного народа. Например, древние египтяне, спеша по делам фараона, обменивались на ходу фразами: “Как вы потеете?”, а древние греки восклицали: “Радуйся!”. Жители современной Греции выражают свое пожелание более конкретно: “Будь здоровым!”, индейцы навахо утверждают: “Все хорошо!”, а арабы взывают: “Мир с тобой!”.

Не менее интересна проявляющаяся при встрече специфика речевого поведения более близких нам славянских

народов, в частности чехов. Чехам свойственно жаловаться на наличие трудностей и даже намеренно приукрашивать их: “Быть бы вам в моей шкуре, тогда бы вам не поздоровилось!”. Однако такой ответ на вопрос “Как поживаете?” дается бодрым и даже гордым тоном, давая собеседнику понять, что перед ним серьезный и занятой человек, а не бездельник, у которого по определению не может быть никаких проблем. Аналогично ответ “Так себе” на вопрос “Как здоровье?” совсем не означает, что жалующийся страдает от плохого самочувствия. Как это ни странно, сообщив о том, что он находится в полном здравии и дела его идут отлично, чех может навлечь на себя подозрения и обвинения в скрытности. Впрочем, и русский не всегда осознает, что у него все прекрасно, предпочитая нечто среднее: “Ничего”. Чистосердечное признание “Хорошо!” охотно может дать разве что болгарин [Львова 2010; 124-125].

Речевой этикет, проявляющийся в благих пожеланиях, мыслях и намерениях и несущий воодушевление и душевный подъем, действует благотворно, одухотворяет и улучшает взаимопонимание. Как говорил академик Н.Н. Моисеев, древний принцип “полюби ближнего, как самого себя” должен будет возродиться в новом виде, отвечающем ясному естественнонаучному пониманию необходимости кооперативной деятельности людей. Вероятно, в этом и состоит будущее речевого этикета, его главная функция и предназначение.

Литература

1. *Ниссен В.Ю., Карасева Т.В.* Русский речевой этикет. – М., 2011.
2. *Максимова А.Л.* 10 уроков русского речевого этикета. – СПб., 2006.
3. *Львова С.И.* “Позвольте пригласить вас...”, или Речевой этикет. – М., 2010.

И.В. Нестерова

(Российский университет дружбы народов)

СЛОВА-РЕАЛИИ В НАРОДНОЙ ПЕСНЕ XVIII ВЕКА

Процесс восприятия русскими людьми новой исторической судьбы России в XVIII веке не мог быть отображен в той форме, которая была основой художественных принципов древнерусской литературы. Необходимость создания национальной литературы была вызвана тем, что процесс европеизации, организованный Петром Великим, подготовил условия для существования России как мировой державы. Объектом изображения должна была стать конкретная жизнь данной нации, данного народа, его история, его духовное творчество, его быт, нравы, обычаи, верования, его идеалы и острые проблемы социального и общественного бытия. Новая русская литература началась с поэзии, она утверждала свое историческое бытие в поэтических жанрах.

В условиях исторического развития России того времени книжная поэзия оказывала воздействие на народную песню. Несмотря на это, в народное творчество перешли не все формы книжной лирики (например, оды), но народная лирика вобрала в себя все, что соответствовало интересам народа. Это оказались некоторые жанры пасторальной поэзии, сентиментальные романсы и, так называемая, русская песня. В создании стихотворений участвовали не только поэты: Ломоносов, Сумароков, Державин, – но и неизвестные любители-импровизаторы, чьими усилиями был создан общий массив книжной лирической поэзии. При этом не все песни перешли в фольклор: пути развития книжной и народной лирики разошлись. Народная лирика достигла наивысшего расцвета в конце XVIII века. В дальнейшем она послужила базой для создания многих стихотворений Пушкина, Лермонтова, обогатив русскую поэзию.

Как известно, в народной лирике выражаются общие человеческие чувства, переживания, настроения. Тем не менее, в народной песне есть лексика, выражающая национально-культурный компонент, который отражает мысли, пережитые страдания. Эти слова выражены безэквивалентной лексикой. Безэквивалентная лексика – это лексические единицы одного из языков, которые “не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка” [Бархударов 1975;75].

К безэквивалентной лексике Л.С. Бархударов относит три больших разряда лексических единиц:

1. имена собственные, географические названия, названия учреждений, организаций, газет;

2. слова-реалии, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, например, названия блюд национальной кухни, виды народной одежды, то есть предметы материальной и духовной культуры;

“случайные лакуны” – лексические единицы одного из языков, которым по каким-либо причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка.

Основная тема, к которой обращались народные песни, была посвящена теме любви. Это было настолько развито, что к концу XVIII века любовные стихотворения воспринимались не иначе, как песня.

Одним из успешных авторов в этой теме была дочь екатерининской вельможи Л.А. Нарышкина – Мария Львовна Нарышкина. Начало песни о том, как «ходила по горам» напоминает многие народные песни. Композиция песни выявляет поиски девушки *цвета алого* и *гостя милого*:

*По горам, по горам,
Я по горам ходила.
Все цветы, все цветы
И я все цветы видела.*

*Одного, одного,
Одного цвет нет как нет,
Нет цвета алого,
Алого, алого,*

Моего цвета прекрасного...

Другая песня автора “Ах, на что ж было...” отражает разочарование девушки в семейной жизни, о жизни “в не согласии” между мужем и женой, девушки и молодцем:

*Ах, на что ж было, да к чему ж было по горам ходить...
Ах, на что ж было, да к чему ж было соловья будить?...
У соловьюшки, у соловьюшки одна песенка,
У меня, молодой, у меня, молодой, один старый муж,
Да и тот со мной, да и тот со мной
Не в любви живет, не в любви живет...*

Это один из народных источников нарышкинской песни, рассказывающий о горе девушки, о ее нежелании жить вместе со старым мужем. Во второй части песни появляется молодой муж, с которым девушка живет *во любви*:

*...Один милый друг, один милый друг,
Да и тот со мной, да и тот со мной
Во любви живет, во любви живет.*

Кроме любви и счастливой жизни с любимым человеком, так же были песни и о женской неверности, которые в своих стихотворениях отобразил В.В. Капнист, близкий к Державину.

*Судьбы моей премену
Теперь я вам пою:
Лизетину измену
И верность к ней мою.*

Также приобщение к стилю русских песен отразилось в творчестве Михаила Попова. Одна из песен, где были использованы мотивы народных песен о жизненных несчастьях доброго молодца, который вынужден был скитаться, называлась “Ты несчастный добрый молодец”. Народный вариант этой песни начинался так:

Ты детинушка-сиротинушка,

*Бесприютная ты головушка!
Без отца ты вырос ты, без матери,
На чужой, дальней на сторонушке...*

Народной теме соответствовали следующие слова-реалии: *азноба, красная девица, руса коса, брови соболиные, калинушка, малинушка, сиротинушка, детинушка, талан.*

Лирика использует прием инверсии, прием обратного порядка слов: вместо *зеленый луг – луг зелен*, вместо *чистое поле – поле чистое* и т.д. Разнообразные повторы занимали в народной песне большое место, проявляясь на всех уровнях: в композиции, в стихе, в лексике. Песенная лексика знает повторы тавтологические (*чудо чудное, струя струится*), синонимические (*путь-дороженька, грусть-печаль-тоска*). Лексические повторы могли сочетаться с повторами синтаксическими, имевшими отношение к песенному ритму, к стиху:

*...Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток,
Что дать? — не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов...*

Выявление некоторых слов реалий в песнях XVIII века позволяет заключить, что в народной лирике создавался колорит эпохи, языковой портрет простых людей. При дальнейшем изучении и анализе стихотворений Пушкина и Лермонтова, можно убедиться в том, что народная песня нашла отражение и продолжение этого пласта языковых единиц во многих произведениях поэтов “золотого века”.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М., 1975.
2. Бихтер А. Песни русских поэтов // Песни русских поэтов конец XVIII – начало XX века. – Л., 1973.
3. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. – М., 1999.

4. *Куприянова Е.Н., Макогоненко Г.П.* Национальное своеобразие русской литературы. – Л., 1976.
5. *Львов Н.А.* Собрание народных русских песен с их головами, положенными на музыку г-ном И. Прачем. – СПб., 1790.
6. *Макогоненко Г.П.* Пути становления русской литературы XVIII века и формирование её национального своеобразия. // *Истории русской литературы.* В 4-х тт. – Т.1. – Л., 1980
7. *Новикова А.М.* Русская поэзия XVIII – первой половины XIX в. и народная песня. – М., 1982.
8. *Сокольникова А.К.* Интерпретация лирики поэтов XVIII века читателем первой половины XIX века (по рукописным сборникам) // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века.* Вып. 4. –Л., 1980.
9. *Чулков М.Д.* Собрание разных песен. В 3 т. – М., 1770-1774.

В. Г. Норелис Фабиола

(Российский университет дружбы народов)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ВАНЬКА»

Русская литература начала распространяться в Венесуэле в середине 19 – первой половине 20 веков. Ее представителями, в первую очередь, были такие писатели, как великие Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов. К началу нового тысячелетия влияние русской литературы в Венесуэле возросло благодаря переводам венесуэльских писателей и журналистов, получивших филологическое образование в России и учитывающих в своих переводах с русского языка адаптацию текстов, диалектологию и традиции Венесуэлы, создавая, таким образом, лучшее понимание и представление у читателей.

Рассказы А.П.Чехова и сегодня у венесуэльских читателей вызывают большой интерес, поэтому представляется логичным обратиться к национально-культурным особенностям рассказа “Ванька” А.П.Чехова, которые составляют важный лингвострановедческий аспект и должны обязательно быть учтены на занятиях по русскому языку в венесуэльской аудитории.

Русский писатель Антон Павлович Чехов был представителем реализма, направления искусства, которое ознаменовало собой вторую половину девятнадцатого века. Писатель был новатором рассказа. В его произведениях фигурируют все социальные слои (врачи, ремесленники, слуги, дворяне). Его рассказы имеют сюжет и, на первый взгляд, простое повествование. В большинстве из них создается атмосфера грусти и меланхолии. Так, в своем рассказе “Ванька” А.П.Чехов с первых строк пробуждает сострадание, дает надежду не только главному герою рассказа, но и читателю.

Ванька, главный герой, ученик сапожника тоскует по своей родной деревне и умоляет своего деда в письме освободить его от учителя, который нередко применяет телесные наказания. Автор создает контраст между Москвой (полной дворцов, лошадей и кроликов, которых продают в мясной лавке, но никто не знает, где их поймали) и деревней, где он жил с дедом простой, но счастливой жизнью. Лейтмотивом рассказа является ностальгия по простому деревенскому быту.

Обратимся к анализу лексики и фразеологизмов в рассказе. Выражение *на деревню дедушке* благодаря рассказу “Ванька” стало крылатым. Значение фразеологизма можно определить так ‘послание в никуда, без адреса, неточность, неясность’.

Однако это не единственная лексикологическая особенность, на которую следует обратить внимание. Рассказ изобилует лексикой, употребляемой в 19 веке: архаизмами, профессионализмами, разговорными формами, а также от-

клонениями от принятых сегодня норм употребления отдельных слов.

Тематически можно подразделить лексические единицы на следующие группы: обращения и имена, названия помещений и мест, утварь и инструменты, привычные занятия того времени. В толковых словарях В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова нам дается объяснение данных лексических единиц.

В рассказе можно встретить имена собственные: *Ванька*, уменьшительная форма имени, указывающая на крестьянское происхождение главного героя. *Ванькой* звать мальчика будут не только в детстве, но и всю жизнь. *Дедушка Константин Макарыч* – использование полного имени и отчества указывает на глубокое уважение Ваньки к своему деду, а также и на его преклонные годы. *Господа Живаревы* – люди из привилегированного круга. *Сапожник Аляхин* – подмастерье, указывается род деятельности и фамилия. *Барышня Ольга Игнатьевна* – молодая девушка благородного происхождения.

В рассказе много архаизмов, обозначающих помещения и места: *усадьба* – отдельный господский дом с примыкающими к нему строениями, угодьями; *людская кухня* – кухня для простых крестьян, люда, не господ, *сени* – неотапливаемая часть помещения в домах, *мясные лавки* – места, где торговали мясом. Встречаются названия профессий и род занятий – *кухарки, сидельцы, дворня, горничная*, утварь и инструменты – *шпандырь, заржавленное перо, колотушка, полки с колодками*, привычные занятия крестьян 19 века – *табачку понюхать, ходить со звездой, табак тереть, пойти в подпаски, отдать в ученье* и занятия господ – *танцевать кадрили*.

В рассказе можно увидеть несоответствия в употреблении некоторых слов в сравнении с нашим временем: *намедни, вчерась, али, на деревню, нету, ейный, ихний, отседа, кажное, волосья*. Эта категория слов в современном языке не

употребляется или относится к речевым ошибкам. В *харю тыкать, отчесать, морда, трескать ши* – разговорная лексика, вульгаризмы, указывающие на крестьянское происхождение пишущего мальчика. *И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с Рождеством и желаю тебе всего от господ бога,* – отсутствие согласования вежливой и неформальной форм в этом предложении, в котором употреблено *вас*, является формальным, официальным, Ванька употребляет его как речевой шаблон. В двух других случаях можно отметить, что дедушка близок мальчику.

Эта лексика и фразеологизмы требуют соответствующей работы над ними в процессе изучения русского языка венесуэльскими учащимися. Здесь возможно комментирование (системный и комплексный комментарий). При переводе на другой язык важно также сохранить употребляемые Чеховым временные формы. О своей тяжелой жизни у сапожника Аляхина Ванька пишет в прошедшем времени: *...А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул...*, а о деревенской жизни повествуется в настоящем: *... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...* Так автор показывает горячее желание мальчика вернуться в деревню, его отчаяние и глубокую печаль.

В заключении резюмируем выше сказанное: при работе с текстом в иностранной (венесуэльской) аудитории возможно использование различных видов комментария, при переводе литературных произведений необходимо учитывать национальные и культурные особенности, лингвострановедческий и литературоведческий аспекты для максимально точной передачи слога и мыслей автора, также, чтобы избежать неправильного или двоякого понимания текста.

Литература

1. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. – СПб. 1995.
2. Неусытова Н.М. Толковый словарик русского языка: Пособие для учащихся начальных классов / Под ред. Т.Г. Рамзаевой. – М., 1992.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М., 2010.

А.Н. Пешков, А.А. Адамчук
(Кубанский государственный университет)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Современный этап развития лингвистики характеризуется множеством научных школ и разнообразием формирующихся терминологических систем [Бугорская 2004; 26].

Общеизвестно, что у многих современных студентов различных этапов обучения слабо сформированы терминологическая компетенция и метаязыковая функция в сфере профессиональной речи. Не способствует восприятию и пониманию новых терминов привычная практика дословного заучивания обширных дефиниций, где один агноним (неизвестное для обучаемого обозначение) часто объясняется через другие агнонимы. От обучаемых обычно не требуют умения варьировать дефиниции, упрощать их, сохраняя точность смысла. Преподавателями, как правило, не приветствуется семантико-структурное моделирование понятийной части специальной лексики, тем самым ограничивается творчество и способность учащихся к вариативному мышлению. Вместе с тем перефразирование формулировки показало бы

истинную глубину терминологической компетенции студента, в то время как точное воспроизведение дефиниции не гарантирует того, что говорящий верно понимает ее содержание. Также студентов обычно не ориентируют на самооценку и самоконтроль в их учебной и учебно-научной деятельности.

Наблюдаются проблемы в восприятии и использовании специальной лексики интегративных сфер языкознания в научно-педагогическом дискурсе, в результате междисциплинарной интерференции понятий лингвистики и экстралингвистики, смещения акцентов с центральных аспектов исследования на периферию [Тимофеева 2009; 4]. Экстраполяция в область лингвистики понятий, терминов, методов других наук приводит к тому, что ряд базовых терминов заменяется еще не устоявшимися номинациями из области новых (интегративных) подразделов языкознания. Это сказывается и на вузовской подготовке филологов, метаязыковая обученность которых может выходить за рамки парадигмы лингвистики. Цельность, единство теоретической базы, единообразие ее метаязыкового представления особенно важны при подготовке будущих специалистов.

Эти проблемы могут быть решены, во-первых, с помощью методической опоры на системные связи единиц специальной лексики, и, во-вторых, использованием разнообразных способов мониторинга процесса усвоения знаний.

Нами был проведен комплексный ассоциативно-дефиниционный эксперимент в группах студентов-филологов Кубанского государственного университета. Вначале респондентам предлагалось дать краткую дефиницию распространенным языковедческим терминам и построить ассоциативные ряды научных понятий. Далее испытуемым было предложено самостоятельно назвать наиболее частотные лингвистические термины из пройденных вузовских курсов и дать определения этих терминов. Выяснилось, что базовые термины лингвистики студенты определяют не все-

гда верно, а узкоспециальные, как правило, совершенно не известны большинству из них.

Более 80% студентов-филологов поставили прочерк вместо дефиниции к термину *синтагма*. Но этот же термин был узнаваем ими в паре с термином *парадигма*. Понятие *дискурс* не определил почти никто. Возможно, это обусловлено также и отсутствием общепринятого и общедоступного определения данных терминов лингвистики.

Среди реакций на предложенные термины-стимулы встречаются формулировки с ошибочными дефинициями типа: “Морф – минимальный произносимый звук”.

В качестве примеров старшекурсники приводили междисциплинарные термины: *функция, парадигма, модель, периферия, интеграция, эволюция, корреляция, интерференция, дистрибуция* и т. п. Цель этой части эксперимента – выявить терминологическую компетенцию и языковую интуицию будущих специалистов в плане их способности понимать и объяснять новые междисциплинарные термины.

По нашим наблюдениям, образовательный потенциал ассоциативного эксперимента недостаточно используется как по объёму, так и по формально-содержательным параметрам. Мы полагаем, что в лингводидактике следует гораздо больше учитывать роль эксперимента как средства не только выявления, но и формирования у студентов ассоциативного поля предметной области – метаязыковой модели научных представлений о языке.

Расширение сферы подобных экспериментов позволило бы не только выявить проблемы терминологической компетенции студентов вузов, но и стимулировало бы ученых активнее работать над совершенствованием терминодеривации, терминографии и научно-дидактического дискурса. Очевидно, что терминологическая компетенция подразумевает не только знание терминов, но и умение говорить о сложном просто и доступно.

Литература

1. Бугорская Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики. – М., 2004.
2. Тимофеева М.К. Язык с позиций философии, психологии и математики: Учебное пособие. – М., 2009.

П.А.Светилова

(Российский университет дружбы народов)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ В СТИХОТВОРЕНИИ В.И. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА «СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

Говоря о национально-культурной специфике русского языка, необходимо обращаться, прежде всего, к ключевым текстам русской литературы. Благодаря обилию безэквивалентной и фоновой лексики, именно они выполняют кумулятивную функцию и передают ценностные ориентации и установки, присущие народу. Особую ценность представляет произведение каждого переломного момента в истории страны: оно “отражает суть историко-культурного временного периода, в который оно было создано” [Шаклеин 1997; 54]. Ярким примером является текст В.И. Лебедева-Кумача “Священная война”. Интересна история создания и распространения данного стихотворения, впоследствии – своеобразного гимна того времени. После публикации в газетах, песня не раз была исполнена Краснознаменным ансамблем на Белорусском вокзале и за счёт патриотической тематики определила настрой участников Великой Отечественной войны.

Рефрен – наиболее эмоционально-окрашенная, ведущая смысловая часть текста, лексика которой свидетельствует, что данное произведение выполняет апеллятивную функцию, выраженную грамматически центральным глаголом в форме повелительного наклонения *вставай*, который обладает различными оттенками императивности. В данном контексте он может обозначать и приказ, и мольбу, и приглашение, и просьбу, и, конечно же, боевой призыв.

Следующая особенность рассматриваемой лексики – отражение в ней собирательных образов. Так, в целях гиперболизации автор обращается не к отдельным личностям, а к целой стране (здесь *страна* приравнивается к понятию *народ*). Глаголы *сколотим*, *загоним*, *дадим* стирают лирическое “я” и передают атмосферу народного единства. Это подчеркивает значимость происходящих событий, призывает оставаться неравнодушным, осознавать, что исход войны коснется каждого, не зависимо от пола, возраста, социального статуса и прочих признаков различия между людьми. На изображение собирательного образа направлено и описание врага: *нечисть*, *отребье человечества*, *грабители*, *насильники*, *мучители*. Эпитет *гнилая* указывает на то, что существительное *нечисть* реализует свое основное значение, пришедшее из народных поверий, где так называют враждебные человеку темные силы (лешие, водяные, черти, ведьмы – то есть всякая нечисть). Подобная характеристика демонстрирует морально разложившихся, опустившихся элементов общества, на этом акцентировано внимание в каждой строфе.

Стоит отметить и наличие фольклорной лексики, обогащающей язык в целом и текст в частности, но представляющей немалую трудность при переводе на иностранный язык. Такие понятия в большинстве случаев безэквивалентны. “Фоновые слова русского языка потому-то и отличаются от соответствующих иноязычных слов, что отражают специфику национальной культуры русского народа” [Верещагин, Костомаров 1990; 46]. Примеры: 1) исторически сложивший-

ся символ врага – чёрный ворон, отсюда – *крылья чёрные* в стихотворении; 2) *проклятая орда* ассоциируется с русскими былинами, хотя в данное понятие автор вкладывает значение ‘толпа, скопище, банда’ [Ожегов, Шведова 2003; 459], так в контексте утрачивается историческая семантика; 3) сочетание слов – *сила тёмная* также относится к единицам фольклорной лексики, где понятие *тёмная* употреблено в переносном значении, семантика которого негативна в отличие от нейтрального обозначения тёмного, как оттенка предмета. Поскольку “именно лексический фон ответствен за синтаксическую сочетаемость слова” [Верещагин, Костомаров 1990; 45], для носителя языка, которому известен ЛФ большинства часто употребляемых понятий, правильное восприятие подобных сочетаний не составит труда, так как многие из них закреплены языковой традицией. Эти сочетания в “готовом виде” входят в словарь носителей, и умение их использовать составляет часть языковой культуры человека [Водина, Иванова 2012; 18].

Ярость благородная – данное словосочетание может быть рассмотрено как психологическая деталь, ярко характеризующая народное настроение в период Великой Отечественной войны. Прилагательное *благородная* не имеет отношения к дворянскому происхождению или выделяющемуся разряду, как принято считать. Оно передает открытые эмоции, самоотверженно честные. Данное словосочетание становится безукоризненно точным наименованием совершенно особого чувства, которое испытывает сильный и свободолюбивый народ к врагу. Пусть ярость благородная вскипает, как волна – сравнение, демонстрирующее нарастающую агрессию. Так “сравнительный оборот, усиливающий лингвокультурную деталь, синтаксически усложняет ее и образует вместе с ней сложно организованное единство” [Шаклеин 1997; 61].

Наконец, *священная война* – центральное понятие, требующее особого внимания и отражающее ценность происходящего, закономерно является заглавием текста. Как из-

вестно, контекст способен влиять на лексическую семантику. Так эпитет *священный* использован в значении ‘чрезвычайно почётный, исключительный по важности, святой’ [Ожегов, Шведова 2003; 706]. Таким образом раскрываются основное предназначение, смысл боевых действий – борьба за мир, за будущее страны.

В совокупности все вышеперечисленные словосочетания составляют эмоционально окрашенное, культурно-тематическое поле, которое можно объединить в общее, инвариативное понятие “священная война”, представляющее неполноэквивалентную, коннотативную лингвокультурную универсалию.

Литература

1. *Верещагин Е., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингво-страноведение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. – М., 1990.
2. *Водина Н.С., Иванова А.Ю.* Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник-практикум. – М., 2012.
3. *Шаклеин В.М.* Лингвокультурная ситуация и исследование текста, – М., 1997.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М., 2003.

Е.В. Теремкова

*(Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА УРОКАХ РКИ

В современной методике преподавания русского языка как иностранного требования к учебным материалам на уроках неуклонно растут. Особенно это касается высоких уровней владения русским языком: от В1 и выше. На этом этапе необходимо максимально эффективно формировать языковую, речевую и коммуникативную компетенцию, мотивировать учащихся к дальнейшему изучению русского языка, поддерживать их интерес к саморазвитию. Все перечисленное определяет набор требований, которые предъявляются к учебным текстам на уроках РКИ:

1. Аутентичность. По мнению исследователей, максимально полезными для формирования коммуникативных навыков и знаний о языковой системе являются аутентичные, то есть, необработанные тексты. О необходимости использования аутентичных текстов на уроках высказываются А.А. Акишина, А.Н. Щукин, Е.И. Пассов и др. Некоторые методисты даже утверждают, что имеет смысл вообще отказаться от адаптации текстов на изучаемом языке [Лешман 1978]. По мнению Е.И. Пассова, “инфантилизация” текстов приносит только вред: при встрече с оригинальным текстом студенты оказываются неспособными понять его значение [Пассов, Кузовлева 2010; 525].

2. Целесообразность. Суть этого требования состоит в том, что на уроках РКИ должны присутствовать такие тексты, с которыми учащиеся будут сталкиваться в реальной коммуникации. Для реализации этого необходимо учитывать такие факторы, как индивидуальные особенности учащихся (пол, возраст, образование, национальность, социальный и

семейный статусы), а также место жительства и вид деятельности (очевидно, что студенты, туристы и трудовые иммигранты в реальной жизни будут читать разные тексты).

3. Мотивация. Изучение русского языка – задача не легкая, студентам предстоит преодолеть множество трудностей. В этой связи особенно актуальной становится дополнительная мотивация студентов, которая может быть стимулирована интересом к содержанию текста, актуальностью его тематики, способностью текста вызвать эмоциональный отклик, реакцию, желание выразить свое мнение.

В качестве таких текстов на уроках РКИ выступают в основном тексты художественной литературы и средств массовой информации. Как представляется, целесообразно добавить к набору аутентичных учебных текстов еще один их вид: тексты из социальных сетей. Убедиться в соответствии этих текстов вышеперечисленным требованиям можно, обратившись к следующей таблице:

Требование	Тексты социальных сетей
Аутентичность	Тексты создаются носителями русского языка и отражают многие особенности языка на современном этапе.
Целесообразность	Социальные сети – неотъемлемая часть нашей жизни. Сфера их использования чрезвычайно широка: от дружеского общения до решения организационных моментов. Среди иностранцев, изучающих русский язык, популярно создавать аккаунты в русских социальных сетях (ВКонтакте) или добавлять в друзья носителей русского языка из международных социальных сетей (Facebook).
Мотивация	В социальной сети можно найти са-

	<p>мые разные тексты на любую тематику. Многие из них посвящены актуальным общественным проблемам. В языке социальных сетей присутствуют языковые феномены, неизвестные иностранным учащимся, но достаточно актуальные для современной речевой практики – этим можно заинтересовать студентов.</p>
--	--

Таким образом, мы можем убедиться в том, что социальные сети могут быть хорошим источником аутентичных учебных текстов. Более того, общение в интернете способно частично компенсировать отсутствие языковой среды: даже уехав из России, студент может продолжать общаться с носителями русского языка, не забывая язык, а, возможно, и узнавать о нем что-то новое.

Каковы же основные задачи обучения чтению текстов из социальных сетей? Перечислим некоторые из них. При чтении данных текстов необходимо научить студентов:

1. понимать смысл текста, уметь воспринимать как фактическую, так и концептуальную и подтекстовую информацию (понимать замысел текста);
2. идентифицировать разные типы текстов в социальных сетях: разговорные, деловые, рекламные, публицистические и др. – и уметь правильно отвечать на такие тексты и комментировать их;
3. уметь избегать коммуникативных неудач, идентифицировать сообщения с целью мошенничества и т.п.;
4. формировать свое отношение к тексту, оценивать его качество и, возможно, эффективность.

Данные аспекты текста имеют прямое отношение к специфике их функционирования, а значит, к стилистике. Следовательно, умение выявлять и анализировать стилистические особенности текстов социальных сетей (пусть неосознанно, без апелляции к стилистическим терминам и концеп-

циям) поможет студентам лучше ориентироваться в многообразии форм общения в социальных сетях, избегать ошибок и практиковаться в реальной коммуникации на изучаемом языке.

Литература

1. *Акишина А.А., Каган О.Е.* Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного. – М., 2002.
2. *Лешман М.* Какие тексты нам нужны? // Вопросы методики обучения иностранным языкам за рубежом. – М., 1978.
3. *Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е.* Основы коммуникативной теории иноязычного образования. – М., 2010.
4. *Щукин А.Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного. – М., 2003.

В.А. Толмачёва

(Российский университет дружбы народов)

МЕСТО И РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ УПРАЖНЕНИЙ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Проблема определения места грамматических упражнений связана с местом, которое занимает грамматика в обучении иностранному языку. Переоценить ее важность невозможно. Л.В. Щерба писал: "... язык ...состоит из грамматических и лексических правил, заключающихся в соотнесенном и обобщенном языковом материале... Именно эти правила дают нам возможность говорить и понимать сказанное, ибо, с одной стороны, человека нельзя приравнять к попугаю, который повторяет только слышанные и выученные

фразы, с другой стороны, решительно невозможно указать что-нибудь другое, что давало бы нам возможность говорить еще не сказанное и не слышанное и понимать никогда не слышанное. Отсюда вытекает, что старая и столь осмеянная формула “грамматика учит говорить” – вовсе не глупость, а отражает объективную действительность” [цит. по Девятайкина 1984; 58]. Центральное положение грамматики в организации учебного процесса на уроках иностранного языка требует её включенности во все виды речевой деятельности и тем самым объясняет наличие большого количества подходов к классификации общей системы упражнений. В данной работе предпринимается попытка обозначить место упражнений грамматической направленности в общей системе упражнений по обучению русскому языку как иностранному.

Сущность функционирования языка заключается в неразрывной связи двух аспектов речевой деятельности человека – языка и речи. Эта дихотомия, идущая еще от Ф. де Соссюра, легла в основу самой распространенной классификации упражнений, предложенной И.В. Рахмановым. Разделение на языковые и речевые упражнения предполагает, что первые направлены на усвоение конкретного языкового явления на уровне *навыка*, вторые – на формирование речевых *умений*, на обучение “собственно речи”. “Из этих определений не следует, что языковые упражнения не тренируют речь, а речевые не способствуют усвоению языковых явлений, однако это происходит попутно” [Рахманов 1980; 243].

З.Н. Ивлева дополняет определения “доречевых” и “речевых” упражнений следующим образом: “...в *доречевых* отрабатываются частные операции акта речи (порождения и восприятия-понимания речевого высказывания), в них возможно отвлечение от внеязыковой ситуации, акт речи выступает расчлененным относительно времени его существования. *Речевые* упражнения направлены на овладение целостным актом речи, в них обязательно соотнесение с речевой ситуацией” [Ивлева 1981; 120].

В своей статье “О системе упражнений” В.А. Бухбиндер, в целом опираясь на классификацию, разработанную И.В. Рахмановым, предлагает заменить термин “языковые” упражнения на “информационные”, поскольку “языковой материал присутствует в любом упражнении и в этом смысле они все являются языковыми” [Бухбиндер 1991; 92-98].

В основе классификации С.Ф. Шатилова [Шатилов 1991; 295] лежит четкое разделение между такими типами упражнений, как: “языковые” (формирование грамматического навыка), “условно-речевые грамматически направленные” (формирование грамматического умения и речевого навыка) и “речевые” (формирование речевого умения). Несмотря на промежуточное звено – второй тип упражнений, – в целом, классификация по основанию “языковые – речевые” не нарушается.

Таким образом, несмотря на дополнения и уточнения перечисленных выше классификаций, в их основе, как правило, лежит принцип деления упражнений на две группы: доречевые – речевые, тренировочные – творческие, подготовительные – коммуникативные и т.д. Первая группа упражнений предназначена для организации усвоения языковой единицы или отдельной языковой операции, вторая направлена на освоение какого-либо вида речевой деятельности. Кратко охарактеризуем основные особенности языковых упражнений. Языковое упражнение дает возможность: 1) сконцентрировать все внимание учащегося на данном явлении языка, создать синтагматические и парадигматические связи с другими языковыми явлениями, а также постепенно выработать представление о системе изучаемого языка, которое не создается с помощью одних речевых упражнений; 2) отрабатывать отдельные элементы языка, на основе которых строятся речевые единицы – предложения-высказывания; 3) на начальной стадии усвоения нового явления ознакомить учащихся с ним и частично усвоить его при минимальной затрате времени и наибольшей концентрации внимания именно на данном явлении [Московкин, Щукин 2014; 456].

В “Новом словаре методических терминов и понятий” Э.Г. Азимова, А.Н. Шукина [Азимов, Шукин 2009; 365] в составе языковых упражнений “различаются фонетические, лексические, грамматические упражнения, формирующие соответствующие навыки”, выделяются аспектные, или аспектно-направленные, упражнения. Остановимся подробнее на целях, функциях и видах языковых грамматических упражнений.

Подготовительные/языковые/доречевые упражнения с грамматической направленностью отрабатывают отдельные грамматические операции и действия: опознание или образование грамматической формы, опознание модели предложения в соответствии с речевой задачей или выбор модели, осмысление связи единиц в предложении и их последовательности, узнавание значений словоформ и словосочетаний в потоке речи и т.п.

По утверждению З.Н. Иевлевой, к основным видам грамматических упражнений относятся следующие [Девяткина 1984, 68-69]:

1) имитативные, направленные на ознакомление с новым грамматическим материалом, его осмысление и запоминание (“затверживание”);

2) подстановочные, предполагающие варьирование лексического наполнения образца: учащийся подставляет различные лексические единицы в заданную структуру;

3) трансформационные, в которых учащийся изменяет структуру, порядок слов или грамматические формы заданного материала в соответствии с речевым заданием и ситуацией;

4) репродуктивные упражнения, позволяющие учащемуся самостоятельно воспроизвести в речи грамматический материал, отработанный в отдельных операциях и действиях. Упражнения этого типа подготавливают переход к самостоятельному конструированию высказывания в связи с ситуацией и речевым заданием.

Таким образом, в традиционной классификации грамматические упражнения, наряду с фонетическими и лексическими, включаются в языковые упражнения, противопоставленные речевым.

Иное основание классификации упражнений возникло с появлением коммуниктивно-деятельностного подхода и коммуникативного метода преподавания русского языка как иностранного, особенностью которого является “построение процесса обучения адекватно процессу речевой коммуникации (или, другими словами, процесс обучения является моделью коммуникации)” [Леонтьев 1988; 38-39].

По словам Е.И. Пассова, коммуникативность “предполагает речевую направленность учебного процесса, которая является не только целью, но и средством, где и то и другое диалектически взаимообусловлено” [Московкин, Щукин 2014; 155]. Иными словами, граница между языком и речью (соответственно и между “языковыми” и “речевыми” упражнениями) стирается, что находит отражение в классификации упражнений. Традиционная схема: “первичное умение – навык – вторичное умение” изменяется. Существуют лишь *речевые навыки* (которые включают и языковые) и *речевые умения*. Упражнения соответственно делятся на «условно-речевые» и «речевые». Первые служат для формирования речевых навыков, вторые для формирования речевых умений.

Основной характеристикой любого упражнения в коммуникативном подходе становится его коммуникативная направленность, поскольку только навык, автоматизированный непосредственно в речевой ситуации, по Пассову, способен к переносу [Пассов 2010; 325]. Исследователь приводит пример, когда учащийся, достигнувший высокой *степени* автоматизации навыка (например, грамматического), не доходит до нужного *уровня* автоматизации. Выучив слово, сконструировав предложение, остается бессильным при необходимости использования его в общении, поскольку условия автоматизации навыка были принципиально отличными

от условий его применения. Иными словами, критикуется излишняя формализованность упражнений, в том числе и грамматических. Предлагается использовать ситуативность и “оречевленность” даже в отработке грамматических форм и структур. Автор последовательно (от имитативных до репродуктивных) разбирает каждый вид упражнений и показывает, как каждому из них можно придать коммуникативный характер. Эта концепция просматривается и в работах Д.И. Изаренкова [Изаренков, 1977] и З.Н. Иевлевой [Иевлева 1987].

Таким образом, в коммуникативном подходе важность отработки грамматических навыков в аспектно-направленных упражнениях признается неэффективной. Идет смещение акцента с материала на действия с ним. Продуктивным признается не принцип “запомни и действуй”, а принцип “действуя, запоминай” [Девятайкина 1984; 110].

Подводя итоги, необходимо отметить, что, безусловно, коммуникативный подход внес значительный вклад в развитие методики преподавания русского языка как иностранного. Однако пренебрегать тренировочными, чисто языковыми (по традиционной классификации) упражнениями не следует, поскольку разветвленная грамматическая система русского языка диктует необходимость обязательной отработки отдельных форм и структур для формирования прочных навыков.

Литература

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. – М., 2009.
2. Бухбиндер В.А. О системе упражнений // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия. Сост. Леонтьев А.А. – М., 1991.
3. Девятайкина В.С., Добровольская В.В., Иевлева З.Н. и др. Пособие по методике преподавания РКИ для студентов-нефилологов. – М., 1984.

4. *Иевлева З.Н.* Методика преподавания грамматики в практическом курсе русского языка для иностранцев. – М., 1987.
5. *Изаренков Д.И.* От грамматики к диалогу. – М., 1977.
6. *Леонтьев А.А.* Основные положения советской методики обучения русскому языку как иностранному // Методика: заочный курс повышения квалификации филологов-русистов. / Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1988.
7. *Московкин Л.В., Шужин А.Н.* Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного. 4-е изд., стереотип. – М., 2014.
8. *Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е.* Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. – М., 2010.
9. *Рахманов И. В.* Обучение устной речи на иностранном языке. – М., 1980.
10. *Шатилов С.Ф.* Теоретические основы методики обучения грамматическому аспекту иноязычной речи // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия. Сост. Леонтьев А.А. – М., 1991.

Фунг Тхи Тху Чанг

(Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого)

СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЗАГОЛОВКАХ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ

В статье рассматриваются примеры современного употребления прецедентных имен в заголовках российских газет. Очерчивается круг прецедентных имен, зачастую неизвестных иностранцам, даются фрагменты статей из газет, в заголовках которых встречаются данные единицы. Там, где это возможно, приведено толкование прецедентных имен из словарей. Однако круг значений и сферы употребления пре-

цедентного имени во многих случаях отличаются от словарного, и материал газет позволяет уточнить, в каком значении авторы употребляют данные прецедентные имена.

Прецедентные феномены – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве культурного знака, символа определенных явлений и событий. Прецедентные имена – важная составляющая любой национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей.

По определению В.В. Красных, к числу прецедентных относятся феномены 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (“имеющие сверхличностный характер”); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Красных 2002; 170].

“Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Тёркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов)... ПИ может состоять из одного (например, Ломоносов, Кутузов) или более элементов (например, Павлик Морозов, Баба Яга), обозначая при этом одно понятие” [Там же; 172].

Примером широкого употребления прецедентных имен в современном контексте являются заголовки российских газет. Заголовки в газетном тексте на русском языке играют первостепенную роль. С одной стороны, заголовок служит для привлечения внимания читателя к статье. С другой стороны, именно с заголовка начинается чтение: он слу-

жит «маркером» подачи информации, определяет тематику содержания статьи и тональность изложения; это своеобразный ключ к пониманию статьи, определению авторской позиции по отношению к излагаемому.

Российские газеты, по мере возможности, избегают прямолинейности в названиях, когда заголовок статьи прямо соотносится с событием. И это, с одной стороны, позволяет автору наиболее точно выразить свою позицию, но, с другой, представляет сложность для иностранцев, так как все чаще материалом заголовков становятся прецедентные феномены, отличающиеся образностью и богатством речевых средств.

Следует отметить, что в прошлые времена экспрессивная, рекламная функция заголовка не была так актуальна, как сегодня. Современная подача материала требует иного подхода. Журналисты ищут яркие формы, новые способы привлечения читательского внимания и усиления таким образом мотивации покупки в условиях рыночной экономики.

Анализ заголовков периодических изданий позволяет утверждать, что одним из любимых приёмов журналистов является использование прецедентных имен – фразем, их трансформация и переосмысление. Под фразеологизмами (фраземами) мы понимаем “устойчивые сочетания слов, постоянные по своему значению, составу и структуре, воспроизводимые в речи в качестве готовых и целостных лексических единиц” [Краткий справочник ...; 74].

Трансформация фразеологической единицы – это ее отклонение от общепринятой нормы (фонетическое, лексическое, синтаксическое, логическое и др.), а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях.

Предлагаемые комментарии газетных текстов помогут иностранным студентам лучше понять трансформированные фразеологические обороты при чтении современной российской прессы. В качестве источников примеров использованы популярные периодические издания (“Комсомольская правда”, “Известия”, “Российская газета”, “Аргументы и факты”

и др.), из которых отобраны наиболее частотные модели экспрессивных газетных заголовков.

Приведем лишь некоторые примеры таких оборотов – прецедентных имен (примеры приводятся без ссылок на источники).

Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения. Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок». Трансформированные фразеологические обороты в заголовках современных СМИ: *“Мерседес” как роскошь и средство передвижения; Автомобиль не роскошь. Роскошь – кредит на его покупку; Автомобиль – это средство передвижения, а бензин – роскошь; Автомобиль – не роскошь. Роскошь – паркинг.*

Береги платье снову, а честь смолоду. Русская пословица. Репутация человека складывается по крупицам. В любой критической ситуации важно оставаться верным своим идеалам и взглядам, и поэтому велико значение таких нравственных ценностей, как честь, достоинство, верность долгу. А.С. Пушкин использовал эту пословицу в качестве эпиграфа к своей повести “Капитанская дочка”. Трансформированные фразеологические обороты в заголовках СМИ: *Береги суставы смолоду; Береги кадры смолоду; Береги грудь смолоду; Береги машину смолоду; Береги челюсть смолоду; Береги пенсию смолоду.*

Восток – дело тонкое. Фраза главного героя кинофильма “Белое солнце пустыни” (1970 г.), красноармейца Сухова о специфике восточной жизни, не зная обычаев и порядков которой, пришельцам на Восток невозможно не только не добиться успеха, но и просто понять происходящее вокруг. Иносказательно: общение с другими народами требует знания и учета их обычаев, традиций, психологии и пр.

Трансформированные фразеологические обороты в заголовках современных СМИ: *Общение с начальником – дело тонкое. Шантаж – дело тонкое; “Восток” перестал быть делом тонким; Реформы – дело тонкое, но необходи-*

мые; Любовь – дело тонкое; Локаут – дело тонкое; Восток – дело тонкое. Шашками здесь не машут.

Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет. Цитата из поэмы Н. Некрасова “Мороз, Красный нос” (1863). Так иносказательно говорят об отважной, физически и морально сильной, энергичной женщине (шутл.-ирон.).

Трансформированные фразеологические обороты в заголовках современных СМИ: *Английская королева коня на скаку остановит?; Коня на скаку остановит и матч безнадёжный спасёт; Коня на скаку остановит, пенальти в ворота пробьёт.*

Таким образом, газета как оперативно-информационный жанр, посредством экспрессивных заголовков стремится привлечь внимание большинства читателей. Частотность фразеологических единиц, выбранных для создания газетных заголовков, говорит о том, что выявленные нами устойчивые обороты представляют собой пласт фразеологии, актуальный на современном этапе для большинства носителей языка, а соответственно, имеют приоритетное значение при изучении русского языка.

Литература

1. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М., 2002.
2. Краткий справочник по современному русскому языку: Учебное пособие /Л.Л.Касаткин, Е.В.Клобуков, П.А.Лекант. / Под ред. П.А. Леканта. – М., 2010.
3. *Михейкина С.Г.* Лингвокультурологический аспект “Словаря частотных фразем русского языка” (по материалам прессы 2001 – 2009 гг.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://mami.ru/science/autotr2009/methodical/articles/m04/m04_43.pdf]. Дата обращения: 09.04.2015.
4. *Смирнова Т.В.* Прецедентные имена в заголовках газет // Российское образование для иностранных граждан [Электронный

ресурс] – Режим доступа: [<http://russia.edu.ru/information/met/rfl/2467/>].
Дата обращения: 09.04.2015.

Хао Симин

(Российский университет дружбы народов)

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ПОХВАЛЫ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В современной лингвистике многие работы посвящены описанию отдельных аспектов жанровой организации речи. В качестве наиболее разработанных видятся подходы к исследованию речевых жанров, представленные в работах В.В. Дементьева и К.Ф. Седова.

Жанр “похвала” исследуется с точки зрения средств речевого воздействия в статье М.Ю. Федосюка “Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи” [Федосюк 1997]. Сопоставительный анализ жанров “похвала” и “одобрение” содержит статья Н.В. Орловой [Орлова 1993], похвала как одна из речевых тактик рассматривается в монографии О.С. Иссерс [Иссерс 1999].

У похвалы особая коммуникативные функции. По словам И.Г. Дьячковой, “...похвала – это высказывание, в котором говорящий выражает положительную оценку поступка (поведения) адресата, рассчитывая вызвать его положительную эмоциональную реакцию” [Дьячкова 1998; 56].

Коммуникативная цель стандартной похвалы заключается в стремлении проинформировать адресата о положительной оценке его поступка, действия, способности, а также предмета, соотносённого с деятельностью говорящих или их личной сферой; приведём примеры: *Захлопали все придворные в ладоши: – Ну и мастер! Ну и чудо сделал! Век такого*

не видывали! (Деревянный орёл); – Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня, а я для тебя. (Горшеня);

Коммуникативная цель высказывания естественным образом задаёт определение похвалы как оценочно-информативного речевого жанра. При этом оценка, представленная в похвале, является социально обусловленной – в её основе лежат общественные представления о категориях добра и зла, хорошего и плохого.

Оценочно-информативный характер похвалы, в свою очередь, способствует формированию ролевой структуры (“ролевого треугольника”) этого жанра. Информативность похвалы составляет суть содержательного взаимодействия Автора и Адресата (коммуникативные роли); оценочность воплощает их отношение к оцениваемому Объекту (семантическая роль).

Вариативность коммуникативных и семантических позиций в ролевом треугольнике лежит в основе целой типологии ролевых моделей похвалы. Проведённые наблюдения доказывают, что кроме стандартной – прямой – похвалы (где адресат высказывания совпадает с объектом оценки); существует целый ряд нестандартных ролевых комбинаций:

1. Косвенная похвала – высказывание, направленное от автора к адресату, объектом которого является некое третье лицо, находящееся в ближайшем пространстве общения, но не принимающее непосредственного участия в диалоге: – *Где ты, дочка, все ходишь? – спрашивает ее отец . – Ах, батюшка! Сколько лет я у вас жила, сколько раз по саду гуляла, а никогда не видала такой умильной пташки, какую теперь видела! (Незнайка).*

2. Заочная похвала – адресованное слушающему высказывание об одушевлённом объекте, находящемся вне коммуникативного пространства обоих собеседников: *Животные, которые слышали разговор, похлопали в ладоши. Тогда слон сказал:*

– Мы дарим дятлу особенную премию за доброту. У него не самая красивая внешность, но самая добрая душа! (Дятел на конкурсе красоты).

3. Автопохвала – высказывание, автором, адресатом и объектом оценки которого является одно и то же лицо: *В это время лиса услышала их слова, посмотрела вверх и сказала:*

*– Не ссорьтесь! Это облако не похоже ни на зайчика, ни на белку. Оно как умная лиса! **Ведь самые умные – это лисы.** Лиса еще долго **хвалила себя** (Красивое облако).*

4. Квазипохвала – высказывание, адресат и объект оценки которого совпадают, что называется, в одном лице; лицо это, однако, в силу своих физических, биологических свойств либо специфических обстоятельств общения не имеет возможности полноценно воспринимать положительную оценку и реагировать на неё (похвала маленьким детям или животным): *Он удивился форме облака и решил показать всем:*

– Уа! Посмотрите, какое красивое и милое облако! Очень похоже на милого зайчика! Хы! Так красиво! (Красивое облако).

Наиболее коммуникативно сложны ролевые взаимоотношения в границах стандартной прямой похвалы одушевлённому лицу. Похвалу как жанр отличает обязательное ситуативное превосходство говорящего над слушающим – объектом оценки. Это может быть выражено явно (при реализации похвалы сверху вниз в условиях семейного разновозрастного общения): ***Умница, моя разумница! Посмотри, старик, сколько ягод моя дочка набрала!** (Волшебная дудочка).* Такое коммуникативное лидерство хвалящего всегда ощутимо и зависит не только от его статуса, но и от его, если можно так выразиться, ментально-эмпирического превосходства над адресатом, обнаруживающегося по крайней мере, в отношении того фрагмента действительности, который оценивается. Человек, выражающий похвалу, – это человек знающий, обладающий опытом, а потому имеющий право на вынесение оценочного суждения:

Рыбарь сварил уху, хлебал да хвалил: такая была жирная! Я там был, вместе уху хлебал, по усу текло, в рот не попало (Байка о щуке зубастой);

Лиса и заплакала, запричитала:

– У ста-рич-ка бы-ла ста-руш-ка. По-у-тру ра-но вста-ва-ла, Боль-ше прост-ня пря-ла. Щи, ка-шу ва-ри-ла, Ста-ри-ка кор-ми-ла! – Хорошо, – говорит старик, – ты мастерица плакать! (Лиса-плачя).

В свою очередь, исследование перлокутивного эффекта жанра, или образа его коммуникативного будущего, выводит в центр внимания адресата, поскольку именно на него ориентировано произнесение высказывания. В качестве базового перлокутивного эффекта похвалы выявлена реакция согласия или несогласия с оценкой, которая обусловлена целеустановкой автора на информативное одобрение полезных свойств явления / предмета / поступков личности: Гусыня сказала со смехом :

– Спасибо большое! Я первый раз ела такой вкусный торт!

– Не надо так говорить, приходите ещё! – Петух ответил (Петух и гусыня) В сказках ответ на похвалу является редким явлением.

Ограниченная в своём употреблении в бытовой сфере **автопохвала** в сказках имеет широкое распространение:

Солдат начал свою песню:

– Чуешь ли, солома, что деется дома?

– О, твоя нехороша, моя лучше; (Муж да жена)

Похвала выражается, как правило, старшим по положению и возрасту младшему. Хвалить собеседника – значит положительно оценивать его поведение, действия и поступки выше ожиданий говорящего или выше общепринятой нормы.

1. **Похвала** применительно к мужчине и женщине: **Вы (ты) молодец! / умница!** и др. *Богатыри подняли ему брови и ресницы вилали; старик взглянул:*

– *Ай да молодец Ванюша! Так это ты взял смелость с моими детьми управиться!* (Иван Быкович).

2. Собственно **похвала** обычно сводится к положительной характеристике поступка собеседника, которая может строиться различно: **Вы (ты) хорошо / правильно/ справедливо** и др. **поступили(-л,ла) / сделали(-л,-ла) / сказали(-л,-ла)** и др. *Отвечает ему мальчик:*

– *Это не тебе снилось, это снилось государю.*

– *Угадал, молодец!* (Вещий мальчик).

3. **Похвала** может касаться **положения, действия, ситуации** в целом: **(Это) хорошо! / прекрасно! / чудесно!** и др.

Поехал мужик в поле нарочно мимо попова двора.

– *Хорошее дело, – говорит поп, – Бог тебя благословит!* (Поп ржёт, как жеребец (вариант сказки 2))

4. В сказках существуют выражения **похвалы**, направленные на **неодушевленный предмет или явление**.

Вот старичок сел, всю кашу съел.

– *Спасибо, тебе охотник, – говорит. – Хороша твоя каша* (Братья-охотники).

5. В сказках выражения **похвалы** относятся не только к вещи, но и к человеку, который сделал эту вещь или который обладает ею:

Петух спросил:

– *Ты ещё не покушала? У меня торт, шоколад, ещё сок. Угощайся!* Гусыня сказала со смехом:

– *Спасибо большое! Я впервые ела такой вкусный торт!*

– *Гусыня съела всё на столе, и сказала:*

– *Мне пора, всё очень вкусно, спасибо ещё раз!* (Петух и жена гуси);

Через короткое время опять появилась чистая дорожка, зайчик сказал:

– *Да, на дорожке у вас какой приятный запах! - Хэ, дорожка у вас очень яркая!* (Дорожка).

В заключение отметим, что языковые формы похвалы в сказках сближаются с репрезентативными маркерами комплимента на основе высокой понятности и популярности выражаемых оценок. Похвала может быть направлена на такие объекты, как поведение, поступки адресата, его личность, качества, а также на предмет, изготовленный личностью или принадлежащий ей.

Жанр похвалы очень важен для общения, так как без этого жанра мы не можем точно выразить мысли, чувства, эмоции и т. д. Это род речевых действий, направленных на подбадривание собеседника, на создание у него хорошего настроения. В русских и китайских народных сказках древний жанр комплимента является очень хорошим речевым способом, чтобы проанализировать русский и китайский характер.

Литература

1. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М., 2010.
2. Дьячкова И.Г. Похвала и порицание как речевые жанры (прагматический анализ) // Вестник Омского университета. – 1998. – Вып. 3.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.
4. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. – М., 1957–1958.
5. Орлова Н.В. Актуальные смыслы слова и высказывания в разных речевых жанрах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1993.
6. Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070236.pdf. Дата обращения: 01.03.2015.
7. Китайские сказки
 - 1) Дятел на конкурсе красоты – 啄木鸟选美记。
 - 2) Дорожка – 小路。
 - 3) Петух и жена гуси – 公鸡和鹅太太。
 - 4) Красивое облако – 美丽的云。

Хоанг Тхи Хыонг
(Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого)

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ВЬЕТНАМСКИМИ

Вслед за Динь Тхыонг Хуен (см. [Динь Тхыонг Хуен 2006]) мы принимаем за основу определение, данное А.М. Новиковой: “Пословицы – это краткие, меткие, глубокие по силе мысли народные изречения или суждения о жизненных явлениях, выраженных в художественной форме” (цит. по [Динь Тхыонг Хуен 2006; 19]).

Сопоставление русских пословиц с подчинительными союзами с подобными единицами во вьетнамском языке позволяет нам выделить среди них три группы: полные эквиваленты, частичные эквиваленты и “безэквиваленты”.

Первая группа. Русские пословицы с подчинительными союзами, полностью сходные с вьетнамскими. К этой группе относятся русские пословицы, полностью идентичные вьетнамским. Например:

Пословицы	Лексический со-став	Синтаксическое средство связи
<i>Лучше поздно, чем никогда</i>	поздно, никогда	лучше чем
<i>Một còn hơn không</i>	Không bao giờ	Còn hơn
<i>Лучше мало, чем ничего</i>	мало, ничего	лучше... чем
<i>Ít còn hơn không có gì</i>	Ít	Còn hơn

Пословицы этой группы в двух языках по форме и по содержанию совпадают. Их сходство толкуется путём дословного перевода. Например:

Пословицы	Лексический со-став	Синтаксическое средство связи
<i>Мужик в семье,</i>	мужик – матица в	что

<i>что матица в избе</i>	избе	
<i>Trong nhà có người đàn ông ví như cái cột chống nhà</i>	Đàn ông- cột chống nhà	ví như

Вторая группа. Русские пословицы с подчинительными союзами, частично сходные с вьетнамскими.

При передаче смысла выражений данного типа подчинительные союзы оказываются факультативными во вьетнамском языке, в то время как они являются обязательными средствами связи частей сложноподчинённых предложений, выражающих русские пословицы:

Пословицы	Совпадающая часть	Средство связи (подчинительный союз)
<i>Богатство, что вода: пришла и ушла Phú quý tựa phù vân</i>	+	Что ≈ tựa
<i>Девушка в доме, что горох в поле: кто ни пройдёт, всяк съпнёт. Gái lớn trong nhà như ta có chừa</i>	+	Что ≈ như

Третья группа. Русские пословицы с подчинительными союзами, безэквивалентные с вьетнамскими. Безэквивалентными единицами считаются пословицы, которые имеются в одном языке, то отсутствуют в другом.

Русские пословицы	Вьетнамские варианты
<i>Беда, коль пироги начнёт печи сапожник</i>	<i>Ngược đời mới có chuyện thợ giày đi làm bánh</i>
<i>И комар лошадь свалит (повалит), коли волк (медведь) пособит (подсобит)</i>	<i>Muỗi nhỏ vật chết được ngựa nếu có sói trợ sức</i>
<i>Свинье не до поросят, коли её палят.</i>	<i>Lợn đang bị nướng còn bụng dạ nào nghĩ đến lợn con</i>

Фактический материал показывает, что вьетнамские учащиеся не умеют правильно употреблять такие пословицы. Это объясняется тем, что в подобных ситуациях вьетнамцы используют совсем другие выражения. Например, о способности женщины вести хозяйство вьетнамцы не скажут: *Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает*, а заметят: *Xem bếp biết nét đàn bà* hoặc *Vắng đàn ông quanh nhà, vắng đàn bà quanh bếp*.

В заключение отметим, что пословицы входят в жизнь как результат длительного периода наблюдений и опыта. В пословицах отражаются национальные ценности, в их основании лежат элементы национальной культуры. Изучение пословиц является также важным элементом в процессе приобретения знаний о языке.

Литература

Динь Тхыонг Хуен. Русские пословицы с подчинительными союзами и их эквиваленты во вьетнамском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени магистра фил. наук. – Ханой 2006.

Цзян Тинтин

(Российский университет дружбы народов)

ВОСПОЛНЕНИЕ ЛАКУН КАК ПРИЕМ РАБОТЫ НАД ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА УРОКЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Когда китайские учащиеся читают художественное произведение на русском языке, они неизбежно сталкиваются с языковыми и культурными лакунами, эти лакуны появ-

ляются в слове, словосочетании, предложении и тексте. Наличие этих лакун объясняется разной религией, разными традициями, разной историей, разными общественными устоями, – в конечном счете, различием культур русского и китайского народов. При изучении художественных текстов в иностранной аудитории китайский ученый Ли Сяндун предложил использовать метод восполнения лакун (см. [Ли Сяндун 1993; 3-58]). Устранение лакун у учащихся приводит к правильному пониманию текста. Поэтому восполнение лакун при изучении русского художественного текста очень актуально в китайской аудитории.

Ли Сяндун выделил следующие типы лакун и предложил различные приемы их восполнения, важнейший из которых – национально-ориентированный комментарий:

1. *Он рассматривал также и девушек, ... и волновался слабо и горько, как всегда, когда видел юную **прелесть**, проходящую мимо с кем-то, а не с ним (Ю. Казаков. “Двое в декабре”).*

Прелесть – лексическая лакуна. Это слово означает 1) очарование, обаяние, внушаемое кем-, чем-л.; привлекательность кого-, чего-л. 2) симпатичнее, хорошее впечатление; 3) прекрасная вещь или прекрасный человек; 4) (мн. ч.) очаровательное тело. Слово *прелесть* не только многозначное, но и может описывать особенности вещи, человека, явления. В тексте Ю. Казакова *прелесть* используется для номинации красивой девушки.

2. *Какое было счастье и еще, наверное, **не такое будет**, только бы не было войны (Ю. Казаков. “Двое в декабре”).*

Не такое будет – грамматическая лакуна. В тексте *не такое* употребляется в качестве субъекта, все предложение значит ‘будет еще лучшее, большее счастье’.

3. ***Не в масть** серым, реденьким, словно захмелевшим от времени, крестам белел свежий штакетник, и арка новых сосновых ворот плыла в небе вместе с церковным купо-*

лом (В. Белов. “Холмы”).

Не в масть – стилистическая лакуна. Это выражение первоначально означало неудачную комбинацию карт при игре в покер. В анализируемом тексте это выражение обозначает несоответствующий цвет, ровно “не в цвет”.

4. *Даня вытащила из-за комода ящик с игрушками. Вот от, Мишка, с одним стеклянным глазом* (В. Белов. “Даня”).

Мишка – познавательная лакуна. *Мишка* является уменьшительно-ласкательной формой имени *Михаил*, в тексте называет игрушку. С давних времен в России медведя уважали и обожали, его олицетворяли, например: *Михаил, Михайло, Миша, Мишук*. Некоторые пословицы и поговорки выявляют отношения народа к медведю: *Хозяин в дому, что медведь в бору. Медведь – хозяин. Медведь – жених, видеть медведя во сне – значит, быть на свадьбе*. Медведя рассматривают как доброго хозяина, жениха, человека, который любит сладкие конфеты; медведь сильный, умный, справедливый. По мнению русских, медведь является самым симпатичным, справедливым, а в китайской культуре медведь злой и ужасный.

4. – *Солнце! Какая зима, а?* – *Сказала она, пока он брал билеты. – Ты ничего не забыл?*

Он только повел ртом. Он даже слишком набрал всего, как ему теперь казалось, потому что рюкзак был тяжеловат (Ю. Казаков. “Двое в декабре”).

Повести ртом – лакуна действия, по Ли Сяндуну. В тексте *повести ртом* используется, чтобы показать, что герою нет необходимости отвечать на вопрос, ответ ясен из ситуации. Кроме того, это выражение лица в разных контекстах и не только в разных контекстах, но в разных культурах, имеет разный смысл. В китайском тексте в аналогичной ситуации мы, скорее всего, встретим действие *качать головой*. В китайском языке выражение *повести ртом* обозначает презрение, недоверие или нерадость.

5. *В кладовке – полтора куля доброй муки, окорок ви-*

сит **пуда** на полтора (В. Шукиин. “Космос, нервная система и шмат сала”).

Куль, пуд – и культурные, и лексические лакуны. Куль обозначает большую сумку, а также являлся единицей измерения в прошлом, пуд является единицей веса. Куль и пуд представляют собой устаревшие слова, отражают исторический фон, но в китайском языке нет лексических эквивалентов этим словам.

При помощи метода восполнения лакун преподаватели могут преодолевать языковые и культурные барьеры. Конечно, применение этого метода должно соответствовать уровню подготовки учащихся. Метод восполнения лакун служит надежной теоретической и практической основой для обучения иностранным языкам.

Литература

Ли Сяндун 李向东, 俄语篇章理解中的空缺及解决方法, 中国俄语教学, 1993-3. [Li Xiangdong, e yu pian zhang li jie zhong de kong que ji jie jue ban fa, Zhong guo e yu jiao xue, 1993,3-58].

Чень Цзы

(Российский университет дружбы народов)

АРТИКУЛЯЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОНОРНЫХ СОГЛАСНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА «В ЗЕРКАЛЕ» КИТАЙСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Сонорными обычно называют гласные и сонанты в противоположность шумным согласным. В этом случае подчёркивается акустическое различие: в сонорных тон преобладает над шумом. Кроме того, они не имеют пары среди

глухих согласных, т.е. являются непарными по глухости-звонкости.

В русском языке выделяют следующие сонанты: губные смычные [м]-[м'], переднеязычные смычные [н]-[н'], переднеязычные щелевые [л]-[л'], переднеязычные дрожащие [р]-[р'], а также среднеязычный щелевой [j], который не противопоставляется по признаку твердость-мягкость.

Как и шумные согласные, сонанты характеризуются наличием преграды, которая образуется активным речевым органом в определенном месте ротовой полости.

В китайском языке есть звуки [m], [n], [l], [i], произношение которых похоже на артикуляцию русских сонантов [м], [н], [л], [j].

Артикуляционно китайский согласный звук [m] совпадает с твёрдым русским [м]. Различие между ними заключается лишь в большей напряжённости и длительности при произнесении китайского звука. При произношении фонем [м]-[м'] носители китайского языка часто допускают ошибки в определении мягкости-твёрдости звуков в абсолютном конце.

Китайский согласный [l] отличается своей артикуляцией как от русского твёрдого [л], так и от мягкого [л']. Если произносится китайский [l], то кончик языка касается альвеол. При этом боковые края языка опущены и не соприкасаются с верхними зубами. Смычка образуется только между слегка загнутым вверх кончиком языка и альвеолами. Плоскость касания языка меньше.

Различие при артикуляции китайского [l] и русских [л]-[л'] также заключается в том, как расположены задняя и средняя части спинки языка. При произнесении китайского [l] весь язык, за исключением кончика, лежит плоско. Произнесение звука [л'] в абсолютном конце слова (рубль) представляет значительную трудность для китайских студентов и требует большой работы по его постановке.

Существенной особенностью китайского языка является отсутствие характерного для русского переднеязычного

дрожащего [p]-[p'], поэтому он особо сложен при произнесении и вычленении его в речи.

Фонологическое смешение китайскими студентами звуков [p]-[p'] и [л]-[л'] заключается в сходстве артикуляции и в том, что оба согласных сонорные. Студенты могут различать изолированно произнесенные звуки [p] и [л], но часто смешивают их в составе слова, в сочетании с другими звуками, что приводит к ошибкам в понимании значений слов.

Китайский согласный [n] в отличие от русского [н] альвеолярный, апикальный. Это означает, что при произнесении русского звука кончик языка опущен, тогда как при артикуляции китайского [n] он загибается к альвеолам.

Когда произносится русский [н'], кончик языка опущен к нижним зубам, а передняя часть спинки языка прижата не только к альвеолам, но и к передним верхним зубам. Средняя часть языка при этом поднимается к нёбу. За счет этого и достигается смягчение согласного.

В случае произношения русского твёрдого [н] кончик языка опускается. При этом вся передняя часть языка прижимается к верхним зубам и альвеолам, а средняя часть спинки языка опускается. Это создаёт твёрдость согласного. Трудности, возникающие у китайских студентов при восприятии [н'], связаны с палатализованностью: нарушается оппозиция фонем [н]-[н'], иностранец может произнести [н'] твёрдо (*банька – банка*).

В китайском языке не существует полного аналога русскому согласному [j]. Данный звук обычно сравнивается с полугласным [i]. Как видно, противопоставление между этими звуками уже определяется их характеристикой: согласный полугласный.

В отличие от русского звука [i] отличается недостаточным подъёмом и напряжением средней части языка. Русский [j] произносится с использованием более сильной воздушной струи. В связи с этим можно говорить о том, что китайский [i] более слабый звук.

Поскольку китайский полугласный [i] близок русскому среднеязычному [j], основная ошибка китайских студентов – недостаточный подъём и напряжение средней части языка, более слабый напор воздушной струи.

Анализируя систему русских сонантов и их “аналогов” в китайском языке, можно прийти к следующим выводам:

1. Китайские сонорные согласные произносятся более напряжённо в сравнении с русскими;
2. В китайском языке в отличие от русского нет противопоставления по мягкости-твёрдости;
3. В китайском языке нет “аналога” звукам [p]-[p’].

Литература

1. *Дерябина С.А., Дьякова Т.А.* Звуко-фонемно-буквенное соотношение в алфавите и письменном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русские и иностранные языки и методика их преподавания. – 2011. – № 4.
2. *Задоев Т.П., Хуан Шуин.* Начальный курс китайского языка. – М., 2010.
3. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. – Л., 1960.
4. *Каверина В.В.* Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетической систем) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. – М., 1998. – Вып. 6.

Чжан Лицзюань

(Российский университет дружбы народов)

**БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В РАССКАЗЕ
А.П.ЧЕХОВА «ХАМЕЛЕОН» И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ**

Безэквивалентная лексика – лексические единицы исходного языка или диалекта, не имеющие регулярных (полных или частичных) словарных соответствий в языке перевода. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров определяют слой безэквивалентной лексики как слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. Такие слова в строгом смысле непереводимы. Безэквивалентная лексика обычно заимствуется из языка в язык. Но Л.С. Бархударов справедливо отметил, что безэквивалентная лексика – это полное отсутствие соответствия той или иной лексической единицы одного языка в словарном составе другого языка. С. Флахов и С. Флорин считают, что все лексика может переводиться на другой язык. А с точки зрения китайского лингвиста Нью Цуншэнь, безэквивалентная лексика – это лексика, которая в другом языке не имеет соответствующих предметов и, таким образом, понятий, некоторые заимствованные слова являются безэквивалентной лексикой: *сэндвич, матрёшка, юннат самовар* и т.д.

Безэквивалентная лексика принадлежит и языку, и культуре, то есть отображает особенности какого-то языка и специфику его культуры. Известно, что с языком знакомятся через слово, за которым стоит определенное явление в жизни, культуре народа, обусловленное историческим процессом социального и духовного развития нации и нашедшее художественное отражение в литературе. Следовательно, такая лексика должна стать объектом повышенного внимания при изучении языка.

Исследователями выделяются три группы безэквивалентной лексики.

Первую группу составляют этнографизмы, т. е. слова, обозначающие реалии, присутствующие только в жизни данного народа и неизвестные другим народам.

Вторая группа безэквивалентной лексики – это стилистические синонимы, не имеющие эквивалентов в других языках. В качестве примера здесь можно привести синонимическую пару *государство* – *держава*. Различие между этими лексическими единицами невозможно передать ни на английском, ни на французском языках, ни на многих других европейских языках.

Третью группу безэквивалентной лексики составляют слова, обозначающие понятия, для которых в других языках отсутствует стандартное однословное наименование и которые в силу отсутствия такого наименования не являются для людей, говорящих на этих языках, самостоятельными понятиями единицами.

Овладение безэквивалентной лексикой очень важно для иностранцев, в том числе для китайцев, изучающих русский язык. Это связано еще и с тем, что сегодня в Китае имеются произведения русской классической литературы, переведенные на китайский язык. Передача безэквивалентной лексики очень важна для понимания текста произведения. Анализ переведенных русских художественных текстов показывает, что в переводе имеется определенная разница с оригиналом.

Рассмотрим это на примере передачи безэквивалентной лексики в рассказе А.П.Чехова “Хамелеон”, переведенном на китайский язык. Переводчик использовал следующие приемы ее передачи: переводческая транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод и т.д.:

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина.

При передаче фамилий *Очумелов, Хрюкин, Пичугин* переводчик воспользовался методом транскрипции: 奥楚蔑洛夫 赫留金 彼楚京. При транслитерации передаётся средствами переводящего языка графическая форма слова иностранного языка, а при транскрипции – его звуковая форма. Этот способ широко применяется при передаче имен собственных, наименований и названий разных орденов и пр.

– *По какому это случаю тут?* – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. – *Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?* 这出了什么事?奥楚蔑洛夫进到人群问道你在这干什么 你干嘛竖起手指头? 是谁在嚷?

Это автор перевел методом описательного перевода по контексту.

– *Гм!.. Хорошо...* – говорит Очумелов строго.

(Автор перевел слово *гм* китайской частицей 恩 это транскрипция).

– *Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто...* 恩 叶卡德林给我穿上大衣吧

Слово *надень-ка* переводчик не смог точно перевести, он просто перевел как слово носить, использовал способом гипо-гиперонимического перевода устанавливающий эквивалентность между единицами, находящимися в видо-родовых отношениях.

– *Я ему покажу кузькину мать!*

Здесь сделан перифрастический перевод, переводчик не смог передать точное значение такой фразы, поэтому по контексту изменил на похожее значение.

– *Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Ужо я сорву с тебя, шельма!*

Здесь осуществлен приближенный перевод заключается в выборе ближайшего по значению соответствия.

Из приведенных примеров видно, что для переводчика важнее всего найти соответствие безэквивалентным словам в переводящем языке, а в случае, если таких соответствий не

имеется, то необходимо использовать другие приёмы, направленные на поиск ближайшего по смыслу эквивалента: транскрипция, транслитерация; гипо-гиперонимический перевод, устанавливающий эквивалентность между единицами, находящимися в видо-родовых отношениях; поиск ближайшего по смыслу неполного эквивалента; разновидности перифрастического перевода – описательного, экспликативного, дескриптивного; калькирования.

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М., 1990.

Юй Тяньшу

(Российский университет дружбы народов)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ НА ФОНЕ КИ- ТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В современном понимании оценка определяется как “ментальная операция, устанавливающая связь между системой ценностей, норм в сознании человека и оцениваемым им объектом, при котором человек соотносит объект со своей системой ценностей, которые основаны на бытовых представлениях о действительности и отражают не только индивидуальное видение мира, но и жизненную философию целого языкового коллектива, к которому принадлежит человек” [Телия 1986; 238].

Сказка рассказывает нам о чрезвычайно важном в жизни, учит быть добрыми и справедливыми, противостоять

злу, презирать хитрецов и льстецов, ненавидеть злодеев, врагов; утверждает народные принципы жизни, среди которых доминируют честность, преданность, смелость. Таким образом, рассказы о самых невероятных, фантастических событиях, изложенных в сказках, имеют глубокий жизненный смысл, их неправдоподобность служит более яркому, запоминающемуся выражению их поучительного смысла, идей. Они отражают глубокую веру народа в победу добра над злом, любви и дружбы над враждой и коварством, трудолюбия и мастерства – над ленью, праздностью.

Сказка формирует человеческое в человеке, формирует целостное сознание: нравственное, этическое, правовое, эстетическое и т.д. [Зенин 2009; 158-165].

Основными персонажами русской сказки являются волк, лиса, медведь, заяц, кот, петух, собака, курица, коза, баран, овца, свинья, боров, козел, дрозд, журавль, цапля, щука, рак, гусь, лягушка, мышь.

Многие из персонажей сказок универсальны (есть в сказке любого народа), типизированы (отражают одну конкретную черту, например, хитрость). Они либо положительные, либо отрицательные. Герои сказок не развиваются, они статичны, поэтому по ходу развития сюжета оценка персонажа читателем меняться не может.

Чаще всего с помощью языковых средств характеризуются такие персонажи, как лиса, волк, медведь, кот и петух. К ним относятся языковые средства, именуемые персонажей сказок, качества их характера или их действия. При этом языковые средства уже содержат в своем значении положительное или отрицательное отношение к объекту оценки.

Лиса – персонаж сказки о животных, обычно олицетворяющий коварство и хитрость [Провоторова 2009; 140-147]. В обозначении лисы обычно используются следующие существительные: *лисичка-сестричка*, *кумушка*, *лисонька*. Образ лисы является отрицательным, так как важнейшие ка-

чества лисы – лживость, хитрость – в русской системе ценностей оцениваются негативно. Говоря о лисе, другие персонажи могут сказать, что ее “лукавый занес”. Коварство, хитрость, вкрадчивость лисы выражается в сказках с помощью: глаголов с различными префиксами, выражающими отрицательную оценку: *улучила, схитрила, передушила, попрятала, сманить, прельщу, погоняет, перемазывать на волка, попросилась, подкралась, приступает с хитростями, надула, припрятала*.

Чаще всего лиса характеризуется с помощью глаголов поступка и поведения, глаголов скрывания объекта, глаголов приведения в определенное эмоциональное состояние, глаголов принуждения, типовая семантика которых связана с действиями, совершаемыми тайно от всех и направленными на получение выгоды, а также с действиями, которые заставляют кого-либо выполнять, делать что-либо вопреки воле, желаниям, возможностям с помощью различных средств принуждения.

Волк и медведь – персонажи сказок о животных, выступающие в сказках в роли глупцов, простаков [Провоторова 2009; 140-147]. Их неизменно обманывают другие персонажи сказки – лиса, коза луплена, свинья и др. Чаще всего глупость волка выражается с помощью существительных, прилагательных и наречий, именующих волка: *волк-дурень, глупый, дурак, сунулся сдуру, старый старичище*.

Волк и медведь в сказках совершают глупые поступки, чаще всего по совету лисы, и в итоге им часто приходится либо убежать (например, сказка “Напуганные медведь и волки”), либо получать наказание. Медведь олицетворяет грубую бездумную силу, выраженную с помощью глаголов нанесения удара, глаголов разделения, повреждения неодушевленного объекта: *ломаю, замай, вылезает, зарвел, задеру*. Их типовая семантика связана с повреждением объекта, причинением физической боли.

Китайская народная сказка отражает отличные от русских природные, социальные факторы жизни китайского народа, особенности его бытового уклада, традиций и привычек. Этим объясняется различный состав китайских и русских сказочных персонажей. Так, в китайской сказке появляются тигр, обезьяна, змея, панда, черепаха. Присутствуют в ней и универсальные образы диких и домашних животных: лиса, волк, медведь, кот, петух, собака, баран, коза, лягушка, мышь, заяц; а также образы различных диких птиц, однако они часто наделяются иными чертами, чем персонажи русских народных сказок. Это связано с тем, что китайское национальное сознание по-другому осмысляет те или иные ценности, акцентирует внимание на более значимых для народа качествах.

Кроме того, различны особенности языковой оценки русских и китайских сказок, связанные с особенностями самого языка. В русском языке оценка может выражаться не только с помощью семантики, заложенной в саму лексическую единицу, но и с помощью различных аффиксов. В китайском же языке нет таких средств выражения оценки. Таким образом, при анализе персонажей китайских сказок о животных выбиралась лексика, уже содержащая в себе определенную оценку и отношение к объекту оценки.

Оценка определяется в настоящей статье как связь между системой ценностей, норм в сознании человека и оцениваемым им объектом, при котором человек соотносит объект со своей системой ценностей. В сказке система ценностей основана на бытовых представлениях о действительности и отражает жизненную философию языкового коллектива, к которому принадлежит человек.

Сказки часто цитируются в бытовом общении современных людей, в средствах массовой информации. Чтобы адекватно воспринять услышанное и сделать о ситуации правильные выводы, необходимо знать, почему цитируется

именно эта сказка, о чем в ней идет речь, кто и как в ней оценивается.

Понимание национально-культурного своеобразия сказок формирует лингвострановедческую компетенцию иностранных студентов, необходимую для эффективного осуществления межкультурной коммуникации [Лаврова 2006; 108-112].

Литература

1. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.
2. *Зенин С.Н.* Нравственно-ценностный потенциал устного народного творчества: аспекты востребованности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – Т. 57. – №7.
3. *Провоторова М.А.* Механизмы порождения оценочных смыслов // Филология и человек. – 2009. – № 3.
4. *Лаврова О.В.* Анималистическая лексика в аспекте межкультурной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2006. – Т.3. – № 20.

Я.М. Юлдашева

(Российский университет дружбы народов)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЦЕЛИ ДЕЙСТВИЯ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Любое действие человека – следствие определенных целей, в большей или меньшей степени осознаваемых субъектом. Цель пронизывает все уровни жизни человека: от самых высоких, философских (сюда относятся поиски смысла жизни, понятие каких-либо ее законов) до самых обыденных, повседневных (такие действия сродни рефлексам, это непре-

ложные истины, например: тепло одеваться в мороз, чтобы не заболеть). У каждого человека должна быть какая-либо цель в жизни, иначе она будет *бессмысленна*, а такой человек *непутевым, бесцельным*.

В работах, посвященных данной теме, лингвисты отмечают, что “цель” – достаточно сложный концепт, обладающий множеством различных характеристик. И.Б. Левонтина считает, что “цель представляет собой сложный смысл, включающий четыре фундаментальных компонента: “хотеть”, “считать”, “причина / потому что” и “мочь”. Хотя он и разложим на компоненты, но сочетание их в такой комбинации настолько часто встречается в языке и имеет настолько принципиальное значение, что можно говорить о своего рода смысловом блоке “хочу – считаю, что могу – сделаю”, компоненты в котором связаны воедино” [Левонтина 2006; 165-166].

Русский язык предлагает богатый выбор так называемых “целевых” слов. Среди существительных, относящихся к лексике целесообразной деятельности, И.Б. Левонтина выделяет следующие: *цель, задача, намерение, умысел, замысел, задумка, план, проект, прожект, назначение, предназначение, функция, миссия, роль*: Сам прозаик говорил, что его *цель скромна: рассказать о том, как живут люди* (А. Арьев. Предисловие к повести С. Довлатова “Заповедник”).

На уровне лексики лингвисты называют целевыми глаголами следующие: *собираться (собраться), намереваться (вознамериться), думать, планировать (запланировать), достигать, добиваться, реализовать*. В языке также есть целые лексикографические типы, для которых признак “отсутствие цели” является конституирующим: *бродить, слоняться, шататься* и т.п. К лексике целесообразной деятельности относятся также такие глаголы как, *хотеть², желать*.

“К наречиям целесообразной деятельности традиционно относят: *намеренно, нарочно, преднамеренно, умышленно, сознательно, специально, целенаправленно* и их анто-

нимы *невольно, нечаянно, случайно, ненароком, невзначай, произвольно*. В языке существует и очень употребительное слово, позволяющее задать вопрос о цели: *зачем*” [Левонтина 2006; 163-165].

Однако лингвистические средства выражения целесобразной деятельности в языке не ограничиваются только лексикой. “Цель” – концепт весьма сложный и многогранный. Человек не всегда может четко поставить перед собой цель в виду многих обстоятельств – внутренних качеств субъекта или же явлений окружающей действительности. Все это через мысль и воплощается в языке на уровне уже предложения – простого и сложного (как минимальной структуры, так и многокомпонентного). На морфологическом уровне маркерами такой деятельности являются предлоги *для, ради, на (+вин), из-за, в (+вин), за (+вин)*, которые в большинстве случаев в составе подчинительного словосочетания управляют определенной падежной формой существительного. На синтаксическом – целевой инфинитив, сложноподчиненные предложения с союзом *чтобы/чтоб* (являющимся в данном контексте целевым) или отношения между частями (блоками) многоаспектного предложения – соединительно-результативные, следствия, следствия-вывода. Анализ синтаксических конструкций еще интересен тем, что не всегда цель ярко выражена с помощью тех или иных маркеров – союза *чтобы (чтоб)* или других словоформ.

Как указывалось выше, цель – один из системообразующих смыслов действий и поступков человека, охватывающий все уровни его жизни. Следовательно, изучающему иностранный язык необходимо уметь грамотно и адекватно использовать в своей речи соответствующие средства выражения целесобразной деятельности. В процессе работы возникает вопрос отбора языкового минимума для выражения этого концепта, а также момента первичного предъявления этого языкового явления. Выше были перечислены не все лексические и грамматические средства выражения целесо-

образной деятельности, но даже этот минимум представляет сложность для освоения иностранными учащимися на начальном и базовом уровнях.

Данная тема является сквозной, как и выражение причинных, временных и пространственных отношений, и должна лейтмотивом проходить через все время обучения иностранца русскому языку. При этом с каждым уровнем словарный запас иностранного учащегося должен пополняться новыми лексическими и грамматическими средствами выражения целевых отношений в соответствии с принципом усложнения учебного материала. Однако анализ методических разработок, программ и практических пособий по русскому языку для иностранцев показывает, что тема “Выражение целевых отношений” представлена в них неполно, не во всем объеме способов обозначения, а в некоторых пособиях вообще отсутствует. Например, в “Лингводидактической программе по русскому языку как иностранному” на элементарном уровне студентам не предлагается изучение этого языкового явления – знакомство со способами выражения целесообразной деятельности начинается на базовом уровне. Коллектив авторов предлагает к изучению в простом предложении сочетание личной формы глаголов движения с инфинитивом: *Виктор пошел обедать*. На уровне сложного предложения: собственно целевые конструкции с союзом *чтобы* (*Я приехал в Москву, чтобы поступить в университет*) и предложения со значением необходимого обоснования (*Чтобы приехать к нам на курсы, нужно получить визу*). На I сертификационном уровне авторы предлагают к изучению предложно-падежные конструкции: *Я приехал в посольство за визой / для получения визы* [Есина 2010].

Обучение выражению целевых отношений следует начинать с конструкции “глагол в спрягаемой форме + инфинитив”, так как уже на первых занятиях учащиеся осваивают ее на материале глаголов *хотеть, мочь, любить*. Постепенно лексико-грамматический материал, на котором ос-

ваивается данный способ, расширяется и усложняется, в частности, за счет изучения глаголов движения *идти, ехать* и т.д.: *приехать учиться, поехать отдыхать*. В конструкции с инфинитивом употребляются глаголы движения с приставками *при-, под-, с-, за-, вы-*, глаголы со значением перемещения и изменения положения в пространстве: *прислать, послать, явиться, поставить, повесить; сесть, лечь, оставить, остаться, остановиться, нагнуться, дать, взять* и под. Например: *остановился отдохнуть, пригласил поужинать, послал купить газеты, позвал погулять*.

Необходимо обратить внимание на то, что конструкция с инфинитивом, включающая глаголы движения без приставки и с приставками *по-, у-* (реже *при-*), а также глаголы *отправиться, послать*, обозначает цель движения лица только в том случае, если она содержит три компонента: 1) глагол со значением движения, 2) обстоятельство места, 3) обстоятельство цели (*пошёл куда? зачем?*). Например: Николай *отправился в больницу лечить зуб*.

Следует остановиться на глаголах, имеющих значение волевого воздействия, типа *убедить, просить, заставить, умолять, послать, направить, звать* и показать, что субъект этих действий и субъект цели действия обычно не совпадают. И хотя после этих глаголов цель выражается формой инфинитива, субъект цели действия в этих случаях обычно выражается формой *винительного* падежа имени: *Я уговаривал брата приехать. Отец послал сына в город учиться*.

С самого начала работы над данной языковой темой должен быть усвоен вопрос с наречием *зачем*. Учащиеся должны научиться не только отвечать на такой вопрос, но и задавать его: – *Зачем ты пошел в магазин?* – *Я ходил купить тетрадь*. Приурочить такую работу целесообразно к изучению *винительного падежа*, позже добавив синонимичные конструкции с предлогами *на* и *в*. При этом необходимо обратить внимание на то, что конструкции с предлогами *на* и *в* синонимичны конструкциям с инфинитивом, во-первых, ес-

ли в их состав входят отглагольные существительные со значение процесса действия. Например: приехать *на учебу* – приехать *учиться*. Во-вторых, если и конструкции с предлогами *на* употребляются глаголы движения с приставками *при-, за-*, а также глаголы: *взять, сдать, отдать, вернуть, возвратить, оставить* и подобные, например: *послать на рентген, отдать (часы) в ремонт*.

Для усвоения синонимичных конструкций можно предложить комплекс трансформационных упражнений, в которых учащиеся должны заменить одну конструкцию другой.

Как указывалось выше, цель охватывает все уровни жизнедеятельности человека – от бытового до духовного, поэтому данная тема актуальна и необходима для изучения в иностранной аудитории. Способы выражения цели действия в русском языке богаты и разнообразны, в связи с чем работа над темой “Выражение целевых отношений” проходит через весь период обучения иностранцев русскому языку.

Литература

1. *Белякова Н.Н. и др.* Учебник русского языка для нефилологических вузов СССР. Практическая грамматика. – М., 1978.
2. *Есина З.И., Иванова А.С. и др.* Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. Учебное пособие. – М., 2010.
3. *Левонтина И.Б.* Понятие цели и семантика целевых слов русского языка //Языковая картина мира и системная лексикография. – М., 2006.
4. *Милославский И.Г.* Краткая практическая грамматика русского языка. – М., 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады

- Амрахова А.Э. (РУДН)**
Семантическая структура имен прилагательных *знойный, жгучий и палящий* в современном русском и азербайджанском языках ...3
- Ахнина К.В. (РУДН)**
Профессионально-ориентированный сетевой медицинский дискурс ...10
- Бондарева В.В. (РУДН)**
Изучение вокализма в диахроническом аспекте ...15
- Воронова А.В. (РУДН)**
О некоторых приемах подачи материала газетных текстов иностранным студентам ...20
- Карелова М.А. (РУДН)**
Лингвокультурные детали с лексемой *дождь* в художественных произведениях 1943 – 1945 гг. ...25
- Киприянова М.В. (РУДН)**
Использование юмористических текстов как учебного материала на занятиях по русскому языку как иностранному ...32
- Файе Фату Диоп (РУДН)**
Лингвокультурологический аспект описания взаимосвязи языка и культуры ...39
- Цуй Ливэй (РУДН)**
Топонимы как средство формирования лингвокультурного образа Китая: на материале дальневосточных писателей-эмигрантов ...44

Секционные доклады

- Ал Фалки Сара Карим (ТГПУ им. Л.Н. Толстого)**
Арабские слова в русском языке ...51

Аль Анбаги Шайма Тамер Хасан (<i>ТГПУ им. Л.Н. Толстого</i>) Значение префикса <i>про-</i> на примере глаголов из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»	...56
Венгерова В.Г., Головкин В.А. (<i>ФГБОУ ВПО КубГУ</i>) Лексемы цветообозначения в сказке С.Т. Аксакова «Аленький цветочек»	...58
Ву Ван Куен (<i>РУДН</i>) К уточнению понятия «речевой этикет»	...61
Гаткина Д.Е. (<i>РУДН</i>) Средства передачи культурной информации в пьесе И. Бродского «Демократия»	...64
Горбунова Д.Д. (<i>ИГХТУ</i>) Языковой анализ понятия «нефть»	...70
Грунина Е.О. (<i>РУДН</i>) Специфика детской языковой личности	...72
Гуйссе Калиду (<i>РУДН</i>) Некоторые особенности артикуляционной базы француз- ского языка в аспекте РКИ	...76
Гуляева А.Ю. (<i>РУДН</i>) К вопросу об истории изучения русской интонации	...79
Долгова Д.Д. (<i>РУДН</i>) Слова-паразиты в русской устной речи иностранцев	...82
Кострова Е.А. (<i>ИГХТУ</i>) О создании словаря агафонского говора (из личного опыта)	...85
Котлярова Т.В. (<i>РУДН</i>) Речевые реакции коммуникантов в жанре интервью	...88
Ли Илэй (<i>РУДН</i>) Особенности китайских заимствований в русском языке	...91
Ли Хуэйчао (<i>РУДН</i>) Символика животных в русской и китайской лингвокуль- турах (на примере слова <i>конь</i>)	...95

Лыу Тху Чанг (<i>ТГПУ им. Л.Н. Толстого</i>) Лингвокультурологические особенности русского молодежного сленга (на материале СМИ и Интернета)	...97
Маркус Д.В. (<i>ИГХТУ</i>) Речевой портрет человека будущего (на примере Максима Каммерера из цикла романов братьев Стругацких)	...100
Марьянович Д. (<i>РУДН</i>) Структурно-семантические схождения при переводе русского и сербского духовного стиха	...102
Назарова Н.Р. (<i>РУДН</i>) Роль речевого этикета в жизни общества	...106
Нестерова И.В. (<i>РУДН</i>) Слова-реалии в народной песне XVIII века	...109
Норелис В.Г. Фабиола (<i>РУДН</i>) Национально-культурная специфика лексики в рассказе А.П. Чехова «Ванька»	...113
Пешков А.Н., Адамчук А.А. (<i>ФГБОУ ВПО КубГУ</i>) Проблема определения терминологической компетенции	...117
Светилова П.А. (<i>РУДН</i>) Национально-культурная специфика лексики в стихотворении В.И. Лебедева-Кумача «Священная война»	...120
Теремкова Е.В. (<i>ГосИРЯ им. А.С. Пушкина</i>) Использование текстов социальных сетей на уроках РКИ	...124
Толмачёва В.А. (<i>РУДН</i>) Роль и место грамматических упражнений в общей системе упражнений методики преподавания русского языка как иностранного	...127
Фунг Тхи Тху Чанг (<i>ТГПУ им. Л.Н. Толстого</i>) Специфика фразеологических единиц в заголовках российских газет	...133
Хао Симин (<i>РУДН</i>) Речевой жанр похвалы в русских и китайских народных сказках	...138

Хоанг Тхи Хыонг (<i>ТГПУ им. Л.Н. Толстого</i>)	
Русские пословицы в сопоставлении с вьетнамскими	...144
Цзян Тинтин (<i>РУДН</i>)	
Восполнение лакун как прием работы над художественным текстом на уроке по русскому языку как иностранному	...146
Чень Цзы (<i>РУДН</i>)	
Артикуляционные особенности сонорных согласных русского языка «в зеркале» китайской фонетической системы	...149
Чжан Лицзюань (<i>РУДН</i>)	
Безэквивалентная лексика в рассказе А.П. Чехова «Хамелеон» и ее интерпретация в китайской аудитории	...153
Юй Тяньшу (<i>РУДН</i>)	
Языковые средства выражения оценки в русской народной сказке на фоне китайской лингвокультурной традиции	...156
Юлдашева Я.М. (<i>РУДН</i>)	
Способы выражения цели действия в простом предложении	...160

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И МЕТОДИКИ ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 02.06.2015 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,0. Тираж 100 экз. Заказ 663.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок
